

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ III. № 1.

Volume III. № 1.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

(Читано съ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1896 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1898. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггера и Коми. и Н. А. Риннера
въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ
и Варшавѣ,
М. В. Клеина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale
des Sciences:

MM. J. Glasounef, Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou et
Varsovie,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цена: 1 р. — Prix: 2 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1898 года. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отчетъ о тридцать-восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1896 г. Непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинимъ.	1— 18
I. Разборъ сочиненія Н. П. Собко: «Словарь русскихъ художниковъ». 1896. Рецензія В. Стасова	15— 28
II. Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка. Монографія П. В. Голубовскаго. Кіевъ. 1895 г. Рецензія К. Бестужева-Рюмина	29— 36
III. И. Н. Смирновъ. Восточные Финны. Историко-этнографическій очеркъ. Т. I. Приволжская или Булгарская группа. Ч. I. Черемисы. Ч. II. Мордва. Т. II. Прикамская или Пермская группа. Ч. I. Вотяки. Ч. II. Пермьки. Рецензія академика Д. Н. Анучина	37— 43
IV. Восточные Финны. Историко-этнографическіе очерки И. Н. Смирнова. I, 1. Черемисы, Казань 1889 г. I, 2. Мордва, Казань 1895 г. II, 1. Вотяки, Казань 1890 г. II, 2. Пермьки, Казань 1891 г. Рецензія профессора Э. Н. Сетеле	45— 77
V. Разборъ сочиненія Фр. фонъ-Кейслера: Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ край въ XIII столѣтіи. Рецензія А. Сапунова.	79—182

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 25 СЕНТ. 1896 Г.

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. Ф. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено три сочиненія и одно на предложенную тему.

По правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова и гг. академиковъ: К. С. Веселовскаго, М. И. Сухомлинова, К. Н. Вестужева-Рюмина, В. Г. Васильевскаго и А. А. Куника.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, коммиссія для подробнаго разбора ихъ избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свое заключеніе и оцѣнку къ назначенному для того сроку.

По полученіи отзывовъ и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства сочиненій, коммиссія положила присудить *малыя* Уваровскія преміи, по 500 руб. каждая, нижеслѣдующимъ сочиненіямъ:

І. Н. П. Собко — «Словарь русскихъ художниковъ съ XI по XIX вѣкъ» т. I, выпускъ I буква А. С.-Петербургъ 1893 г. и т. II, выпускъ 1-й, буква И — I. С.-Петербургъ 1895 г.

Оцѣнку этого сочиненія, по просьбѣ Академіи, принялъ на себя извѣстный знатокъ искусства Владиміръ Васильевичъ Ста-совъ.

«Во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ процвѣтало и процвѣтаетъ искусство, давно существуетъ его исторія и біографическіе словари художниковъ». Наше же отечество, говоритъ рецензентъ, составляетъ до сихъ поръ очень замѣтное исключеніе. «Давно уже слышатся жалобы, какъ со стороны русскихъ, такъ и иностранцевъ, что нѣтъ у насъ ни исторіи нашего искусства, ни біографическихъ словарей художниковъ.—Пришло, наконецъ, время, что и у насъ стали появляться біографіи художниковъ, то отдѣльно, то группами и въ настоящее время представлено было въ Академію Наукъ сочиненіе г. Собко, имѣющее цѣлю соединить въ одно цѣлое и изобразить жизнь и произведенія всѣхъ русскихъ художниковъ: ваятелей, живописцовъ, зодчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ, литографовъ, медальеровъ, мозаистовъ, иконописцевъ, литейщиковъ, чеканщиковъ и проч., — съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (съ XI до XIX вѣка)». Такая задача въ высшей степени интересна, но можетъ показаться слишкомъ смѣлою, при малой разработанности этого отдѣла знаній. Въ самомъ дѣлѣ какого труда стоитъ собрать громадную массу самого разнороднаго матеріала, разсыяннаго по архивамъ, музеямъ, бібліотекамъ, коллекціямъ, печатнымъ книгамъ и рукописямъ. Николай Петровичъ Собко не остановился надъ такими трудностями и въ теченіе четверти столѣтія (съ 1867 по 1892 г.) трудился надъ собираніемъ матеріаловъ и ихъ обработкою. Мало того, онъ поставилъ себѣ долгомъ видѣть собственными глазами всѣ художественныя созданія, о которыхъ въ его книгѣ должна была итти рѣчь; прочитать все, что было писано объ этихъ произведеніяхъ и провѣрить всѣ хронологическія данныя.

«Подробнѣйшія разысканія въ архивахъ Императорской Академіи художествъ и министерства Императорскаго Двора, говоритъ авторъ, старательный просмотръ изданныхъ за послѣднее время подлинныхъ документовъ разныхъ старинныхъ архивовъ (Забѣлинымъ, Викторовымъ, Академіею Наукъ, Сенатомъ, Сино-

домъ, разными министерствами и другими учрежденіями) — убѣдили меня, что ни одинъ изъ прежнихъ сводовъ свѣдѣній о нашихъ художникахъ съ XIII вѣка, не можетъ вполне удовлетворять теперешнимъ требованіямъ или по недостатку указаній на источники или за отсутствіемъ критическаго разбора ихъ, и только изслѣдованія о старинныхъ мастерахъ приближаются къ современнымъ понятіямъ объ изданіяхъ подобнаго рода. Поэтому задалшись цѣлью собрать во едино возможно полныя свѣдѣнія о нашихъ художникахъ, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, по архивнымъ документамъ, автобіографическимъ замѣткамъ и другимъ надежнымъ источникамъ, я старался критически разобрать мой матеріалъ».

Такимъ образомъ авторъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сочиненіе его не было простою компиляціею и уже одно это придаетъ особенное значеніе сочиненію г. Собко.

«Я имѣлъ въ виду, говоритъ онъ въ концѣ своего предисловія, удовлетворить самымъ разнообразнымъ требованіямъ какъ историковъ и археологовъ, такъ любителей и художниковъ, причемъ включалъ въ свой «Словарь» рѣшительно всѣхъ старыхъ мастеровъ, хотя бы отъ нихъ сохранились одни лишь имена, а изъ болѣе позднѣйшихъ преимущественно тѣхъ, работы которыхъ или появлялись въ свое время на судъ публики и потомъ исчезали безслѣдно, или же сохранились въ разныхъ художественныхъ собраніяхъ, иллюстрируя, гдѣ можно, описательный текстъ снимками съ произведеній, характеризующихъ эпоху или дѣятельность художниковъ, а равно съ ихъ изображеній. Въ самомъ концѣ будутъ приложены статистическія таблицы художниковъ по ихъ происхожденію и мѣсту рожденія, систематическіе снимки ихъ по времени и роду дѣятельности, алфавитные указатели воспроизведенныхъ ими лицъ, мѣстностей и событій, подробные обзоры книгъ и статей по художественной части, служившихъ отчасти источникомъ мнѣ и проч.»

То, что до настоящаго времени появилось въ печати, вполне отвѣчаетъ обѣщаніямъ автора. По предположенію его, Словарь русскихъ художниковъ будетъ состоять изъ 12 выпусковъ, раздѣ-

ленныхъ на три тома и заключать въ себѣ около 6000 біографій. До сихъ поръ вышло только два вышеозначенныхъ выпуска. Изъ коихъ въ первомъ 500 именъ и 60 рисунковъ, а во второмъ 400 именъ и 45 рисунковъ.

Богатство собраннаго матеріала даетъ автору возможность дѣлать разнаго рода исправленія въ сочиненіяхъ и изданіяхъ почти всѣхъ его предшественниковъ и давать читателю отдѣльныя самостоятельныя изслѣдованія по русскому художеству. Но, говоритъ рецензентъ, упрекая другихъ авторовъ въ томъ, что они не указываютъ источниковъ, г. Собко самъ дѣлаетъ тоже въ особенности относительно рукописныхъ матеріаловъ, не указывая, кому они принадлежатъ и гдѣ хранятся. Иногда встрѣчаются недосмотры въ текстѣ. Такъ на примѣръ: «Абакумовъ, архитекторъ, родился во время похода въ Пруссію (1813 — 1814 г.)». Кто былъ въ этомъ походѣ отецъ или мать Абакумова или оба вмѣстѣ? Алфавитное размѣщеніе художниковъ во многихъ случаяхъ невыдержано строго. Такъ, Илія А. и Илія С. помѣщены въ букву *И*, а Илія К. въ букву *К*.; Андроникъ Невѣжа въ букву *Н*., а Андрей Рублевъ въ букву *А*.; Антонъ Фрязинъ — въ букву *Ф*, а Иванъ Фрязинъ въ букву *И* и проч.

Несмотря на всѣ эти мелочные недостатки рецензентъ признаетъ, что сочиненіе Н. П. Собко имѣетъ громадныя достоинства и во многихъ отношеніяхъ можетъ считаться образцовымъ. Оно представляетъ результатъ долговременныхъ трудовъ, ревностныхъ, неутомимыхъ и умѣлыхъ изслѣдованій. Подобнаго сочиненія столь необходимаго, какъ для ученыхъ и художниковъ, такъ и для публики у насъ не было и недостатковъ его былъ очень чувствителенъ.

Оцѣнивъ вполне достоинства изданныхъ выпусковъ Словаря Николая Петровича Собко, Императорская Академія Наукъ не признала возможнымъ увѣнчать его полною преміею потому только, что онъ не оконченъ.

II. Петръ Васильевичъ Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка. Кіевъ 1895 г.

Оцѣнка этого труда сдѣлана нашимъ уважаемымъ товарищемъ, академикомъ К. Н. Вестужевымъ-Рюминимъ.

Почтенный рецензентъ находитъ, что трудъ г. Голубовскаго, посвященный изученію судьбы Смоленской земли, какъ основанный на серьезномъ изученіи источниковъ и пособій и на критическомъ отношеніи къ нимъ, составляетъ серьезный вкладъ въ науку. Авторъ начинаетъ съ изученія географіи и этнографіи Смоленской земли. Предпосылая этнографическому введенію географическій обзоръ данной территоріи, г. Голубовскій завершаетъ главу обширнымъ топографическимъ обзорѣніемъ Смоленской земли.

Во второй главѣ авторъ переходитъ къ промышленности и торговли Смоленской земли. Порядокъ очень естественный въ виду того, что, служа своими путями сообщенія торговлѣ съ востокомъ и западомъ, а особенно съ западомъ, Смоленская земля сама доставляла предметы для вывоза: лѣсъ, разные роды хлѣбныхъ растений, шкуры пушныхъ звѣрей, металлическія издѣлія и т. д. Начало торговли съ востокомъ относится къ очень раннему времени: восточныя монеты, находимыя въ мѣстностяхъ на торговомъ пути, относятся къ VIII — X в.; между прочимъ въ Москвѣ найдены монеты IX в. глубоко въ землѣ. Не только монеты, но и вещи восточнаго происхожденія находятся въ могилахъ Кривичей и Радимичей. Торговля съ востокомъ шла черезъ землю Суздальскую и доходила вѣроятно до Булгарь камскихъ. Товары восточныя шли изъ Смоленска на западъ черезъ Ригу. Оживленныя сношенія велъ Смоленскъ также и съ Византіей. Товары греческіе шли изъ Смоленска на сѣверъ и западъ. Литература, посвященная этимъ сношеніямъ Смоленска, вполне исчерпана нашимъ авторомъ; особенную же цѣну его сочиненію, придаетъ то, что онъ не просто повторяетъ чужія мнѣнія, а сводитъ ихъ.

Такъ называемая „Смоленская торговая правда“, т. е. договоръ Смоленска съ нѣмцами, не разъ подтверждавшійся и сохранившійся въ нѣсколькихъ спискахъ, составилъ предметъ особенно тщательнаго изслѣдованія П. В. Голубовскаго; такому

изслѣдованію этотъ памятникъ до сихъ поръ подвергнутъ еще не былъ.

Въ слѣдующей III главѣ авторъ даетъ словарь Смоленскихъ князей; хотя противъ этого словаря и дѣлались возраженія, что списокъ изложенъ ни генеалогически, ни хронологически, тѣмъ не менѣе, по отзыву академика К. Н. Бестужева-Рюмина, на это можно возразить, что въ книгѣ имѣется и хронологическій списокъ великихъ князей, и генеалогическая таблица всего рода князей Смоленскихъ. Собственно же словарь г. Голубовскаго, по мнѣнію ученаго рецензента, представляетъ бѣльшее еще значеніе, потому что заключаетъ въ себѣ изслѣдованія о каждомъ князѣ, а о нѣкоторыхъ даже обширныя, а чрезъ это выясняются на дѣлѣ важные вопросы въ исторіи древней Руси.

Глава IV посвящена описанію общественнаго и политическаго быта Смоленской земли.

Здѣсь же дѣлается характеристика судебнаго и финансоваго строя, а равно сообщаются свѣдѣнія о духовной іерархіи, при чемъ авторъ дѣлаетъ любопытныя указанія на Смоленскіе источники «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ.»

Въ послѣдней главѣ своего труда авторъ излагаетъ политическую исторію Смоленской земли и весьма подробныя, опирающіяся на документальныя данныя свѣдѣнія объ отношеніи Смоленской земли къ ближнимъ и дальнимъ землямъ Русскимъ.

Признавая трудъ пр. Голубовскаго вполне заслуживающимъ малой Уваровской награды, по его точности и документальности, почтенный рецензентъ усматриваетъ единственныхъ два пробѣла въ диссертациі пр. Голубовскаго, а именно отсутствіе изслѣдованія о лѣтописяхъ, касающихся Смоленскихъ событій и очерка литературы интересующаго его предмета.

III. Иванъ Николаевичъ Смирновъ. Восточные финны. Историко-этнографическій очеркъ. Т. I. Приволжская или Вулгарская группа. Ч. I. Черемисы, ч. II. Мордва. Т. II. Прикамская или Пермская группа ч. I. Вотяки, ч. II. Пермьки.

Оцѣнку этого сочиненія по части этнографіи принялъ на себя нашъ товарищъ академикъ Д. Н. Анучинъ.

Сочиненіе г. Смирнова посвящено историко-этнографическому изученію четырехъ финскихъ племенъ, мало по малу сливающихся съ русскою народностью по вѣрѣ, языку и быту. Изученіе этихъ племенъ важно не только для разъясненія вопросовъ, касающихся исторіи Русской земли, колонизаціи ея восточныхъ областей, селенія русскихъ съ инородцами, но и для исторіи первобытной культуры этихъ племенъ.

«Нельзя сказать, говоритъ рецензентъ, чтобы указанная финскія народности не обращали на себя, до послѣдняго времени, вниманія ученыхъ. Особенности ихъ языка, быта и вѣрованій, ихъ географическое распредѣленіе, ихъ участіе въ исторіи Россіи, были предметомъ многихъ замѣтокъ, очерковъ и изслѣдованій, начиная съ половины прошлаго столѣтія». Но всѣ эти изслѣдованія разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ, трудамъ ученыхъ обществъ, по разнымъ мѣстнымъ сборникамъ, епархіальнымъ вѣдомостямъ и проч. Собрать всѣ эти статьи, свести ихъ въ одно цѣлое и сгладить противорѣчіе составляетъ уже не мало-важный трудъ, который и предпринять профессоромъ Казанскаго университета И. Н. Смирновымъ.

«Положеніе автора, говоритъ Д. Н. Анучинъ, въ значительной степени благопріятствовало достиженію поставленной имъ себѣ цѣли. Казань находится почти въ центрѣ территоріи указанныхъ финскихъ народностей; отсюда весьма удобны экскурсіи въ сосѣднія губерніи, а казанскіе музеи и библіотеки, въ болѣе-шей степени, чѣмъ другія въ Россіи, способны доставить литературные, антропологическіе, археологическіе и этнографическіе матеріалы для ознакомленія съ прошлымъ и настоящимъ Волжско-Камскаго края».

Тщательно собранные авторомъ источники и собственныя наблюденія придаютъ его труду выдающееся значеніе въ русской этнографической литературѣ и дѣлаютъ его необходимымъ пособіемъ при изученіи помянутыхъ финскихъ народностей. Но при всемъ этомъ рецензентъ находитъ, что авторъ не вполне восполь-

зовался печатнымъ матеріаломъ. Такъ, въ монографіи о черемисахъ, не приняты во вниманіе археологическія данныя о Мери, которая несомнѣнно стояла въ ближайшемъ родствѣ съ черемисами; въ монографіи о пермякахъ и вотякахъ лишь поверхностно затронуты археологическія указанія. Описаніе внѣшняго быта не сопровождается никакими рисунками, безъ которыхъ нельзя уяснить себѣ многихъ подробностей, и наконецъ къ описанію географическаго распространенія племенъ не приложено карты, что, конечно, давало бы болѣе наглядное понятіе какъ о распредѣленіи всѣхъ четырехъ народностей, такъ отчасти и объ ихъ передвиженіи въ историческую эпоху на востокъ и сѣверъ.

«Всѣ эти недостатки, говорить въ заключеніи Д. Н. Анучинъ, обусловленные главнымъ образомъ матеріальными условіями изданія, не могутъ однако заслонить достоинствъ сочиненія профессора Смирнова, которое, заключая въ себѣ подробное научное изслѣдованіе финскихъ народностей средняго Поволжья и Прикамья, является важнѣйшимъ историко-этнографическимъ трудомъ въ этой области, появившимся за послѣдніе годы въ русской литературѣ».

Виѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ выражаетъ пожеланіе, чтобы нѣкоторыя указаные имъ пробѣлы были бы восполнены въ послѣдствіи.

Дѣйствительно, при столь обширномъ объемѣ предмета и при трудности обработки его, невозможно требовать, чтобы авторъ исчерпалъ его вполне. Въ виду же разносторонности сочиненія Академія полагала, съ своей стороны, необходимымъ избрать профессиональнаго лингвиста для разбора сочиненія г. Смирнова, дабы выяснить тѣ способы, какими авторъ обосновываетъ лингвистическую характеристику нарѣчій приволжскихъ финновъ въ прошломъ ихъ развитіи и настоящемъ положеніи. Академія обратилась съ этою цѣлью къ профессору сравнительнаго языкознанія угро-финскихъ языковъ и доктору философіи Гельсингфорскаго университета Сетеле, который въ обширной рецензіи далъ полный отчетъ о способѣ обработки предмета г. Смирновымъ съ лингвистической точки зрѣнія.

«При изученіи тѣхъ періодовъ народной жизни, говорить г. Сетеле, которые не освѣщены историческими документами, прибѣгаютъ къ двоякаго рода источникамъ: частью къ непосредственнымъ памятникамъ доисторической жизни, частью къ такимъ продуктамъ прошедшей культуры, которые, хотя бы въ измѣненной формѣ, но продолжаютъ существовать въ наши дни. Къ памятникамъ перваго рода относятся могильники, остатки жилищъ, одежды, украшеній, рабочихъ инструментовъ, оружія и прочіе остатки, извлеченные изъ нѣдръ земныхъ для того, чтобы служить свидѣтелями доисторической жизни. Къ памятникамъ втораго рода принадлежатъ тѣ проявленія матеріальной и умственной жизни народа, которые мы встрѣчаемъ въ наши дни: постройки, одежда, нравы и обычаи, преданія и поэзія, насколько всѣ они дѣйствительно исходятъ непосредственно изъ доисторической эпохи.

«Работы, въ которыхъ профессоръ Смирновъ пытался освѣтить историческое прошлое восточно-финскихъ племенъ, должны были въ большинствѣ случаевъ основываться именно на такихъ источникахъ, такъ какъ документальная исторія этихъ племенъ не простирается вглубь далѣе нѣсколькихъ вѣковъ».

Руководимый такимъ взглядомъ рецензентъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за сочиненіемъ г. Смирнова и, указывая, какъ на достоинства труда, такъ и на его недостатки, приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Я думаю, говорить профессоръ Сетеле, что нельзя согласиться съ основанными на лингвистическихъ фактахъ главнѣйшими результатами изслѣдованій автора и долженъ сказать, что относительно древнѣйшей исторіи восточно-финскихъ племенъ современное языковѣдніе приводитъ совсѣмъ къ другимъ выводамъ, а отчасти даетъ возможность дѣлать такія заключенія, которыя совсѣмъ упущены авторомъ изъ виду. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу не признать, что дѣлать выводы изъ лингвистическихъ фактовъ можетъ только лингвистъ. Въ виду того, что въ данной области не было предшествовавшихъ работъ, готовыми результатами которыхъ нелингвистъ могъ бы воспользоваться для историческихъ цѣлей, а также и потому что часть замѣченныхъ мною

у автора недостатковъ встрѣчается даже и въ лингвистическихъ сочиненіяхъ — я считаю, что отъ автора нельзя требовать большаго; можно было только ожидать большей осторожности и сдержанности въ выводахъ».

Принимая во вниманіе, что за авторомъ есть заслуги и въ филологическомъ отношеніи; — что онъ нарисовалъ приблизительно вѣрную картину вотяко-зырянскаго культурнаго состоянія; — что онъ указалъ на тюркско-татарское культурное вліяніе на черемисовъ и вотяковъ; — что онъ указалъ на финскія названія мѣстностей, тамъ, гдѣ финны болѣе не живутъ; — что онъ собралъ огромный библиографическій матеріалъ, — профессоръ Сетеле находитъ сочиненіе И. Н. Смирнова заслуживающимъ преміи.

Обсудивъ подробно рецензіи академика Анучина и профессора Сетеле, Академія постановила увѣнчать сочиненіе г. Смирнова премією въ 500 рублей.

IV. Фридрихъ Августовичъ фонъ Кейслеръ. Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи (рукопись).

Съ самаго начала научной обработки древней русской исторіи выяснилась полная необходимость, не ограничиваясь отечественнымъ матеріаломъ, изучать и иностранные источники. Императорская Академія Наукъ прежде всего обратила вниманіе на изслѣдованіе византійскихъ извѣстій, относящихся къ исторіи Россіи, а польскими и другими источниками занималась мало. Такъ долгое время не обращалось вовсе вниманія на историческіе памятники, которые съ XIII столѣтія имѣлись въ Прибалтійскомъ краѣ; самое, впрочемъ, существованіе этихъ источниковъ стало извѣстнымъ только мало-по-малу. Карамзинъ, правда, всѣми силами старался пополнить этотъ пробѣлъ въ нашихъ историческихъ познаніяхъ, но, къ сожалѣнію, изъ многочисленныхъ ливонскихъ грамотъ ему были извѣстны лишь немногія.

Эти грамоты XIII и XIV столѣтій сдѣлались извѣстны, только благодаря обширному изданію Сборника ливонскихъ грамотъ, 10

томовъ котораго уже выпущены, но обнимають время лишь до середины XV столѣтія; благодаря этимъ-то документамъ и выяснилось истинное значеніе ливонскихъ хроникъ (главнымъ образомъ чрезъ дѣятельность историческаго общества въ Ригѣ, работающаго уже 60 лѣтъ).

Нельзя сказать, чтобы этою массою ливонскихъ источниковъ вполне воспользовались. Въ виду того, что эти матеріалы и изслѣдованія ихъ разбросаны, для русскихъ историковъ оказывалось слишкомъ трудно имѣть ихъ всегда предъ собою. Дабы помочь этому, наша Академія сочла цѣлесообразнымъ взять на себя печатаніе обширнаго библиографическаго Сборника по ливонской исторіи, которому Винкельманъ положилъ начало по собственному почину. Въ то же время Академія поручила воспитаннику СПб. университета Августу Энгельману составить „Хронологическое изслѣдованіе въ области русской и ливонской исторіи въ XIII и XIV вѣкахъ.“

Не ограничиваясь этимъ, Академія поручила на основаніи сравнительнаго изслѣдованія ливонскихъ, русскихъ и другихъ источниковъ бібліотекарю Воннелю составить Русско-ливонскую хронографію до 1410 года. — Значеніе этого труда было настолько велико, что многіе ученые выразили желаніе, чтобы Воннель продолжалъ свою работу вплоть до уничтоженія Нѣмецкаго Ордена въ Прибалтійскомъ краѣ. Исполненіе этого предпріятія оставалось, однако же, неосуществимымъ, пока не сдѣлались общедоступными разсѣянные въ прибалтійскомъ и иностранныхъ архивахъ грамоты, характеризующія отношенія Лифляндіи къ Россіи съ 1410 г. За всѣмъ тѣмъ Академія тогда же поручила молодому историку Герману Гильдебранду составить по крайней мѣрѣ списокъ находящихся въ Ригѣ и Ревелѣ многочисленныхъ грамотъ, касающихся преимущественно этого періода. Отчеты Гильдебранда напечатаны были въ Запискахъ Академіи.

Въ нынѣшнемъ году въ Академію представлено на соисканіе Уваровской преміи преподавателемъ исторіи при здѣшнемъ училищѣ Св. Анны, бывшимъ воспитанникомъ Юрьевскаго университета, Фр. фонъ-Кейслеромъ сочиненіе, озаглавленное: „Окон-

чаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи.“ Сочиненіе это посвящено періоду, о которомъ едва ли еще найдутся достопримѣчательные источники, и потому обстоятельное рецензированіе этого труда особенно желательно было возложить на лицо, вполне безпристрастное и знакомое съ приемами современной исторической критики.

Академія остановила свой выборъ на бывшемъ воспитанникѣ СПб. университета Алексѣѣ Пареевичѣ Сапуновѣ, специально занимающемся ливонскою исторіею. Его рецензія на сочиненіе ф. Кейслера столь обширна и касается столь многихъ специальныхъ вопросовъ, что мы должны ограничиться передачею лишь общей оцѣнки труда г. Кейслера.

Самое значеніе труда г. ф. Кейслера рецензентъ характеризуетъ въ нижеслѣдующихъ словахъ:

Край, извѣстный подъ именемъ Прибалтійскаго, составляетъ продолженіе той равнины, на которой издревле живутъ Русскія племена. Прибалтійскій край населенъ двумя различными племенами Литовскимъ и Финскимъ.

Всю сѣверную и среднюю полосу его обитали народы Финскаго племени, извѣстные древней Руси, подъ именемъ Чуди; въ южной же части названнаго края жили народы Литовскаго племени Летгола (Летты) и Земгола (Семигаллы).

Чудь, а также Летты области Толова издревле находились подъ вліяніемъ Новгорода и Пскова, Летты же При-Двинскіе и Ливы — подъ вліяніемъ Полоцка.

Въ началѣ XIII в. въ этомъ краѣ столкнулся міръ Германскій съ міромъ Славянскимъ и между ними завязалась борьба, долго тянувшаяся съ перемежнымъ счастіемъ.

Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ какъ будто завѣщана была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака до-историческихъ временъ на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ, замѣтилъ еще Костомаровъ. И дѣйствительно лишь въ XVIII в. Ливонскій или Прибалтійскій край сдѣлался окончательно тѣмъ, чѣмъ суждено быть этой странѣ по самому ея географическому положенію — т. е. нераздѣльною частью Россійской Имперіи.

Такъ какъ до настоящаго времени въ русской исторической литературѣ нельзя указать ни на одно сочиненіе, въ которомъ бы всесторонне былъ разсмотрѣнъ вопросъ о первоначальномъ русскомъ владычествѣ въ Прибалтійскомъ краѣ и о первыхъ здѣсь столкновеніяхъ нѣмцевъ съ русскими, замѣчаетъ А. П. Сапуновъ, то восполнить этотъ пробѣлъ и взялся г. Фр. ф. Кейслеръ, давно уже и не безъ успѣха трудящійся надъ разработкою разныхъ сторонъ этого интереснаго и важнаго вопроса.

Внимательное изученіе матеріаловъ, разработанныхъ авторомъ, приводитъ рецензента къ тому выводу, что заглавіе неточно передаетъ его содержаніе, ибо въ сущности г. ф. Кейслеръ излагаетъ окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII в. преимущественно по хроникѣ Генриха Латыша.

Хотя г. Сапуновъ во многомъ расходится съ авторомъ, но признаетъ за нимъ трудолюбіе и любовь къ дѣлу, а равно и полное знакомство съ новѣйшими нѣмецкими сочиненіями по тому вопросу, которому посвящено изслѣдованіе.

Академія положила, въ интересъ русской исторіи, согласно съ мнѣніемъ рецензента, присудить г. ф. Кейслеру малую Уваровскую премію, будучи увѣрена въ томъ, что какъ сочиненіе г. Кейслера, такъ и рецензія А. П. Сапунова поведутъ къ установленію болѣе ясныхъ и вѣрныхъ взглядовъ на отношенія балтійскихъ земель въ XIII столѣтіи къ русскимъ владѣніямъ того времени и на ихъ исторію.

По присужденіи премій комиссія, во изъявленіе глубокой признательности, положила благодарить гг. рецензентовъ и назначить отъ имени Академіи золотыя Уваровскія медали: тайному совѣтнику Владиміру Васильевичу Стасову, профессору Александровскаго университета Сетеле и статскому совѣтнику Алексію Пароеновичу Сапунову.

I.

Разборъ сочиненія Н. П. Собко:

„Словарь Русскихъ художниковъ“. 1896.

Рецензія В. Стасова.

Во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ искусство дало сильный ростъ, гдѣ оно процвѣтало и процвѣтаетъ, гдѣ имъ не только наслаждаются, но и изучаютъ его, — давно уже существуютъ исторіи искусства и словари художниковъ. Наше отечество составляетъ до сихъ поръ очень замѣтное исключеніе. Давно уже слышатся жалобы, какъ со стороны русскихъ, такъ и со стороны иностранцевъ, что нѣтъ у насъ ни исторіи нашего искусства, ни словарей біографическихъ и предметныхъ, — и такія жалобы въ послѣднія десятилѣтія раздаются все громче и настойчивѣе. Оно и не могло быть иначе: пришло, наконецъ, и у насъ то время, когда стали сознавать, что у насъ есть свое искусство, свое собственное, самостоятельное и оригинальное, не взирая на всѣ слишкомъ долговременныя заимствованія отъ другихъ народовъ, и что этимъ искусствомъ дѣйствительно стоить труда заняться, а служители этого искусства, художники, своею личностью и жизнью представляютъ также предметъ, достойный всяческой симпатіи и изученія. Мало-по-малу стали у насъ появляться біографіи художниковъ, то отдѣльно, то группами, исчисленія и изображенія ихъ произведеній, но все это были работы частныя, частичныя, далеко не обнимающія собою области всего нашего искусства, всего сдѣланнаго нашими художниками и мастерами.

Наконецъ, въ настоящее время представлено на воззрѣніе Академіи наукъ такое сочиненіе, которое впервые беретъ себѣ задачу: соединить въ одно цѣлое и изобразить жизнь и произведенія *всѣхъ* «русскихъ художниковъ»: ваятелей, живописцевъ, зодчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ,

«литографовъ, медальеровъ, мозаичистовъ, иконописцевъ, литейщиковъ, чеканщиковъ, сканщиковъ и проч., съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (съ XI-го до XIX-го вѣка).» Такая задача не можетъ не быть въ высокой степени интересна для всѣхъ, кому русское искусство составляетъ живой интересъ и представляется одною изъ главнѣйшихъ сторонъ нашей интеллигентной жизни.

Но подобное предпріятіе не можетъ также не показаться, съ перваго разу, слишкомъ смѣлымъ, слишкомъ многообъемлющимъ въ своихъ рамкахъ, а потому оно при самомъ началѣ возбуждаетъ сомнѣніе и недобріе. Всякій легко представляетъ себѣ громадную массу разнороднаго художественнаго и біографическаго матеріала, разбѣяннаго по музеямъ, коллекціямъ, бібліотекамъ, архивамъ, по печатнымъ книгамъ и рукописямъ. Каждый боится тотчасъ же и за объемъ, и за содержаніе изданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и за время, и за трудъ, которые потребуются, завѣдомо, для доведенія такого предпріятія до конца.

Но интересующійся дѣломъ читатель уже съ самаго начала получаетъ отъ автора вновь являющагося теперь изданія нѣсколько очень прочныхъ и надежныхъ заявленій. Изданіе это не скороспѣлое, не поспѣшное, и не опрометчивое: авторъ приготавливался къ нему и работалъ надъ нимъ неотступно въ теченіе цѣлой четверти столѣтія, съ 1867-го по 1892-й г. включительно, задумано-же оно было авторомъ еще съ юношескихъ его годовъ и велось постоянно съ одною и тою-же неослабною любовью и внимательностью. Для предпринятой цѣли, авторъ не желалъ быть только компиляторомъ и съ удобствомъ пользоваться только тѣмъ, что было сдѣлано раньше него другими, и что можно найти въ готовыхъ уже частичныхъ напечатанныхъ изслѣдованіяхъ, обзорахъ и всякаго рода, вообще, сочиненіяхъ. Онъ поставилъ себѣ долгомъ, во-первыхъ, видѣть собственными глазами всѣ художественныя созданія, о которыхъ въ его книгѣ должна была идти рѣчь — насколько это обзорѣніе было достижимо и возможно; во-вторыхъ, прочесть все, что объ этихъ произведеніяхъ писано до сихъ поръ во всевозможныхъ научныхъ изданіяхъ; въ третьихъ, провѣрить всѣ до сихъ поръ извѣстныя данныя, и не довѣряя никакимъ авторитетамъ, хотя бы самымъ почтеннымъ и достойнымъ, стараться достигать истинныхъ фактовъ и правильнѣйшихъ сужденій собственными средствами. Онъ говоритъ:

«Подробнѣйшія розысканія въ архивахъ Императорской Академіи художествъ, Министерства Императорскаго Двора, старательный просмотръ изданныхъ за послѣднее время подлинныхъ документовъ разныхъ старинныхъ архивовъ (Забѣлинымъ, Викторовымъ, Академіей наукъ, Сенатомъ, Синодомъ, разными министерствами и другими учрежденіями) убѣдили меня, что ни одинъ изъ прежнихъ *сводовъ свѣдѣній* о нашихъ худож-

никахъ, съ XVIII-го в., не можетъ вполне удовлетворять теперешнимъ требованіямъ или по недостатку указаній на источники, или за отсутствіемъ критическаго разбора ихъ, и только изслѣдованія о старинныхъ мастерахъ (наприм., Забѣлина—о серебряникахъ и эмальерахъ, Ровинскаго—объ иконописцахъ, Румянцева—о рѣщикахъ) приближаются къ современнымъ понятіямъ объ изданіяхъ подобнаго рода. Поэтому, задавшись цѣлью собрать воедино возможно полныя свѣдѣнія о нашихъ художникахъ съ древнѣйшихъ временъ по архивнымъ документамъ, автобиографическимъ замѣткамъ и другимъ надежнымъ источникамъ, я старался *критически* разобрать мой матеріалъ...»

Такимъ образомъ, новое сочиненіе употребляло всѣ возможные усилія на то, чтобъ не быть единственно только *компляціею*, и уже одно это качество придаетъ ему особую значительность и внушаетъ къ нему интересъ.

«Я имѣлъ въ виду, говоритъ въ концѣ предисловія авторъ, удовлетворить самымъ разнообразнымъ требованіямъ, какъ историковъ и археологовъ, такъ и любителей и художниковъ, при чемъ включалъ въ свой «Словарь» рѣшительно всѣхъ старыхъ мастеровъ, хотя-бы отъ нихъ сохранились одни лишь имена, а изъ болѣе позднѣйшихъ—преимущественно тѣхъ, работы которыхъ или появлялись въ свое время на судъ публики и потомъ исчезли безслѣдно, или-же сохранились на своихъ мѣстахъ и въ разныхъ художественныхъ собраніяхъ, иллюстрируя, гдѣ можно, описательный текстъ снимками съ произведеній, характеризующихъ эпоху или дѣятельность художниковъ, а равно съ ихъ изображеній. Въ самомъ концѣ будутъ приложены статистическія таблицы художниковъ по ихъ происхожденію и мѣсту рожденія, систематическіе списки ихъ по времени и роду дѣятельности, алфавитные указатели воспроизведенныхъ ими лицъ, мѣстностей и событий, подробные обзоры книгъ и статей по художественной части, служившихъ отчасти источниками мнѣ, и проч....»

Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ такое изданіе, которое вполне соответствуетъ художественно-научнымъ требованіямъ настоящаго времени. Въ томъ, что до сихъ поръ появилось въ печати изъ новаго сочиненія, мы находимъ точное исполненіе даваемымъ со стороны автора обѣщаніямъ и, можно сказать, осуществленіе ихъ самымъ блестящимъ образомъ. А что и впредь можно ожидать точнаго, вѣрнаго и полнаго осуществленія данныхъ авторомъ обѣщаній, тому ручательствомъ могутъ служить для насъ, въ достаточной мѣрѣ, тѣ многочисленныя художественно-научныя изданія, которыя до сихъ поръ выходили изъ рукъ того-же автора и всегда отличались необыкновенной полнотой и вѣрностью свѣдѣній. Но, не ограничиваясь всѣмъ этимъ, авторъ позаботился оградить свое изданіе отъ

возможныхъ случайностей и перерывовъ, и говорить, въ «Замѣткѣ», при II-мъ выпускѣ: «Какія-бы ни были помѣхи, я думаю кончить свое изданіе, если не въ 4 года, какъ рассчитываю, то въ 6 лѣтъ; въ случаѣ-же моей преждевременной смерти, это изданіе можетъ продолжаться, по моимъ матеріаламъ, профессоръ исторіи искусства въ Берлинской Академіи художествъ и Художественно-Промышленной Школы Эд. Як. Доббертъ, статьи котораго о русскихъ художникахъ, по собиравшимся имъ независимо отъ меня матеріаламъ, отличались изъ всѣхъ другихъ особенною точностью и полнотою свѣдѣній...»

«Словарь русскихъ художниковъ» будетъ, по мысли его автора, состоять изъ 12-ти выпусковъ, раздѣленныхъ на 3 тома, и заключать въ себѣ около 6000 біографій, примѣрно съ 600 снимками съ художественныхъ произведеній и портретовъ художниковъ.

До сихъ поръ вышло только 2 выпуска: 1-й выпускъ I-го тома, заключающій букву А, и 1-ый выпускъ II-го тома, заключающій буквы И и І. Въ первомъ изъ нихъ — 500 именъ и 60 рисунковъ; во второмъ — 400 именъ и 45 рисунковъ. Оба вмѣстѣ составляютъ, такимъ образомъ, цѣлую $\frac{1}{6}$ часть всего изданія.

Ранѣе всего укажу на рисунки. Они превосходны по внѣшности, и въ высшей степени замѣчательны по содержанію. Внѣшность ихъ — чрезвычайно точная, вѣрная и изящная, отчетливая до малѣйшихъ подробностей; что-же касается самаго содержанія, то авторъ заслуживаетъ всяческихъ похвалъ за свой выборъ художественныхъ произведеній стараго и новаго времени, дѣйствительно выполняющихъ его намѣренія: давать публикѣ снимки съ такихъ произведеній, которыя «характеризуютъ эпоху или дѣятельность художниковъ.» Въ наибольшей степени достойны вниманія снимки съ художественныхъ произведеній старыхъ нашихъ эпохъ, не только мало извѣстныхъ нашей интеллигентной публикѣ, но, можно сказать, почти вовсе ей недоступныхъ по рѣдкости или дороговизнѣ тѣхъ изданій, гдѣ эти произведенія представлены. Осуществленіе такой задачи, сверхъ того, было возможно во многихъ случаяхъ только въ Петербургѣ или Москвѣ (чаще всего въ Петербургѣ), такъ какъ есть много изданій, гравированныхъ, фотографическихъ, фототипическихъ и другихъ этого-же рода, которыхъ не существуетъ въ другихъ нашихъ городахъ, да и въ этихъ двухъ, Петербургѣ и Москвѣ, могутъ находиться въ частныхъ рукахъ, для воспроизведенія, лишь у немногихъ личностей, пользующихся особеннымъ довѣріемъ и, сверхъ того, обладающихъ достаточнымъ знаніемъ

и соображеніемъ для ихъ выбора и опубликованія. Такъ, наприм., надо имѣть достаточное знаніе матеріала и достаточную сообразительность, чтобъ представить личность и живописную дѣятельность знаменитаго русскаго живописца XI—XII вѣка, Алипія Кіевскаго, на основаніи одной изъ картинокъ «Патерика» кіевскаго 1656 года; личность и живописную дѣятельность другого русскаго знаменитаго живописца, но уже XV-го вѣка, Андрея Рублева, на основаніи нѣсколькихъ картинокъ изъ очень рѣдкаго изданія Троицко-Сергіевской лавры, XVI вѣка: «Житіе Св. Сергія» (здѣсь Андрей Рублевъ представленъ, въ одномъ мѣстѣ, сидящимъ на верху подмостокъ съ приставною лѣстницею и расписывающимъ альфрескомъ, на внѣшней стѣнѣ церкви, громадную голову Спаса); или чтобъ представить царскій дворецъ внутри Московскаго Кремля въ началѣ XVII-го вѣка на основаніи очень дорогой и рѣдкой книги (громднаго формата): «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича», а планы этого дворца на основаніи «Сборника чертежей Москвы и Пскова XVII стол.» и «Достопамятностей Московскаго Кремля» Вельтмана; представить множество древнихъ фресокъ изъ разныхъ церквей, разбросанныхъ по Россіи и воспроизведенныхъ лишь ярославскимъ фотографомъ И. Ѳ. Барцевскимъ, въ его многотысячномъ собраніи фотографическихъ снимковъ, превосходномъ, но почти нигдѣ у насъ не извѣстномъ, кромѣ Петербурга и Москвы; или представить, наконецъ, цѣлую массу картинъ и гравюръ старыхъ нашихъ эпохъ, изъ которыхъ однѣ существуютъ только въ петербургскихъ и московскихъ картинныхъ музеяхъ, или въ петербургскихъ и московскихъ собраніяхъ старопечатныхъ книгъ. Избраніе и воспроизведеніе всего этого, изыщное и вѣрное, въ книгѣ, легко всѣмъ доступной — заслуга очень значительная.

Переходя къ тексту, нельзя не подивиться ранѣе всего обширности того матеріала, которымъ пользовался авторъ. Одинъ списокъ архивовъ, куда онъ проникалъ и которыми пользовался въ продолженіе 25 лѣтъ, занялъ бы нѣсколько страницъ; источники-же рукописные и печатные, откуда онъ черпалъ, заняли бы въ нѣсколько десятковъ разъ еще болѣе мѣста. И объ этомъ можетъ судить всякій, взглянувъ даже только на тѣ библиографическія указанія, которыя стоятъ въ концѣ каждой отдѣльной біографіи. Такой богатой библиографіи, относящейся къ художественной дѣятельности русскихъ, напрасно было бы искать еще гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ у насъ, и при этомъ не мѣшаетъ вспомнить, что тѣ три библиографіи, которыя до сихъ поръ поражали своею необычайною полнотою cadaго, занимающагося у насъ русскою художественною исторіею, и которыя можно считать какъ-бы «пробными листами» къ нынѣшнему «Словарию», а именно библиографіи нашихъ знаменитыхъ живописцевъ: Брюллова, Иванова и Перова (при извѣстныхъ обширныхъ монографіяхъ этихъ трехъ художни-

ковъ) — были составлены тѣмъ-же авторомъ, который издаетъ въ настоящее время обозрѣваемый нами «Словарь»¹⁾.

Это-то богатство матеріала, прочно и основательно изученнаго, и даетъ автору этого «Словаря» возможность представить огромное число поправокъ для *датъ* и всякаго рода *фактовъ* въ сочиненіяхъ и изданіяхъ почти всѣхъ его предшественниковъ, лишь пробовавшихъ изложить которую-либо часть русской художественной исторіи, или-же и успѣвавшихъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, давать удовлетворительныя, иногда и замѣчательныя въ высшей степени отдѣльныя изслѣдованія по части русскаго искусства. Такимъ образомъ, въ двухъ изданныхъ до сихъ поръ выпускахъ «Словаря» мы находимъ огромное множество поправокъ, ректификацій и дополненій къ сочиненіямъ и изданіямъ не только гг. Снегирева, Сомова, Прозоровскаго, П. Н. Петрова, Божерянова, Новицкаго, Булгакова и т. д., но даже къ сочиненіямъ и изслѣдованіямъ Ровинскаго, Забѣлина и Добберта, трехъ наиболѣе важныхъ, богатыхъ свѣдѣніями, достовѣрныхъ и плодотворныхъ писателей о русскомъ искусствѣ разнаго рода. Сверхъ того, авторъ «Словаря» не пренебрегалъ дѣлать подобнаго-же рода поправки и въ такихъ сочиненіяхъ, которыя имѣли предметомъ не прямо самое искусство, но во многихъ случаяхъ соприкасались его фактовъ и деталей. Таковы, наприм., въ числѣ многихъ другихъ, сочиненія: Барсукова «Источники русской агіографіи» и отца Сергія «Полный мѣсяцъ-словъ Востока», и т. д. Поправки автора «Словаря» представляютъ такой матеріалъ, котораго не можетъ обходить ни одинъ нынѣшній или будущій изслѣдователь русскаго искусства.

Въ вышедшихъ двухъ выпускахъ «Словаря», кромѣ цѣлой массы біографій художниковъ второстепенныхъ и третъестепенныхъ, есть также значительное количество біографій художниковъ, имѣющихъ важное значеніе въ нашей художественной исторіи.

Такъ, по части *архитектуры* въ «Словарѣ» мы встрѣчаемъ исчисленіе множество русскихъ архитекторовъ на буквы А, И и І, начиная отъ «Ивана, приставника надъ церковными мастерами въ половинѣ XII-го вѣка, въ Полоцкѣ, наблюдавшаго, по сказанію «Степенной Книги», за постройкой каменной церкви Спаса въ Сельцѣ, при женскомъ монастырѣ, сооруженномъ Полоцкой княжнѣю Св. Евфросиніей», продолжая *Алексой* «градору-

1) Пытливое отыскиваніе историческихъ и біографическихъ свѣдѣній о художникахъ простирается у автора «Словаря» такъ далеко, что онъ даже старается отыскивать ихъ въ газетахъ прошлаго столѣтія, въ отдѣлѣ «Объявленій». Такимъ образомъ, напримѣръ, онъ имѣлъ возможность отмѣтить въ своемъ текстѣ, что живописецъ *Петръ Аккермаркъ* уѣхалъ изъ Россіи на свою родину въ 1771 году, а литейщикъ *Арнольдъ (Клодъ)*, участвовавшій въ отлитіи фигуры Петра Великаго Фальконэ, уѣхалъ изъ Россіи во Францію въ 1776 году. Другихъ подобныхъ-же примѣровъ можно указать въ «Словарѣ» не мало.

бомъ», «мужемъ хитрымъ», строившимъ Каменецъ въ XIII-мъ вѣкѣ, при князѣ Владимірѣ Васильковичѣ, — продолжая, далѣе, *Иваномъ Фрязинимъ*, строившимъ въ Псковѣ въ первой половинѣ XVI-го вѣка кремль и производившимъ другія деревянныя постройки «на усть рѣки Псковы черезъ рѣку», — далѣе *Борисомъ Айнустовымъ*, «градодѣльцемъ», строившимъ городъ Николо-Зарайскъ въ XVII-мъ вѣкѣ, — далѣе *Иваномъ*, зодчимъ конца XVII-го вѣка, строившимъ церковь Спаса Преображенія въ Твери, — и кончая цѣлой семьей архитекторовъ *Адамини*, швейцарцевъ родомъ, но превратившихся въ сущихъ русскихъ и участвовавшихъ во множествѣ русскихъ построекъ XIX-го вѣка, то въ качествѣ архитекторовъ, то въ качествѣ каменныхъ дѣлъ мастеровъ; кончая также и архитекторомъ *Авдѣевымъ*, талантомъ посредственнымъ, но участвовавшимъ въ русскомъ художественномъ движеніи времени Александра II многими замѣчательными художественными изслѣдованіями и статьями. Особеннаго-же вниманія заслуживаютъ въ этихъ двухъ выпускахъ «Словаря», по части архитектуры, статьи объ *Алевизѣ* и *Сергѣѣ Ивановѣ*. Статья о первомъ изъ нихъ представляетъ полное изслѣдованіе и собраніе матеріаловъ о «фрязинѣ» Алевизѣ, вызванномъ изъ Италіи Иваномъ III, и его постройкахъ въ Москвѣ, селѣ Коломенскомъ, Городнѣ и селѣ Островскомъ (частью проблематическихъ); между всѣмъ этимъ главную роль играла, конечно, постройка большого московскаго дворца. Внѣшній видъ этого дворца, какимъ онъ былъ во время возведенія на царство Михаила Феодоровича, представленъ въ «Словарѣ» (какъ сказано уже выше) на основаніи одной изъ многочисленныхъ картинокъ «Книги объ избраніи на царство Михаила Феодоровича». Статья-же о *Сергѣѣ Ивановѣ* есть самая полнѣйшая біографія этого даровитаго брата знаменитаго нашего живописца *Александра Андреевича Иванова*; но, кромѣ своей даровитости, Сергѣй Ивановъ былъ также необыкновенно образованнымъ и замѣчательнымъ изслѣдователемъ по части классической архитектурной древности, очень уважаемый за границей, особливо въ Италіи: онъ оставилъ значительное количество реставрацій древнихъ зданій Греціи и Рима, по достоинству оцѣненныхъ такимъ авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ Германскій Археологическій институтъ въ Римѣ. Переписка же обоихъ братьевъ, *Александра* и *Сергѣя*, послужила очень важнымъ матеріаломъ для изображенія въ яркихъ чертахъ, въ «Словарѣ», симпатичной, значительной и высоко-замѣчательной личности *Сергѣя Иванова*.

По части *скульптуры* мы находимъ въ «Словарѣ» также значительное количество художниковъ, начиная отъ *Авдія* XIII-го вѣка, украшавшаго «пригѣнами» всякаго рода великолѣпную церковь Св. Іоанна Златоустаго въ городѣ Холмѣ-Волынскомъ: онъ заслуживаетъ поэтому особаго внима-

нія, хотя бы даже былъ иностранецъ, какъ полагають иные изслѣдователи наши. Другая большая статья касается скульптора-литейщика «мастера *Аврама*», принадлежащаго XII-му или XIV вѣку и участвовавшаго въ созиданіи или реставраціи знаменитыхъ «Корсунскихъ вратъ» новгородскаго Софійскаго собора. Монографія о немъ въ «Словарѣ» очень обширна и посвящена подробному разбору всѣхъ многочисленныхъ мнѣній, высказанныхъ, какъ о его искусствѣ, такъ и о самихъ «Корсунскихъ вратахъ» у насъ и за границей. Статья украшена отличнымъ изображеніемъ «вратъ», снятымъ съ фотографіи ярославскаго фотографа Барщевскаго. Далѣе слѣдуетъ ваятель — рѣзчикъ по дереву — *Ананія*, западно-русскій священникъ, поднесшій между 1456 и 1505 г. Пинскому князю Теодору Ив. Ярославичу рѣзную икону «Софіи, Премудрости Божіей», которая существуетъ и до сихъ поръ и принадлежитъ французскому графу Бланжи: изображеніе этой иконы, извѣстной всему западному міру Европы вслѣдствіе изданія ея въ свѣтъ знаменитымъ иезуитомъ-археологомъ Кайе, еще въ 1847 году, приложено при настоящей статьѣ «Словаря». Продолжаясь на пространствѣ и послѣдующихъ затѣмъ столѣтій, свѣдѣнія о русскихъ скульпторахъ приходятъ, наконецъ, въ «Словарѣ» (I-й выпускъ) и къ *Антокольскому*, самому замѣчательному и самому прославленному изъ всѣхъ нашихъ ваятелей. Ему посвящена въ «Словарѣ» статья, состоящая изъ 16 страницъ, гдѣ помѣстились: очень полный и обстоятельный текстъ, изображенія пяти замѣчательнѣйшихъ его созданій («Иванъ Грозный», «Петръ Великій», «Проектъ памятника Пушкину», «Несторъ», «Ермакъ»), наконецъ, отрывки изъ его автобіографіи и писемъ.

Биографіи живописцевъ, конечно, самыя многочисленные, потому что живопись не встрѣчала со стороны православной религіи никогда никакихъ помѣхъ и препятствій и, напротивъ, соотвѣтствовала всѣмъ требованіямъ вѣры русскаго народа. *Первымъ* русскимъ живописцемъ является *Св. Алимпій*, или *Алимпій*, преподобный Кіево-Печерскій, иконописецъ, скончавшійся, по нѣкоторымъ даннымъ, 17-го августа 1114 года и, значить, принадлежащій XI-му и XII-му вѣку. Статья о немъ представляетъ сводъ всѣхъ доселѣ имѣющихся статей и изслѣдованій объ этомъ иконописцѣ и его произведеніяхъ; при статьѣ-же приложено его изображеніе съ миниатюрными сценами изъ его жизни на основаніи картинокъ изъ «Лицеваго Патерика», напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1656 г. Далѣе являются: *Авраамій Смоленскій*, иконописецъ XIII-го вѣка, — въ статьѣ о немъ подробно изложены всѣ спорные пункты о его личности и полная литература всего о немъ до сихъ поръ писаннаго; иконописецъ *Иванъ*, дѣйствовавшій въ Ростовѣ въ первой половинѣ XIII-го вѣка; *Иванъ*, «росписникъ церковный», дѣйствовавшій въ Новгородѣ и сгорѣвшій въ 1385 году, во время

большого пожара, истребившаго оба конца — Плотницкій и Словенскій; два живописца *Исаи*, одинъ новгородскій, другой череповскій, оба XIV-го вѣка; *Иванъ*, московскій живописецъ 1345 года, какъ говоритъ лѣтопись, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими «ученицы гречестіи»; *Иосифъ*, иконописецъ московскій, при Симеонѣ Гордомъ; наконецъ, знаменитый *Андрей Рублевъ*, живописецъ первой половины XIV-го вѣка, который представленъ въ «Словарѣ» обширной біографіей и бібліографіей, и, сверхъ того, какъ уже сказано выше, картинками изъ *Житія Св. Сергія* по рукописи Троицко-Сергіевской лавры, XVI-го вѣка, гдѣ онъ изображенъ пишущимъ фреску «Спаса» на стѣнѣ и приходящимъ къ новопостроенной церкви въ Андрониковомъ монастырѣ. Затѣмъ, въ теченіе XVI-го и XVII-го вѣковъ, число иконописцевъ становится все болѣе и болѣе обширнымъ; всѣ тѣ изъ нихъ, имена которыхъ дошли до насъ, указаны въ «Словарѣ», а вмѣстѣ съ тѣмъ воспроизведены здѣсь нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, фресокъ ихъ на стѣнахъ церквей. Но необходимо замѣтить, что значительною помощью автору «Словаря», по части древней русской живописи, были сочиненія по этому предмету Ровинскаго и Забѣлина, еще въ 50-хъ годахъ основательно трактовавшіе этотъ предметъ. Автору «Словаря» оставалось только, провѣряя и пополняя ихъ работу, обогатить ее тѣмъ матеріаломъ, который накопился или открылся въ теченіе послѣднихъ 35—40 лѣтъ.

Изъ миниатюристовъ стараго времени, особаго вниманія заслуживаетъ *Арсеній*, игуменъ рязанскаго Ольгова монастыря, который, какъ предполагаютъ (на основаніи подписи), исполнилъ живописный заголовокъ или заставку на сохранившейся въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ пергаментной грамотѣ, пожалованной Рязанскимъ великимъ княземъ Олегомъ-Іаковомъ Іоанновичемъ Ольгову монастырю между 1356 и 1387 годами.

Изъ числа живописцевъ XVIII-го и XIX-го вѣка, встрѣчаются біографіи нѣсколькихъ второстепенныхъ художниковъ въ двухъ выпускахъ «Словаря», но главное вниманіе наше сосредоточивается на біографіяхъ двухъ крупныхъ художниковъ нашего вѣка: *Ал. Андр. Иванова* и *Ив. Конст. Айвазовскаго*. Біографія перваго изъ нихъ занимаетъ въ «Словарѣ» 265 страницъ, біографія втораго — 46 страницъ. Насчетъ біографіи *Иванова* авторъ говоритъ въ особомъ примѣчаніи: «Да простятъ меня мои читатели за то, что я особенно распространился о знаменитомъ Ал. Андр. Ивановѣ, но это произошло въ виду отсутствія хоть сколько-нибудь достойной этого великаго художника біографіи: при этомъ я ввелъ совсѣмъ новый элементъ въ свой трудъ — сообщеніе отзывовъ современной, а иногда и позднѣйшей критики о произведеніяхъ разсматриваемаго автора, имѣя въ виду трудность достать многія изъ прежнихъ изданій, особенно періодическія, не

только въ провинціи, но и въ столицахъ...» При статьѣ помѣщено 15 снимковъ съ главнѣйшихъ произведеній и эскизовъ Иванова (сверхъ того, его портретъ). Все вмѣстѣ составляетъ цѣлую монографію, представляющую нашего высокаго художника въ самомъ полномъ и совершенномъ видѣ, на основаніи множества его собственныхъ автобіографическихъ замѣтокъ, записокъ, затѣмъ писемъ и всяческихъ сообщеній, а также на основаніи воспоминаній знавшихъ его лично людей. Авторъ воспользовался, можно сказать, *всѣми* свѣдѣніями, какія только можно было до сихъ поръ имѣть подъ руками, и лишь тѣ только свѣдѣнія не вошли сюда, которыя впервые опубликованы, въ самое послѣднее время, А. П. Новицкимъ, въ числѣ другихъ, въ его замѣчательномъ и очень важномъ «Опытѣ полной біографіи А. А. Иванова», на основаніи бумагъ Московскаго Публичнаго Музея. Но эти вновь являющіяся теперь свѣдѣнія, касаясь скорѣе молодыхъ годовъ Иванова, представляютъ въ большинствѣ случаевъ лишь невѣроятныя и несбывшіяся фантазіи этого художника и не служатъ къ характеристикѣ настоящаго его образа мыслей и художественныхъ убѣжденій въ эпоху уже полнаго и зрѣлаго его развитія. Такимъ образомъ, біографія Иванова въ «Словарѣ» является полнѣйшею и удовлетворительнѣйшею біографіею его, снабженною полнѣйшимъ спискомъ его твореній.

Біографія Айвазовскаго есть точно также полнѣйшая изъ всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ жизнеописаній этого художника, при чемъ списокъ его произведеній (675 №№) занимаетъ 32 страницы.

По части *русской гравюры*, задача «Словаря» была облегчена болѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, тѣмъ, что для нея имѣлся на лицо очень обширный и превосходно обработанный матеріалъ — книги Д. А. Ровинскаго о русской гравюрѣ и русскихъ граверахъ, не только съ подробными и отличными «указателями», но и со многими снимками съ произведеній стараго и новаго времени. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь авторъ «Словаря» не сталъ простымъ компиляторомъ или повторителемъ чужихъ мыслей, рѣшеній и свѣдѣній, а выступаетъ въ роли самостоятельнаго изслѣдователя и изыскателя. Это всего болѣе сказалось въ статьѣ о граверѣ «Ильѣ», который, какъ извѣстно всѣмъ занимающимся подробно исторіею русской гравюры, представлялъ всегда изрядный камень преткновенія, какъ по подлиннымъ работамъ (имѣвшимъ довольно разнообразный характеръ), такъ и по *датамъ* ихъ. Нынче же, обрабатывая свою статью объ *Ильѣ* вновь, и просмотрѣвъ собственными глазами всѣ его произведенія, а также познакомившись со всѣмъ писаннымъ объ *Ильѣ*, авторъ «Словаря» пришелъ къ тому заключенію, что предполагаемый *Илья* не есть *одна* личность, а есть ихъ на лицо *два*: изъ нихъ одна была художникомъ Львовскимъ, другая Кіевскимъ, одна — въ первой половинѣ XVII-го столѣтія, вторая — преимуще-

ственно во второй половинѣ того-же столѣтія. Не имѣя возможности излагать здѣсь вопросъ этотъ во всей подробности, я полагаю все-таки, что гипотеза автора «Словаря» вполне вѣроятна и доказательна, и разрѣшаетъ трудный вопросъ просто и вполне удовлетворительно.

Въ заключеніе прибавлю, что нѣкоторыя статьи «Словаря» о гравѣрахъ и гравюрахъ украшены снимками съ нѣсколькихъ рѣдчайшихъ и важнѣйшихъ, въ историческомъ отношеніи, древнихъ русскихъ гравюръ.

Что касается граверовъ нашего новаго времени, ихъ встрѣчается довольно много въ двухъ нынѣшнихъ выпускахъ «Словаря». Біографія покойнаго Іордана — самая обширная, подробная и интересная между всѣми, здѣсь помѣщенными. Здѣсь авторъ «Словаря» всего болѣе обязанъ самому себѣ: послѣ смерти проф. Іордана въ 1883 г., онъ напечаталъ его очень полную біографію въ 1884 году. Теперь онъ ее повторилъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ, но все-таки обогатилъ ее вновь еще нѣкоторыми новыми свѣдѣніями.

Наконецъ, что касается нашихъ художниковъ и мастеровъ по части металлическаго дѣла, какъ-то: литейщиковъ, чеканщиковъ, сканщиковъ, мастеровъ по части финифтянаго и цѣиннаго дѣла, то авторъ «Словаря» имѣлъ подъ руками извѣстныя превосходныя изслѣдованія И. Е. Забѣлина по этимъ предметамъ, и прилежно ими пользовался, но прибавилъ къ нимъ не мало и самъ, на основаніи собственныхъ новѣйшихъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ.

При всѣхъ достоинствахъ своихъ, текстъ «Словаря» не можетъ быть названъ вполне безукоризненнымъ. Въ этомъ трудѣ я встрѣчаю слѣдующіе недостатки:

1) вполне справедливо упрекая другихъ авторовъ въ томъ, что они не всегда указываютъ, откуда взяты ими тѣ или другія свѣдѣнія, и въ большинствѣ случаевъ вездѣ самъ избѣгая такого порока, авторъ «Словаря» иногда все-таки впадаетъ въ него, и тѣмъ лишаетъ читателя возможности контролировать и взвѣшивать данный матеріалъ. Это всего болѣе относится къ довольно многочисленнымъ *рукописнымъ замѣткамъ*, которыми онъ имѣлъ возможность пользоваться въ теченіе 25 лѣтъ своей почтенной работы. Такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ «Словаря» мы читаемъ про «рукописныя замѣтки» *брата и вдовы Аммосова, племянника Алфераки, Попова* и т. д. Въ данныхъ случаяхъ всегда сказано: «Смотри ркп. замѣтки» такого-то». Но гдѣ, у кого и какъ ихъ смотрѣть — ничего не сказано, ни единымъ словомъ не упомянуто. Всѣго же болѣе это касается «рукописныхъ замѣтокъ» покойнаго П. Н. Петрова, ревностнаго и усерднаго соби-

рателя русскаго художественнаго матеріала, въ продолженіе всей его долготѣйшей жизни: такихъ замѣтокъ послѣ его смерти осталось, повидимому, очень много, такъ какъ ссылки на нихъ встрѣчаются на множествѣ страницъ. Но *идѣ* онѣ и *кто* ими можетъ пользоваться, кромѣ автора «Словаря» — вотъ чтò остается вполне неизвѣстнымъ. А между тѣмъ, именно въ отношеніи къ П. Н. Петрову, контроль былъ всего болѣе необходимъ: это былъ человекъ усердный, старательный и преданный своему дѣлу, но, какъ всѣмъ нашимъ изслѣдователямъ искусства извѣстно, очень небрежный и ненадежный. Самому автору «Словаря» не разъ случалось указывать на это въ печати, въ томъ числѣ и въ настоящей книгѣ. Какимъ-же образомъ возможно на страницахъ одной и той же книги и опровергать иногда невѣрности П. Н. Петрова, — когда онѣ идутъ изъ *печатныхъ* текстовъ, и ссылаться на замѣтки его вполне довѣрчиво, когда онѣ находятся въ *рукописныхъ листкахъ*? Для избѣжанія этого неудобства необходимо, мнѣ кажется, въ будущихъ выпускахъ «Словаря», съ оговоркой и критикой ссылаться на подобнаго рода «замѣтки», какъ П. Н. Петрова, такъ и другихъ лицъ, а не приводить ихъ, какъ безусловно достовѣрные факты, въ текстѣ «Словаря». Если же есть возможность, то указывать въ будущихъ выпускахъ, *идѣ* находятся такія-то и такія-то замѣтки, и какаѣ есть возможность ими пользоваться.

2) Авторъ «Словаря» иногда указываетъ такую-то или такую *дату* (годъ, число) и при этомъ прибавляетъ: «а не такой-то годъ или число». Такъ, наприм., говоритъ: «Θ. А. Алексѣевъ умеръ въ ночь съ 10-го на 11-е (а не 13-го) ноября 1824 года»; «Г. М. Агафоновъ родился 19-го (а не 30-го) января 1819 года»; «портретъ А. П. Антропова (а не его брата Николая)... находится въ залѣ засѣданій Совѣта Академіи художествъ»; «Иванъ, колокольныхъ дѣлъ мастеръ въ Новгородѣ, XVI-го (а не XV-го) вѣка», и т. д. Подобныя замѣтки: «а не» всего болѣе встрѣчаются въ біографіи Ал. Андр. Иванова. Но ихъ, мнѣ кажется, нельзя одобрить. Онѣ являются полемикой противъ извѣстныхъ лицъ и сочиненій, о которыхъ самъ читатель не имѣетъ возможности догадаться. Поэтому необходимо одно изъ двухъ: или всѣ «а не»... выпускать вонъ, или указать, къ кому относятся эти слова.

3) Иногда встрѣчаются такія небрежности въ текстѣ, какъ, наприм.: «Абакумовъ, архитекторъ, сынъ Фридрихсгамскаго купца, родился *во время похода въ Пруссію* (1813—1814) и отданъ потомъ въ народное училище. Кто былъ при этомъ въ походѣ: отецъ или мать Абакумова, или оба вмѣстѣ, или ни одинъ изъ нихъ — неизвѣстно.

4) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста замѣчается непослѣдовательность: иныя личности помѣщаются въ такой-то литерѣ *по фамилии* или *прозвищу*,

а другія — въ такой-то литерѣ — *по имени*. Такъ напр., *Илія А.* и *Илія С.* помѣщены въ букву И, а *Илія К.* — въ букву К; *Андроникъ Нестъжа* — въ букву Н, а *Андрей Рублевъ* — въ букву А; *Антонъ Фрязинъ* — въ букву Ф, а *Иванъ Фрязинъ* — въ букву И, и т. д. Причины такого разнообразнаго размѣщенія, разрушающаго систему, не объяснены и не понятны.

5) Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на излишнюю и необыкновенную длину нѣкоторыхъ статей, особливо статьи объ *Ал. Андр. Ивановъ*. Безъ сомнѣнія, похвально желаніе дать въ руки читателей отдаленнѣйшихъ нашихъ мѣстностей такіе тексты (выписки изъ газетъ, журналовъ, критикъ и рецензій), которыхъ они въ своихъ мѣстностяхъ никоимъ образомъ не могутъ имѣть передъ глазами, — это цѣль прекрасная и въ высокой степени доброжелательная, но, къ великому сожалѣнію, неисполнимая во всей ея цѣльности и объемѣ. Сколько ни выписывай авторъ «Словаря» критическихъ статей и рецензій объ томъ или другомъ художникѣ (цѣликомъ или въ значительныхъ отрывкахъ), все-таки онъ никогда не будетъ имѣть возможности напечатать въ своей книгѣ сотни и тысячи біографическихъ и бібліографическихъ текстовъ, иногда крайне важныхъ, которые лишь вскользь упомянуты въ сотняхъ другихъ мѣстъ этой-же самой книги. Такимъ образомъ, желаніе автора замѣнить провинціальнымъ читателямъ Петербургъ и Москву, ихъ бібліотеки, музеи и архивы выписками — никогда не можетъ быть выполнено въ дѣйствительности. Такое намѣреніе есть только самообманываніе, и «словарей» съ такими чудовищно-громкими цитатами, какъ въ статьѣ объ *Ивановъ* и др., не существуетъ и, вѣроятно, никогда не будетъ существовать въ мірѣ. «Художественный словарь русскихъ художниковъ» столько важенъ и необходимъ, что его появленіе необходимо автору ускорять и облегчать, но никакъ не тормозить.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сочиненіе Н. П. Собко «*Словарь Русскихъ художниковъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней*» (XI—XIX вв.) есть сочиненіе, выходящее изъ ряду вонъ и во многихъ отношеніяхъ образцовое. Оно есть плодъ долговременныхъ трудовъ и изслѣдованій, ревностныхъ, неутомимыхъ и умѣлыхъ. Подобнаго сочиненія, столь для многихъ у насъ нужнаго, какъ для ученыхъ и художниковъ, такъ и для публики, у насъ еще не было, и недостатокъ его былъ очень чувствителенъ. Авторъ поставленъ былъ обстоятельствами своей жизни, средой, въ которой находился, личностями, съ которыми долго былъ въ соприкосновеніи, возможностью пользоваться въ Петербургѣ и Москвѣ лучшими и драгоцѣннѣйшими нашими собраніями по части искусства и науки, — поставленъ былъ въ самыя счастливыя для

своего дѣла условія и воспользовался ими превосходно. Нынѣ мы имѣемъ передъ глазами первые *два* выпуска этого замѣчательнаго труда, къ которому нельзя не относиться съ почтеніемъ и симпатіей, и которому нельзя не пожелать успѣха. Этотъ «Словарь» прямо примыкаетъ къ нѣкоторымъ изъ лучшихъ трудовъ Ровинскаго и Забѣлина. Ему надо, мнѣ кажется, стараться помочь; надо способствовать его автору довести свой трудъ до конца, и потому я полагаю, что Академія наукъ поступитъ вполне справедливо и прекрасно, если присудитъ автору «Словаря» большую Уваровскую премію.

II

Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка.

Монографія П. В. Голубовскаго. Кіевъ. 1895 г.

Рецензія К. Вестужева-Рюмина.

Кіевскіе ученые, ученики пр. Антоновича, задались важною задачею изучить судьбы разныхъ земель Южной Руси въ такъ называемый кіевскій періодъ. Не говорю, что изъ ихъ среды не выходило никакихъ другихъ изслѣдованій; но этотъ кругъ ихъ изученій выдается особенно ярко и ведется полно. Конечно, не всѣ труды эти отличаются одинаковымъ достоинствомъ, но всѣ вносятъ значительный свѣтъ въ эту область русской исторіи, все еще недостаточно обработанную, хотя именно на нее устремлены были значительныя усилія тружениковъ, и такимъ образомъ главные контуры періода уже опредѣлились, но подробное изученіе только теперь начинается, а потребность въ немъ давно уже чувствовалась. Въ рядахъ дѣятелей этого мѣстнаго, такъ сказать, направленія П. В. Голубовскій занимаетъ видное мѣсто: постоянная серьезность и осторожность его изслѣдованій давно уже обратили на себя вниманіе специалистовъ. Его кандидатскимъ сочиненіемъ явилась «Исторія Сѣверской земли», магистерскою диссертациею — «Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ»; нынѣ издаетъ онъ свою докторскую диссертацию. Каждый трудъ пр. Голубовскаго является серьезнымъ вкладомъ въ науку. Такой же характеръ носитъ и новое его сочиненіе. Въ этой книгѣ мы встрѣчаемъ серьезное изученіе источниковъ и пособій и критическое отношеніе къ нимъ. Къ сожалѣнію, онъ не предпослалъ своему изложенію очерка литературы предмета и тѣмъ возбудилъ противъ себя укоръ критики. Если бы онъ это сдѣлалъ, то указалъ бы, въ какой степени не самостоятельна книга Никитина (Исторія Смоленска. М. 1847) въ тѣхъ главахъ, которыхъ

касаются изслѣдованія пр. Голубовскаго. Можно ли говорить, какъ о серьезномъ сочиненіи, — о книгѣ, которая ссылается не на лѣтописи, а на «Исторію Государства Россійскаго», «Исторію Русскаго народа» и даже «Русскую Исторію» С. Н. Глинки; даже «Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи», неупоминаніе о которомъ пр. Корсаковъ считаетъ пропускомъ въ «Исторіи Смоленской земли», не могло бы удовлетворить историка; въ немъ слишкомъ мало критики относительно періода до-Литовскаго. Съ большимъ правомъ можно было бы упомянуть о книгѣ Е. П. Писарева: «Смоленскъ и его исторія». См. 1893, представляющей любопытныя данныя для топографіи Смоленска. Отсутствіе изслѣдованія о лѣтописяхъ, касающихся смоленскихъ событій, составляетъ, по нашему мнѣнію, значительный пробѣлъ въ «Исторіи Смоленской земли». Казалось бы необходимымъ отмѣтить участіе смоленскихъ лѣтописей въ компиляціи, называемой Кіевскою лѣтописью («Ипатскій списокъ»), въ литовскихъ лѣтописяхъ (о чемъ уже было указано въ польской литературѣ), а можетъ быть въ такъ называемомъ сборникѣ Абрамки, въ которомъ, очевидно, Абрамка мало виновата, ибо имя его встрѣчается въ припискѣ къ статьѣ о смерти епископа Арсенія и притомъ въ самой этой статьѣ два почерка, Абрамка же встрѣчается во второмъ. Словомъ, это копія съ какой-то компиляціи изъ Супрасльскаго лѣтописи, неизвѣстной Новгородской, Юридическаго сборника, Сказанія о смерти Арсенія и Литовской лѣтописи (списка той, которая была уже издана Даниловичемъ и Поповымъ). Нельзя не пожалѣть, что пр. Голубовскій не сдѣлалъ подобнаго введенія при началѣ своего изслѣдованія. Не сомнѣваемся, что онъ сдѣлалъ бы его вполне компетентно, а теперь еще могутъ возникать вопросы, которые онъ разрѣшилъ бы окончательно. Указаніе сборниковъ актовъ, которыми онъ пользовался, было бы также въ высшей степени полезно.

Трудъ свой авторъ начинаетъ съ изученія географіи и этнографіи Смоленской земли. Здѣсь онъ выказываетъ большую начитанность какъ въ географической, такъ и въ археологической литературѣ. Мы встрѣтили замѣчаніе, что онъ, можетъ быть, слишкомъ далеко распространяетъ на западъ финское племя въ древнѣйшую пору; но это — вопросъ спорный, хотя и нельзя не сознаться въ томъ, что разница въ типѣ погребенія невольно наводитъ на мысль о разности народовъ. Замѣчаніе, что типъ погребенія можетъ быть одинаковъ у разныхъ народовъ, живущихъ другъ отъ друга въ большемъ отдаленіи, въ настоящемъ случаѣ не можетъ считаться рѣшительнымъ; берется народъ, который живетъ ближе и стало быть могъ быть въ сношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ гр. Уваровъ указалъ правильную точку воззрѣнія на этнографическое значеніе типа погребенія, когда онъ рекомендовалъ, начиная съ центральнаго пункта племени, идти къ его окра-

инамъ — типъ погребенія сталъ вѣрнымъ мѣриломъ народности. Труды преимущественно кievскихъ ученыхъ много способствовали опредѣленію границъ между племенами. Предпославъ своему этнографическому введенію географическій обзоръ территоріи, авторъ завершаетъ главу обширнымъ топографическимъ обзорѣмъ Смоленской земли. Здѣсь онъ пользуется какъ новыми трудами («Городскія поселенія», «Списки населенныхъ мѣстностей», «Описание Смоленской губерніи»), такъ и актами и лѣтописями. Этотъ обзоръ приводитъ автора къ тому выводу, что Смоленская область была гораздо обширнѣе, чѣмъ она представлялась его предшественникамъ. Такой выводъ былъ результатомъ внимательнаго пріурочиванія данныхъ актовъ (напримѣръ, грамотъ Ростислава объ учрежденіи епископіи) къ наличнымъ даннымъ топографическимъ. Этотъ выводъ весьма важенъ и съ той точки, что выясняетъ политическое положеніе Смоленской земли въ кievскій періодъ. Подробную повѣрку указаній автора надо предоставить специалистамъ; но сличая его показанія съ его же картою, можно считать ихъ основательными. Чрезвычайно любопытно указаніе автора на двоеданность нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстъ. Это было извѣстно и прежде, но не было такъ поставлено на видъ. Перечитывая эту главу, можно замѣтить, что авторъ умѣетъ воздавать должное старымъ заслуженнымъ изслѣдователямъ. Такъ онъ высоко ставитъ Надеждина, котораго теперь начинаютъ опять признавать (напримѣръ, пр. Филевичъ). Въ одномъ случаѣ только напрасно авторъ слѣдовалъ Надеждину, признавая Авретинскую возвышенность отраслію Карпатовъ (стр. 7); въ настоящее время принято то мнѣніе, что Карпаты не входятъ въ Россію (Д. Н. Анучинъ: «Рельефъ поверхности Европейской Россіи», стр. 76). Въ этнографической части главы авторъ въ особенности останавливается на взаимныхъ отношеніяхъ Кривичей и литовскаго племени, что связано съ вопросомъ объ образованіи бѣлорусскаго нарѣчія, начавшагося, по вѣроятному замѣчанію автора, еще задолго до образованія Литовскаго государства. Взаимныя отношенія этихъ племенъ не разъ уже обращали на себя вниманіе изслѣдователей; особенно много занимался ими Бѣляевъ въ своихъ «Разсказахъ», т. IV, но конечно, еще много нужно изслѣдованій, преимущественно филологическихъ, для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Такое же вниманіе нужно и для вопроса объ отношеніяхъ къ Финнамъ, котораго, какъ мы видимъ, авторъ касается въ этой же главѣ, признавая возможность древнѣйшаго финскаго населенія на смоленской территоріи. Разграниченію славянскихъ племенъ, сходящихся въ Смоленской землѣ или сосѣдившихъ съ нею: Кривичей, Радимичей, Сѣверянъ, Славянъ, Дреговичей, авторъ посвящаетъ много труда. Думаю, что и съ этой стороны трудъ его не останется безплоднымъ — нельзя не замѣтить, что болѣе и болѣе усиливается вниманіе къ топографіи, этногра-

ѣи и археологіи составляетъ важное явленіе въ развитіи исторической науки; вмѣстѣ со вниманіемъ къ экономическимъ и юридическимъ вопросамъ оно даетъ основу, но разумѣется далеко не все содержаніе; все это знакомитъ съ обстановкой, но душа жива не въ этомъ.

Во второй главѣ авторъ переходитъ къ промышленности и торговли Смоленской земли. Порядокъ очень естественный въ виду того, что главное значеніе эта земля приобрѣла своимъ положеніемъ, способствовавшимъ развитію торговли. Служа своими путями сообщенія торговлѣ съ Востокомъ и Западомъ, въ особенности — съ Западомъ, Смоленская земля сама доставляла предметы для вывоза: лѣсъ, разные роды хлѣбныхъ растений, шкуры пушныхъ звѣрей (тогда еще бобръ водился въ этой мѣстности), металлическія издѣлія и т. д. Начало торговли съ Востокомъ относится къ очень раннему времени: восточныя монеты, находимыя въ мѣстностяхъ на торговомъ пути, относятся къ VIII—X в.; между прочимъ, въ Москвѣ найдены монеты IX в. глубоко въ землѣ. Не только монеты, но и вещи восточнаго происхожденія находятся въ могилахъ Бривичей и Радимичей. Торговля съ Востокомъ шла черезъ землю Суздальскую и доходила, вѣроятно, до Бугарь Камскихъ. Товары восточные шли изъ Смоленска на западъ черезъ Ригу. Оживленныя сношенія велъ Смоленскъ съ Византією. Товары греческіе шли изъ Смоленска на сѣверъ и западъ. Литература, посвященная этимъ сношеніямъ Смоленска полно исчерпана нашимъ авторомъ, что придаетъ особую цѣну его сочиненію, но онъ не просто повторяетъ чужія мнѣнія, а сводитъ ихъ и взаимно повѣряетъ. Такъ называемая «Смоленская торговая правда», то-есть, договоръ Смоленска съ Нѣмцами, не разъ подтверждавшійся и сохранившійся въ восьми спискахъ, составилъ предметъ особенно тщательнаго изслѣдованія П. В. Голубовскаго; такому изслѣдованію этотъ памятникъ до сихъ поръ еще подвергнутъ не былъ. Это изслѣдованіе принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ книги. Разсматривая списки договоровъ, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что они въ сущности представляютъ два типа: одинъ писанъ въ Смоленскѣ, другой въ Ригѣ; подлинникъ же былъ по-латынѣ; многократныя подтвержденія не измѣнили почти нисколько первоначальнаго содержанія. Авторъ употребилъ очень остроумный способъ опредѣленія двухъ первоначальныхъ типовъ договора посредствомъ датировокъ: въ одномъ экземплярѣ датировка латинская: было A' l'eto и C l'eto и L l'eto безъ l'eto (undetriginta); въ другомъ: И l'eto и К, то-есть, acht und zwanzig. Этотъ экземпляръ съ печатью князя и назначался для Нѣмцевъ; тамъ же выраженіе «фоготь» (то-есть, Voght). Сдѣлавъ такой тонкій анализъ взаимнаго отношенія разныхъ списковъ Смоленской правды (генеалогическую таблицу которыхъ онъ приводитъ дальше), авторъ изслѣдуетъ внутреннее содержаніе документовъ, остано-

вливается прежде всего на томъ, что этотъ памятникъ помѣщенъ въ Юридическомъ сборникѣ конца XIV в. рядомъ съ разными юридическими памятниками (Сборникъ этотъ издавъ Московскимъ обществомъ исторіи и древностей въ 1843 г.). Списокъ этотъ отличается одною припискою, не встрѣчающеюся въ другихъ спискахъ: «Тако же и по бесъсудной грѣ точнокъ серебро безъ 1 золотникъ а взяти с вѣса; а грѣа судная и бесудная по томо же серебро по точному безъ 1 золотникъ». Эта приписка сдѣлана, вѣроятно, для чиновника, взвѣшивавшаго серебро, но такъ какъ она находится въ испорченномъ экземплярѣ, то попала сюда изъ другого списка. Уже съ XIII вѣка Нѣмцы живутъ въ Смоленскѣ, какъ и въ Новгородѣ; въ концѣ вѣка уже у нихъ была своя слобода. Приѣхавъ на Волокъ, гости давали тиуну перчатки, а въ Смоленскѣ княгинѣ штуку частины (полотна). Товары, которые привозили иноземцы, были сукна и разныя лакомства: инбирь, миндаль, сладкія вина. При Мстиславѣ Романовичѣ торговали на ладьяхъ; по договорамъ съ Мстиславомъ Давыдовичемъ это стѣсненіе отмѣнено (1228); договоръ этотъ былъ утвержденъ въ 1229 г. Въ Торговой правдѣ предвидятся и по возможности предотвращаются разныя могуція быть затрудненія. Такъ, устанавливается неприкосновенность груза; предвидѣлось столкновение съ туземцами при выгрузкѣ товара; устанавливался порядокъ перевоза товаровъ, опредѣляются условія кредита; опредѣляются случаи уголовныхъ процессовъ и система наказаній. Дополненія въ послѣдующихъ спискахъ договора встрѣчаются въ статьяхъ уголовныхъ и въ условіяхъ взвѣшивания товаровъ. Глава оканчивается своднымъ текстомъ всѣхъ списковъ договора. Вообще это изслѣдованіе и изданіе составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ автора. Можемъ только пожалѣть, что подлинники договоровъ почти не существуютъ для русской науки, и что до сихъ поръ нѣтъ ихъ фотолитографическаго изданія, что значительно облегчило бы ихъ изученіе съ лингвистической точки зрѣнія, хотя, какъ многіе опыты показываютъ, и такія изданія не охраняютъ отъ ошибокъ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ представляетъ словарь Смоленскихъ князей. Противъ этого словаря было сдѣлано возраженіе, что списокъ изложенъ ни генеалогически, ни хронологически; на это можно отвѣтить, что въ книгѣ есть хронологическій списокъ великихъ князей и генеалогическая таблица всего рода князей Смоленскихъ. Словарь пр. Голубовскаго имѣетъ большее значеніе: онъ дѣлаетъ изслѣдованіе о каждомъ князѣ, а о нѣкоторыхъ даже и обширныя, и такимъ образомъ выясняется не одинъ темный вопросъ въ исторіи древней Руси. Такъ, устраняется смѣшеніе Мстислава Давыдовича съ Мстиславомъ-Феодоромъ Давыдовичемъ, изъ которыхъ первый умеръ въ 1187 г., а второй родился въ 1193 г.; восстанавливается правильная дата смерти Мстислава Ростиславича (1180); опредѣляются

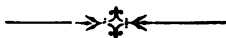
отношенія двухъ Ростиславовъ Мстиславичей (XIII в.); указываются смоленско-полоцкія отношенія (конца XII в.); возстановляется происхождение князей Өоминскихъ.

Глава IV занимается общественнымъ и политическимъ бытомъ Смоленской земли. Авторъ начинаетъ со сближенія статей Русской правды съ Смоленской торговой правдой, имѣя въ виду доказать общность юридическихъ понятій въ Кіевской Руси. Въ учрежденіяхъ Смоленской земли авторъ видитъ слѣды древнихъ общеславянскихъ воззрѣній. Не знаемъ только, правильно ли толковать послуховъ свѣдущими людьми. Въ Вислицкомъ статутѣ 1347 г. читаемъ: «Частократъ пригожается, ижъ нѣкоторые за своимъ племенемъ, а любо за слугами приходятъ мощью на судъ и силою права отводятъ» («Акты Зап. Росс.», I, № 2, § 19). Вотъ послухи, на которыхъ ссылались тяжущіеся. Первоначальнымъ устройствомъ Смоленской земли пр. Голубовскій признаетъ задружно-общинное. За отношеніями Смоленскихъ князей къ вѣчу авторъ слѣдитъ особенно тщательно и указываетъ на то, что вѣче считало себя въ правѣ выбирать князей. Миѣ кажется, что Д. А. Корсаковъ основательно замѣчаетъ, что въ смоленскихъ смутахъ бояре должны были имѣть такую же рѣшительную роль, какъ въ Новгородѣ. Трудно допустить, чтобы при образованіи партіи оставались безъ вождей, а оттого и слѣдуетъ полагать, что такими вождями и были бояре, и что однородность Смоленскаго вѣча далеко не простирается на всю исторію Смоленскаго княжества. Примѣръ князя Святослава Мстиславича, легко захватившаго Смоленскъ съ помощью Полочанъ, у которыхъ онъ княжилъ, указываетъ на участіе въ этой сдачѣ города партіи Смольнянъ (1222 г.). Изложивъ основы княжескаго суда и указавъ на то, что отдѣльныя общины брали судъ у себя на откупы, авторъ переходитъ къ перечню чиновниковъ: *тіуны* (частью съ судебными, частью съ полицейскими обязанностями); *дѣтскіе* (исполнители судебныхъ приказаній), *куномцы* (въ которыхъ авторъ предполагаетъ или таможенныхъ, или ихъ помощниковъ (что едва ли справедливо), *ветхіе* таможники были совѣтниками князя въ дѣлахъ торговыхъ. Переходя къ боярству, авторъ видитъ въ немъ главнымъ образомъ дружину; но указываетъ, что тысяцкій выбирался изъ земскаго боярства (что же такое земское боярство?), указываетъ также на то, что бояре были землевладѣльцы. Бояре засѣдали въ княжецкой думѣ и судѣ. Важную роль въ средѣ боярства играютъ дядьки князей и ихъ дѣти. Встрѣчаются и званія *окомничаго*, *покладника* (постельничаго). Доходы княжескіе исчислены въ грамотѣ Ростислава и простираются до 600.000 р. У княгини и другихъ членовъ княжеской семьи были свои владѣнія. Хотя христіанство началось давно въ Смоленской землѣ, но іерархія создалась уставною грамотою Ростислава Мстиславича, которую авторъ прилагаетъ къ этой главѣ своего

сочиненія. Строеіе церквей и монастырей однако не дожидалось основанія епископіи, хотя съ того времени оно пошло живѣе. Изъ духовныхъ лицъ смоленскихъ въ особенности выдѣляется св. Авраамій Смоленскій—проповѣдникъ и народный учитель. Въ XVI в. встрѣчаются указанія на письменные памятники въ Смоленскѣ; въ то же время развилось и иконописаніе, въ чемъ не сомнѣвается пр. Голубовскій. Любопытны указанія нашего автора на смоленскіе источники «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ». Послѣдними литературными памятниками, которыми занимается пр. Голубовскій, являются «житіе Меркурія» и «Хожденіе и житіе Игнатія Смолянина».

Въ послѣдней главѣ своего труда авторъ излагаетъ политическую исторію Смоленской земли. Въ древнія времена центромъ Кривской земли былъ, вѣроятно, Полоцкъ, но со времени появленія въ Полоцкѣ своего княжескаго рода и съ усиленіемъ торговаго значенія Смоленска, этотъ послѣдній становится виднымъ центромъ, хотя еще долго не имѣетъ своихъ особыхъ князей. Князья, бывшіе здѣсь, быстро смѣнялись, а при Мономахѣ Смоленскъ былъ приписанъ къ Переяславлю. Только внукъ Мономаха Ростиславъ Мстиславичъ, утвердись на смоленскомъ столѣ, утвердилъ и свой родъ; хотя и онъ, и потомки его не разъ призывались на югъ и прославились своими воинскими подвигами, все таки родъ ихъ держался на смоленскомъ столѣ. Читатель въ книгѣ пр. Голубовскаго найдетъ подробный, на сколько позволяють матеріалы, отчетъ о событіяхъ земли Смоленской и объ ея отношеніяхъ къ ближнимъ и дальнимъ землямъ Русскимъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что трудъ пр. Голубовскаго, по своей документальности и точности, вполне заслуживаетъ премію гр. Уварова, а потому я ходатайствую о наградѣ его второю преміею.

III

И. Н. Смирновъ. Восточные Финны.

Историко-этнографическій очеркъ. Т. I. Приволжская или Булгарская группа. Ч. I. Черемисы. Ч. II. Мордва. Т. II. Прикомская или Пермская группа. Ч. I. Вотяки. Ч. II. Пермьки.

Рецензія Академика Д. Н. Анучина.

Сочиненіе г. Смирнова посвящено историко-этнографическому изученію четырехъ финскихъ племенъ, живущихъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ русской народностью и мало-по-малу сливающихся съ нею въ одинъ общій — по вѣрѣ, языку и быту — народъ. Интересное само по себѣ изученіе этихъ племенъ представляетъ важность и для разъясненія многихъ вопросовъ, касающихся исторіи русской земли, колонизаціи ея восточныхъ областей, сліянія русскихъ съ инородцами, ихъ взаимнаго культурнаго вліянія и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно способно обогатить новыми данными и общую этнологию или исторію первобытной культуры, знакомя съ интересными видоизмѣненіями древнѣйшихъ формъ матерьяльнаго, семейнаго, общественнаго и религіознаго быта въ средѣ финскихъ народностей Поволжья и Прикамья, испытавшихъ съ давнихъ поръ многообразныя вліянія финно-угорскихъ, тюркскихъ, литовскихъ и славянскихъ племенъ, смѣнявшихся на территоріи средней и восточной Россіи въ различныя доисторическія и историческія эпохи.

Нельзя сказать, чтобы указанныя финскія народности не обращали на себя до послѣдняго времени вниманія ученыхъ. Особенности ихъ языка, быта и вѣрованій, ихъ географическое распредѣленіе, ихъ участіе въ исторіи Россіи были предметомъ многихъ замѣтокъ, очерковъ и изслѣдованій, начиная съ половины прошлаго столѣтія. Къ сожалѣнію, вся эта литература представляется крайне разбросанной — по различнымъ сочиненіямъ

и брошюрамъ, періодическимъ изданіямъ, трудамъ ученыхъ Обществъ, мѣстнымъ Сборникамъ, губернскимъ и епархіальнымъ вѣдомостямъ и т. д. Первая необходимость заключается поэтому въ томъ, чтобы подобрать всю эту литературу, извлечь изъ нея все существенное и составить сводъ данныхъ, имѣющихся по каждой избранной народности. Такого компилятивнаго свода, даже извѣстнымъ образомъ систематизированнаго, было-бы однако еще недостаточнымъ для уясненія существенныхъ чертъ отдѣльныхъ племенъ. Разбросанныя въ литературѣ данныя оказываются нерѣдко противорѣчивыми, неполными, не дающими отвѣтовъ на многіе вопросы, выставяемые современнымъ развитіемъ наукъ, именно — антропологии, этнологіи, лингвистики, археологіи, исторіи русскихъ инородцевъ и русской колонизаціи, русской исторической географіи и т. д. Представляется поэтому необходимымъ восполнить имѣющіяся данныя личнымъ наблюденіемъ, ближайшимъ знакомствомъ съ типомъ, бытомъ, разселеніемъ отдѣльныхъ народностей и выясненіемъ на мѣстѣ различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ особенностями этихъ племенъ и съ ихъ отношеніемъ къ племенамъ окружающимъ.

Такую задачу и поставилъ себѣ профессоръ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ. Онъ самъ опредѣляетъ ее словами: «сдѣлать относительно каждой народности сводъ всего, что уже извѣстно, скомбинировавъ факты такъ, чтобы изъ этихъ комбинацій вытекали вопросы, заставляющіе снова обратиться къ живой дѣйствительности и глубже заглянуть въ нее» и — «дать научно-систематизированный и восполненный личными наблюденіями сводъ данныхъ» о финскихъ народностяхъ средняго Поволжья и Прикамья. Положеніе автора, профессора Казанскаго университета и члена Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, въ значительной степени благопріятствовало достиженію поставленной имъ себѣ цѣли. Казань находится почти въ центрѣ территоріи указанныхъ финскихъ народностей; отсюда весьма удобны экскурсіи въ сосѣднія губерніи, а казанскіе музеи и библіотеки, въ бѣльшей степени, чѣмъ какіе-либо другіе въ Россіи, способны доставить литературные, антропологическіе, археологическіе и этнографическіе матерьялы для ознакомленія съ прошлымъ и настоящимъ Волжско-Камскаго края. Кромѣ того, авторъ могъ воспользоваться еще нѣкоторое время содѣйствіемъ покойнаго М. П. Веске, извѣстнаго знатока финскихъ нарѣчій, бывшаго лекторомъ ихъ при Казанскомъ университетѣ, а также могъ принять во вниманіе для нѣкоторыхъ народностей данныя, собранныя о нихъ финскими и венгерскими учеными. Что касается собственныхъ наблюденій автора, то они были произведены: по черемисамъ — въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской, Вятской, Костромской и Уфимской, по вотякамъ — въ Слободскомъ, Глазовскомъ, Малмыжскомъ, Сара-

пульскомъ и Бирскомъ уѣздахъ, по пермякамъ — въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, по мордвѣ — въ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской и другихъ губерніяхъ. Въ чемъ именно заключались эти наблюденія, мы не можемъ указать съ точностью, такъ какъ авторъ не приводитъ своихъ маршрутовъ и лишь изрѣдка упоминаетъ о собранныхъ имъ лично фактахъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что онъ старался собирать данныя объ особенностяхъ быта, расселенія, обрусѣнія описанныхъ имъ народностей, а также провѣрять литературныя указанія наблюденіями и разспросами на мѣстахъ. Все это придаетъ его труду выдающееся значеніе въ русской этнографической литературѣ и дѣлаетъ его необходимымъ пособіемъ для ознакомленія съ указанными группами финскихъ народностей.

Сочиненіе г. Смирнова состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ монографій, вышедшихъ въ періодъ времени съ 1889 по 1895 г. Первая монографія — «Черемисы» (255 стр.) вышла въ 1889 г.; ей предшествовала поѣздка въ компаніи съ М. П. Веске и П. В. Траубенбергомъ по черемисскимъ селеніямъ въ 1888 г. Вторая монографія — «Вотяки» (308 + 43 стр.) — вышла въ 1890 г., третья — «Пермяки» (289 стр.) — въ 1891 г., четвертая — «Мордва» (285 стр.) — была напечатана въ «Извѣстіяхъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ» за 1892—95 гг. Планъ всѣхъ этихъ монографій болѣе или менѣе одинаковъ. Авторъ приводитъ обзоръ литературы по данной народности, т. е. списокъ извѣстныхъ о ней сочиненій и статей, излагая вкратцѣ содержаніе каждаго источника и указывая обыкновенно попутно его недостатки, ошибки и неточности. Такой списокъ приводится обыкновенно въ концѣ монографіи, но иногда, именно по отношенію къ пермякамъ, въ началѣ ея. Далѣе слѣдуетъ очеркъ исторіи народности на основаніи данныхъ гѣтописей и актовъ, а для болѣе древняго періода — данныхъ языка, археологій, народныхъ преданій. Затѣмъ приводится очеркъ «внѣшняго быта» съ замѣтками о природѣ страны, физическомъ типѣ народности, ея бытовой обстановкѣ, жилищѣ, костюмѣ, занятіяхъ, промыслахъ, а послѣ того — очеркъ «семейныхъ и общественныхъ отношеній», «развитіе семейной и общественной организаціи» съ подробнымъ разсмотрѣніемъ древнихъ формъ, по скольку онѣ отразились въ различныхъ пережиткахъ, обрядахъ, народномъ творествѣ и т. д. Въ заключеніе слѣдуютъ главы, посвященныя «религіознымъ вѣрованіямъ», культу, космогоническимъ мнѣямъ, народной поэзіи. Анализируя различныя извѣстія, авторъ старается дойти до яснаго представленія о постепенномъ сложеніи и развитіи формъ быта и вѣрованій каждой народности, а равно — о вліяніи, которое она испытывала со стороны окружающихъ ее племенъ. Что касается «очерка исторіи», то онъ особенно подробенъ по отношенію къ мордвѣ, при чемъ авторъ, кромѣ уже

опубликованныхъ матерьяловъ, пользовался и нѣкоторыми мѣстными рукописными, для выясненія разселенія и состоянія этой народности въ нѣкоторыя историческія эпохи.

Приведенные списки источниковъ показываютъ, что авторъ не пропустилъ ничего существеннаго, появившагося до составленія имъ его отдѣльныхъ монографій. Кромѣ того, имъ приняты во вниманіе и археологическія изслѣдованія, касающіяся территоріи избранныхъ имъ племенъ и способныя бросить свѣтъ на ихъ доисторическое прошлое. Въ этомъ отношеніи однако авторъ, по нашему мнѣнію, не вполне воспользовался имѣющимся матерьяломъ. Такъ, напр., въ монографіи о черемисахъ имъ не приняты во вниманіе археологическія данныя о Мери, которая, несомнѣнно, стояла въ ближайшемъ родствѣ съ черемисами (последніе и до сихъ поръ называютъ себя мари, мѣр), и культура которой представляетъ поэтому существенное значеніе для уясненія доисторическаго быта черемисской народности. Подобнымъ же образомъ, въ монографіяхъ о пермякахъ и вотлякахъ авторъ лишь поверхностно затронулъ археологическія указанія, и даже въ монографіи мордвы, гдѣ на данныя раскопокъ обращено наибольшее вниманіе, онѣ все-таки не достаточно анализированы, а нѣкоторыя даже и совсѣмъ не приняты во вниманіе¹⁾. Сопоставленіе имѣющихся археологическихъ данныхъ дало бы автору возможность пополнить составленные имъ представленія о послѣдовательномъ развитіи древнѣйшей культуры среди изученныхъ имъ народностей въ теченіе ряда вѣковъ доисторической и исторической эпохи (примѣрно — съ VI по XIV в.), а также и о важнѣйшихъ культурныхъ теченіяхъ, смѣнявшихся на данной территоріи въ различные періоды.

Описанію «внѣшняго быта» народностей авторъ предпосылаетъ замѣчанія объ ихъ физическомъ типѣ и даетъ краткія антропологическія характеристики, основанныя отчасти на личныхъ наблюденіяхъ. Отъ историка-этнографа невозможно требовать многого въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что авторъ могъ бы воспользоваться въ большей степени, чѣмъ это имъ сдѣлано, имѣющимися данными о варіаціяхъ величины роста на территоріи описываемыхъ племенъ, о физическомъ развитіи этихъ народностей вообще и о краниологическихъ ихъ признакахъ въ частности.

1) Такъ, напр., автору остались, повидимому, неизвѣстными результаты раскопокъ Дружкина въ Терюшевской волости, подробно описанныя въ Протоколахъ Моск. Археологич. Общ. («Древности» т. X), а между тѣмъ эти раскопки дали наиболѣе полное понятіе о погребальной обстановкѣ, подробностяхъ костюма, украшеніяхъ и т. д. мордовскихъ князей XIII—XIV вв.

Въ главахъ, посвященныхъ «внѣшнему быту», авторъ приводитъ многія интересныя свѣдѣнія объ особенностяхъ костюма и построекъ, о способахъ передвиженія (напр., волокушахъ, саяхъ, первобытныхъ повозкахъ у пермяковъ), объ украшеніяхъ и утвари, играхъ и т. д. Описанія эти много выйграли бы въ своей понятности и наглядности, если-бы сопровождались хотя самыми простыми литографированными рисунками. Въ настоящее время подобныя этнографическія монографіи становятся почти невысказанными безъ иллюстрацій, отсутствіе которыхъ не даетъ возможности ни уяснить себѣ многихъ подробностей, ни сравнивать между собою различныя варіаціи формъ. Авторъ (въ монографіи о черемисахъ) указываетъ, правда, на «матерьяльныя обстоятельства», помѣшавшія приложить къ его труду рисунки, но намъ кажется, что нѣсколько литографированныхъ таблицъ потребовали бы, сравнительно, незначительныхъ затратъ, а между тѣмъ существенно бы способствовали уясненію текста.

Съ большимъ вниманіемъ останавливается авторъ на исторіи развитія семьи у изслѣдованныхъ имъ народностей и, исходя изъ новѣйшихъ теорій, сопоставляетъ данныя для констатированія слѣдовъ первобытнаго гетеризма, материнства, левирата и т. д. Въ этихъ сопоставленіяхъ есть не мало интереснаго, хотя слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднее время указанныя теоріи (развитыя Бакгофеномъ, Морганомъ, Макъ-Леннаномъ и др.) подверглись извѣстному ограниченію, и положенные въ основу ихъ факты стали получать нѣсколько иное объясненіе.

Особенно подробно разсматриваетъ г. Смирновъ религіозныя вѣрованія, исходя, главнымъ образомъ, изъ воззрѣній на смерть и загробную жизнь, изъ анимистическихъ представленій и культа предковъ и переходя затѣмъ къ стихійнымъ божествамъ, культу, космогоническимъ мифамъ и т. д. Въ этихъ главахъ сопоставлено много любопытныхъ фактовъ, болѣе или менѣе анализированныхъ и приведенныхъ между собою въ связь. Особенное вниманіе удѣляется авторомъ слѣдамъ человѣческихъ жертвоприношеній, какъ пережиткамъ древней эпохи каннибализма. Съ другой стороны, авторъ старается прослѣдить вліяніе на первобытныя вѣрованія ислама и христіанства, и обусловленное этимъ вліяніемъ послѣдующее развитіе религіозныхъ идей. По отношенію къ этому отдѣлу является особенно желательнымъ усиленное примѣненіе сравнительнаго метода, не ограничивающагося лишь цикломъ ближайшихъ народностей, но захватывающаго предметъ возможно шире, какъ это мы видимъ, напр., въ трудахъ новѣйшихъ, особенно англійскихъ изслѣдователей, Фрэзера, Гартлэнда и др. Только при подобномъ широкомъ сопоставленіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокомъ психологическомъ анализѣ возможно болѣе вѣрное пониманіе сущности религіозныхъ идей и ихъ постепеннаго осложненія, а равно — выдѣленіе основныхъ чертъ въ

развитіи религіозной мысли отъ мѣстныхъ ихъ варіацій и послѣдовательныхъ на нихъ наслоеній.

Въ монографіи каждаго племени авторомъ сопоставлены также данныя объ его географическомъ распространеніи, какъ современномъ, такъ и прежнемъ, въ древнѣйшую историческую и доисторическую эпохи, при чемъ для сужденія о бывшемъ распространеніи авторъ пользуется въ особенности географической номенклатурой, т. е. хорографическими и топографическими названіями. Здѣсь опять приходится пожалѣть о недостаткѣ иллюстрацій, въ данномъ случаѣ — картъ, на которыхъ было-бы представлено географическое распространеніе каждой изъ четырехъ народностей. Такія карты были-бы желательны потому, что существующая этнографическая карта Евр. Россіи Риттиха (изданная лѣтъ 25 тому назадъ) страдаетъ многими неточностями и вообще устарѣла и неудовлетворительна, такъ что замѣна ея, хотя-бы въ нѣкоторой части, болѣе соотвѣтствующею дѣйствительности является существенною необходимою. Составленіе такой карты для средняго Поволжья и Прикамья облегчается до нѣкоторой степени изданными за послѣднее 20-тилѣтіе картами Казанской и частей Вятской и Пермской губерній; съ другой стороны, экскурсіи автора должны были дать ему не мало матерьяловъ для исправленія и дополненія уже имѣющихся статистико-географическихъ данныхъ. На основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ можно было-бы составить не одну только статистическую карту (съ раскраскою различныхъ частей губерній различными красками, смотря по преобладанію той или другой народности), но и антропо-географическую (по методу, указанному проф. Ратцелемъ), съ показаніемъ распредѣленія самыхъ селеній, занятыхъ тѣмъ или инымъ племенемъ. Къ сожалѣнію, авторъ не нашелъ возможнымъ присоединить къ своему труду хотя бы одну общую карту для всѣхъ четырехъ, описанныхъ имъ народностей и тѣмъ лишилъ свои монографіи важнаго и почти необходимаго къ нимъ приложенія. Если бы такая карта была составлена (примѣрно въ масштабѣ 40 в. или даже 60 в. въ дюймѣ), и если-бы на ней нанесены были также вѣроятные прежніе предѣлы распространенія племенъ (по крайней мѣрѣ — западные, съ указаніемъ хотя-бы болѣе типичныхъ хоро- и топографическихъ названій), то изъ нея можно было-бы составить себѣ наглядное понятіе, какъ о распредѣленіи всѣхъ четырехъ народностей среди окружающаго ихъ русскаго (также — татарскаго и чувашскаго) населенія, такъ, отчасти, и объ ихъ передвиженіи въ историческую эпоху на востокъ и сѣверъ. Такая карта уже сама по себѣ была бы цѣннымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу; тѣмъ болѣе было-бы пріятно ее видѣть въ приложеніи къ обстоятельному труду г. Смирнова.

Всѣ эти недостатки (обусловленные, къ тому же, главнымъ образомъ, матерьяльными условіями изданія), не могутъ, однако, заслонить достоинствъ сочиненія проф. Смирнова, которое, заключаая въ себѣ подробное научное изслѣдованіе финскихъ народностей средняго Поволжья и Прикамья, является важнѣйшимъ историко-этнографическимъ трудомъ въ этой области, появившимся за послѣдніе годы въ русской литературѣ, и заслуживаетъ поэтому вполне поощренія его отъ Императорской Академіи наукъ, одною изъ находящихся въ ея распоряженіи премій.

IV.

Восточные Финны.

Историко-этнографическіе очерки И. Н. Смирнова.

I, 1. Черемисы, Казань 1889 г. I, 2. Мордва, Казань 1895 г.
II, 1. Вотяки, Казань 1890 г. II, 2. Пермяки, Казань, 1891 г.

Рецензія профессора Э. Н. Сетеле.

При изученіи тѣхъ періодовъ народной жизни, которые не освѣщены историческими документами, прибѣгають къ двоякаго рода источникамъ: частью—къ непосредственнымъ памятникамъ доисторической жизни, частью къ такимъ продуктамъ прошедшей культуры, которые, хотя и въ измѣненной формѣ, продолжаютъ существовать и въ наши дни. Къ памятникамъ перваго рода относятся могильники, остатки жилищъ, одежды, украшеній, рабочихъ инструментовъ, оружія и пр., остатки, извлеченные изъ нѣдръ земныхъ для того, чтобы служить свидѣтелями доисторической жизни. Къ памятникамъ втораго рода принадлежатъ тѣ проявленія матеріальной и умственной жизни народа, которыя мы встрѣчаемъ и въ наши дни: постройки, одежды, нравы и обычаи, преданья и поэзія, насколько всѣ они дѣйствительно исходятъ непосредственно изъ доисторической эпохи, наконецъ языкъ народа, — наслѣдіе прошлыхъ временъ, конечно измѣненное и усовершенствованное.

Работы, въ которыхъ профессоръ Смирновъ пытался освѣтить историческое прошлое восточно-финскихъ племенъ, должны были бы въ большинствѣ случаевъ основываться именно на такихъ источникахъ, такъ какъ документальная исторія этихъ племенъ не простирается вглубь далѣе нѣсколькихъ вѣковъ. Исполняя порученіе, которымъ меня удостоила Императорская Академія Наукъ, я постараюсь ниже показать, насколько успѣшно авторъ, изслѣдуя прошлое этихъ народностей, воспользовался тѣми данными, которыя даютъ ихъ языки.

Сравнительно съ другими источниками изученія доисторической жизни, языкъ имѣетъ то важное преимущество, что онъ съ гораздо большею достоверностью, чѣмъ этнографическіе и археологическіе предметы или фольклоръ указываетъ принадлежность къ той или другой національности и показываетъ, что въ ней первично и что заимствовано, тогда какъ археологія опредѣляетъ не національную, а культурную область, и что касается до современной матеріальной и умственной жизни народа, то она есть продуктъ такого множества факторовъ и внѣшнихъ вліяній, что часто представляется чрезвычайно труднымъ опредѣлить первичныя формы этой жизни. Языкъ имѣетъ еще и то преимущество передъ другими источниками, что онъ позволяетъ изслѣдователю заглянуть дальше въ глубь вѣковъ, такъ какъ языкъ подобно зеркалу отражаетъ культурную жизнь человѣчества съ самаго ранняго возраста. Но пользованіе этимъ источникомъ представляетъ и большія затрудненія: въ языкѣ старыя и болѣе новыя наслоенія встрѣчаются рядомъ; требуется всестороннее, не предвзятое и прежде всего методическое изслѣдованіе, для того чтобы отдѣлить наслоенія одно отъ другого и опредѣлить, какое историческое значеніе можно придавать отдѣльнымъ лингвистическимъ явленіямъ. — Я начну, поэтому, съ разсмотрѣнія метода, котораго авторъ придерживался, пользуясь филологическими источниками.

Авторъ говоритъ (Вот. стр. 174): «Для историка и этнографа важны не звуковые и морфологическіе законы, а такъ называемая семасіологическая сторона языка». Противъ этого можно возразить, что хотя звуковое и морфологическое развитіе языка составляетъ весьма спеціальную часть культурной исторіи народа и какъ таковое не представляетъ интереса для того, кто намѣренъ представить лишь общія черты различныхъ періодовъ народной жизни, тѣмъ не менѣе изслѣдователь доисторической эпохи не можетъ оставить безъ вниманія эту сторону жизни языка. Наконецъ, мы не имѣемъ другого способа контролировать правильность лингвистическихъ сопоставленій, какъ именно эти звуковые законы; очень жаль, что авторъ слишкомъ часто забываетъ это. Приведу одинъ характерный примѣръ, — въ дальнѣйшемъ я буду имѣть случай привести много другихъ примѣровъ.

Объясняя наименованіе вотяцкаго божества *Inmar*, авторъ справедливо критикуетъ (Вот. ст. 205) обыкновенное толкованіе, по которому слово составлено изъ *in* — «небо» и *mar* — «что», на такое толкованіе, которое еще недавно было принято напр. *Comparatti*, можно, безъ всякаго сомнѣнія, смотрѣть, какъ на нѣкотораго рода «ученую народную этимологию». Авторъ съ своей стороны предлагаетъ другое толкованіе: имя *Inmar* смѣнило первичное *Inmurt* — «небесный человѣкъ» (*in* — «небо», *murt, mort* — «человѣкъ»); послѣ того, какъ первоначальный смыслъ затемнился, «соглас-

ный т въ концѣ слова отпадаетъ, какъ отпадаютъ лишніе согласные въ сотняхъ подобныхъ случаевъ». Какіе это сотни подобныхъ случаевъ, авторъ не считаетъ нужнымъ разъяснить. Онъ тоже не даетъ ни разъясненій, ни доказательствъ тому, что звукъ *и* въ вотяцкомъ языкѣ перешелъ въ *а*; авторъ, повидимому, нисколько не удивился тому, что въ наименованіяхъ духовныхъ существъ *vu-murt* — «водяной», *gid-murt* — «домовой», *ñules-murt* — «гѣшій» и т. д. послѣдній членъ сложнаго слова, *murt*, не измѣнился; этотъ фактъ не только не заставилъ автора усомниться въ вѣрности своихъ объясненій, но напротивъ: онъ именно на немъ строятъ свои дальнѣйшія разсужденія. Онъ полагаетъ, что подъ вліяніемъ мусульманства и христіанства, подготовившихъ почву для монотеистическаго міросозерцанія *In-murt* было выдѣлено изъ другихъ *murt*'овъ и противопоставлялось имъ; вслѣдствіе чего оно подверглось инымъ фонетическимъ измѣненіямъ, чѣмъ остальные *murt*'-ы.

Авторъ упустилъ изъ виду, что относительно слова *Inmar* было уже раньше сдѣлано другое гораздо болѣе вѣроятное сопоставленіе, а именно: *Inmar* сравнивали съ финскимъ *Ilmari, Ilmarinen*¹⁾. Если мы примемъ во вниманіе, что въ пермскихъ языкахъ *lm* перешелъ въ *nm* [вотяцкое и зырянское *zin*, основа *zint-* = финское *silmä* — «глазъ», зыр. и вот. *kyn*, основа *kynt-* = фин. *kylmä* — «холодный», зыр. *jon*, вот. *jun* — «сильный» = фин. *julma* — «дикій» (суровый, огромный)], и что *Ilmarinen* въ финской народной поэзіи есть собственно «богъ воздуха», окажется, что едва ли найдутся серьезныя возраженія противъ такого сопоставленія. И такъ: мы находимъ въ *Inmar* мифологическое имя, имѣющее себѣ тождественное, со стороны формы и значенія, финское слово, — имя, которое древнѣе любого другого финскаго мифологическаго названія. Очевидно, что это совпаденіе чрезвычайно важно для исторіи религіи финскихъ племенъ. Оно доказываетъ, что богъ воздуха, названіе котораго сохранилось въ такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга языкахъ, уже въ древнѣйшія времена считался могущественнымъ божествомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ и основанныя на принятой авторомъ этимологіи выводы его о томъ, какъ развивалось самое понятіе объ *Inmar*. Разъ такіе важныя выводы будутъ исключены, — получится брешь въ воздвигнутомъ авторомъ зданіи вотяцкой мифологіи, въ зданіи, которое, вообще, дѣлаетъ впечатлѣніе излишней теоретичности. Оказывается, что игнорированіе историкомъ звуковыхъ законовъ чувствительно мститъ за себя.

1) Это сопоставленіе сдѣлано было уже въ 1851 г. Видеманомъ въ его *Grammatik der wotjakischen Sprache* 1851 (стр. 9) и Томсеномъ — *Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen* (стр. 12, прим. 2). Ср. *Castrén, Finn. Mythologie*, стр. 306.

Другое общее замѣчаніе, которое можетъ быть сдѣлано автору, относится до всего метода, съ помощью котораго онъ дѣлаетъ историческіе выводы изъ лингвистическихъ фактовъ. По поводу того, что финнологи больше занимались и занимаются заимствованіями, которыя были сдѣланы финнами у своихъ сосѣдей, чѣмъ изслѣдованіями ихъ общаго культурнаго достоянія, авторъ въ одномъ мѣстѣ («Мордва» стр. 42) выражается такъ: «мы легче въ состояніи опредѣлить тѣ шаги, которые финны сдѣлали впередъ подъ вліяніемъ сосѣдей, чѣмъ опредѣлить точку отправленія ихъ культурнаго развитія, указать то, чего не знали они до соприкосновенія съ тѣмъ или другимъ сосѣдомъ, чѣмъ то, что они знали и имѣли. Только выдѣляя заимствованное, въ настоящее время можно составить нѣкоторое представленіе объ объемѣ самостоятельнаго творчества племени». Это можно понять только такъ, — что, впрочемъ, явствуетъ уже изъ дѣлаемыхъ авторомъ выводовъ, — что онъ придерживается того основнаго положенія, въ силу котораго отсутствіе первичнаго названія для предмета или понятія доказываетъ, что и самаго предмета не существовало и само понятіе было чуждо народу. Это положеніе, раздѣляемое и нѣкоторыми другими «лингвистическими палеонтологами», заключаетъ въ себѣ безспорно *retitio principii*. Вспомнивъ, напр., что финны заимствовали слова обозначающія члены тѣла — *hammas* — «зубъ», *kahla, kaula* — «шея», *para* — «шупъ» съ литовскаго, мы убѣдимся, что отсутствіе слова не всегда указываетъ на отсутствіе предмета или понятія, и что собственное слово, даже по случайнымъ причинамъ и безъ крайней необходимости, можетъ быть замѣнено чужимъ. Если это вѣрно, мы придемъ къ заключенію, что всѣ отрицательные выводы (когда по отсутствію слова заключаютъ объ отсутствіи предмета) сами по себѣ болѣе или менѣе сомнительны. Нѣкоторое значеніе, конечно, должно быть придаваемо отсутствію слова, но нужно взвѣсить много другихъ фактовъ, прежде чѣмъ дѣлать заключенія на основаніи такихъ отрицательныхъ обстоятельствъ. Гораздо болѣе цѣнны положительныя выводы, т. е. когда изъ факта, что родственные языки имѣютъ общее слово, заключаютъ, что и самое понятіе было имъ извѣстно; лишь при сличеніи съ положительными случаями, — отрицательные приобрѣтаютъ цѣну. У автора, къ сожалѣнію, положительныхъ выводовъ гораздо меньше, нежели отрицательныхъ.

Необходимо сдѣлать еще третье, общее, замѣчаніе о методѣ автора, а именно: что онъ часто опирается на недостаточные или совсѣмъ невѣрные факты. Не разъ случается, напр., что онъ говоритъ, будто то или другое мордовское слово не встрѣчается въ другихъ финно-угорскихъ языкахъ, хотя въ дѣйствительности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ; ниже мы подтвердимъ это многими примѣрами. Долженъ къ этому добавить, что

разсужденія автора въ области психологіи языка нерѣдко покоятся на довольно шаткомъ основаніи¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно дѣлать заключенія о психологіи народа по его языку; но это вовсе не такъ легко, какъ думаютъ даже нѣкоторые лингвисты-спеціалисты: для этого нужно глубоко проникнуть въ суть и исторію языка.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перейду къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ важныхъ для исторіи восточно-финскихъ народностей вопросовъ, о которыхъ авторъ дѣлалъ или не дѣлалъ выводовъ, основанныхъ на лингвистическихъ данныхъ.

Древнѣйшая исторія культуры финско-угорскихъ народностей освѣщается авторомъ очень скудно. вмѣстѣ съ Аלקвистомъ онъ, исходя изъ того, что въ финско-угорскихъ языкахъ существуетъ общее названіе для собаки (фин. *peni* и т. д.)²⁾, полагаетъ («Мордва» стр. 43), «что въ началѣ своей исторіи финны располагали только однимъ прирученнымъ животнымъ, т. е. стояли на той ступени развитія, которую представляли камчадалы въ XVII и XVIII в.в.». «На этой ступени», продолжаетъ онъ, «они оставались и тогда, когда распались на крупныя группы, между которыми имѣла мѣсто

1) Смотри, напр., «Пермяки» стр. 233 сл., гдѣ приводится примѣръ, что вотьакъ «по случайному признаку — сходству формы напр. — обозначаетъ общимъ терминомъ различныя явленія: ошмесъ—глазъ и родникъ». Откуда взялъ авторъ это двойное значеніе для *ošmes* — этого онъ не объясняетъ; всѣ источники, по которымъ я имѣлъ возможность справиться (словари Видемана и Мункачи, рукописный словарь Ислентьева, рукописныя записки Вихмана о двухъ его путешествіяхъ) умалчиваютъ объ этомъ. Все, повидимому, произошло оттого, что авторъ невѣрно передаетъ, что онъ самъ сказалъ въ «Вот.» стр. 176: «сын (глазъ) въ сочетаніи съ словомъ ошмесъ (ручей) означаетъ отверстие, изъ котораго бьетъ вода» (*ošmes-šim* дословно: «глазъ родника»). — Вотьакское слово *rimai* «дита» онъ просто считаетъ = *rimul* (сынъ + дочь), не находя нужнымъ объяснить, почему въ одномъ случаѣ стоитъ *a*, а въ другомъ *u*; онъ говоритъ дальше: «преимущество, которое даетъ вотьакъ сыну, выразилось въ томъ, что пи (сынъ) стоитъ впереди ныл (дочь)» («Вот.» стр. 137). Дѣло въ томъ, что слово *rimai*, *rimai* «молодой» не можетъ быть разсматриваемо, какъ составленное изъ *ri* и *mul*; въ дѣйствительности сложное слово есть *mul-ri*, гдѣ *mul* — «дочь» стоитъ впереди. Впрочемъ, подлежитъ сомнѣнію, чтобы первый членъ сложнаго слова во всѣхъ случаяхъ обозначалъ болѣе важное понятіе. Въ работѣ «Пермяки», стр. 138, авторъ говоритъ: «Коми имѣютъ два термина для обозначенія приемнаго дитяти, которые заключаютъ въ себѣ, кажется, темный намекъ на символику усыновленія (пи = пазуха, приемное дитя, *юи-ми* = пуповое дитя)». Это, однако, основывается на случайномъ совпаденіи двухъ совершенно различныхъ словъ *ri* = фин. *roiika* «сынъ, мальчикъ», и *ri* = фин. *rovi* «пазуха», и не заключаетъ въ себѣ ничего символическаго. Гдѣ-п и слѣдуетъ читать гдѣга пи = «внукъ, внука по бабѣ, соб. пуповое дитя».

2) Въ венгерскомъ языкѣ существуетъ слово соответствующее финскому *peni* (*fene* «ferua», см. Budenz: *Magyar-ugor bazeghasonlító szótár* стр. 512; этой работой авторъ повидимому совсѣмъ не пользовался). Приведенное авторомъ въ соч. «Мордва» стр. 43 слово *doen* слѣдуетъ исправить на (лоц.) *bana*.

Зам. Вост.-Фин. Стр.

и мордовско-финская». Авторъ упустилъ изъ виду, что существуетъ еще одно общее для всѣхъ финно-угорскихъ языковъ названіе для домашняго животнаго, а именно: для овцы (фин. *uhi*, также *utti*, эстон. *utt*, *ute*, *ute*, мордв. *ица*, зыр.-вот. *уѣ*, вог. *ōš*, остяц. *оѣ*, *ōš*, *āč*, венг. *juh*), какъ это доказано уже въ 1879 г. Андерсономъ¹⁾, который опровергаетъ мнѣніе Аלקвиста о томъ, будто фин. *uhi* заимствовано.

Изъ области охоты общи всѣмъ финско-угор. языкамъ слова, обозначающія лукъ и стрѣлу (фин. *jousi*, *nuoli*; они встрѣчаются во всѣхъ финско-угор. языкахъ, а не только въ запад. фин., приволжской и пермской группѣ, какъ говоритъ авторъ въ соч. «Мордва» стр. 46). Изъ числа орудій, служащихъ для передвиженія, извѣстны были, несомнѣнно, лыжи. Авторъ говоритъ, правда («Мордва» стр. 46), что «лыжи сокст носятъ (въ мордовскомъ языкѣ) названіе одинаковое только съ черемисскимъ», но изъ «Mokscha-mordw. Grammatik» и «Kulturwörter» Аלקвиста онъ узналъ бы, что это слово встрѣчается также и въ западно-финскихъ языкахъ; мы находимъ его еще въ вогульскомъ и остяцкомъ языкахъ, хотя и въ сильно измѣненной формѣ (вог. *tout*, остяц. *tōχ*)²⁾. Стоитъ упомянуть, что слова, обозначающія мѣдь (фин. *vaski*) встрѣчаются въ такихъ далекихъ другъ другу финно-угор. языкахъ, какъ финскомъ, лопар., остяц. и венгерск.³⁾ Хотя-бы существованіе этого слова въ приволжскихъ и пермскихъ языкахъ⁴⁾ съ достовѣрностью не было констатировано, тѣмъ не менѣе упомянутое обстоятельство доказываетъ, что этотъ металлъ былъ извѣстенъ фин.-угорск. племени, вѣроятно только въ необработанномъ видѣ, такъ какъ трудно допустить, чтобы они умѣли выдѣлывать изъ него оружіе и инструменты.

1) Anderson, Studien zur Vergleichung der ugrofinnischen und indogermanischen Sprachen стр. 115, Thomsen, Beröringer mellem de finske og de baltiske Sprog стр. 93, 205. О фонетическихъ отношеніяхъ этого финскаго слова я буду имѣть случай высказаться въ готовящемся къ печати сочиненіи: «Историческая фонетика западно-финскихъ языковъ». — Можно также упомянуть, что олень имѣетъ общее названіе во многихъ финно-угорскихъ языкахъ: лопар. *boaso* «олень», черем. *piče*, *piča* тоже, зыр. *pež* «молодой безрогий олень», вотяц. *pižei* «олень», вог. *pāši*, *pasig*, остяц. *peš*, *pēsi* «Renntierkalb», куда также относится фин. *рого* «олень».

2) Авторъ говоритъ («Морд.» стр. 46): «мордов. нурдо, нурдт «сани, возъ», несомнѣнно тождественно съ вотяцкимъ и остяцкими нарт, нурт». Слово нарт, нурт не встрѣчается въ доступныхъ мнѣ источникахъ остяц. языка. Въ зыр. имѣется *порт* «сани, нарты». Это слово, которое встрѣчается и въ русск. языкѣ (Даль, Словарь II. 475), вѣроятно первоначально принадлежало языку какого-нибудь полярнаго народа.

3) Въ сочин. «Пермяки» (стр. 193) авторъ, правда, упоминаетъ, что «мѣдь имѣетъ общее названіе у восточныхъ и западныхъ финновъ». Жаль, что авторъ не расположилъ свою работу такъ, чтобы собрать въ одномъ мѣстѣ всѣ извѣстные ему общіе финно-угорскіе термины.

4) Въ мордов. встрѣчается слово *иškā* «провокола», которое фонетически вполне соответствуетъ финскому *vaski* (Паасоненъ). Возможно, что окончаніе *veš*, *уѣ* въ вотяц. *azveš*, звер. *ezuš* «серебро», вог. *izveš*, зыр. *ozuš*, *ōzuš* «олово, свинець» сопоставляется съ фин. *vaski*.

Изъ числа культурныхъ словъ, которыя, по причинѣ своей распространенности, принадлежатъ къ древнѣйшему наслоенію, назовемъ еще: фин. *vora* «рубаха», *rata* «горшокъ» и *liemi* «супъ, наваръ».

Оба языка пермской группы, зырянскій и вотяцкій, очень близки другъ другу. Авторъ («Вотяки» стр. 21 и слѣд., ср. «Перм.» стр. 125—137) сопоставилъ общіе этимъ языкамъ культурные термины и, мнѣ кажется, что нарисованная имъ картина обще-пермской культуры, если отбросить нѣкоторыя частичныя невѣрности¹⁾, приблизительно вѣрна. — Авторъ не изслѣдовалъ культурныхъ терминовъ, общихъ пермскимъ, приволжскимъ и западно-финскимъ языкамъ; эта осторожность заслуживаетъ лишь похвалы, потому что подобное изслѣдованіе могло-бы быть выполнено только лингвистомъ. Въ своихъ сужденіяхъ о мордовской культурѣ, авторъ не такъ остороженъ, напротивъ того: привелъ массу мордовскихъ культурныхъ терминовъ, онъ считаетъ себя въ правѣ сказать по поводу этихъ терминовъ, что они «за ничтожными исключеніями оказываются совершенно отличными отъ тѣхъ, которые имѣютъ мѣсто у западныхъ финновъ» («Мордва» стр. 44). На основаніи этого онъ приходитъ къ заключенію, что мордовско-финская группа, въ то время, когда она еще составляла одно цѣлое, находилась на той же степени развитія, на какой, по мнѣнію автора, находились предки финно-угровъ, т. е. что эта группа была охотничьимъ народомъ, знавшимъ изъ домашнихъ животныхъ одну только собаку. Среди приводимыхъ авторомъ мордовскихъ словъ, которыя, по его мнѣнію, чужды западно-финскимъ языкамъ, имѣется, однако, много важныхъ культурныхъ

1) Въ работѣ «Пермяки» назовемъ слѣдующія невѣрности: слово грездъ «деревня», которое авторъ считаетъ (стр. 84, 131) «особымъ» зырянск. словомъ, при первомъ же взглядѣ на него оказывается не собственнымъ зырянскимъ, а новымъ русскимъ заимствованнымъ словомъ: рус. *грездь* (*гроздь*, *гроздокъ* и т. д. См. Даль I, 407). — Утвержденіе (стр. 127), что слово *вичъ* означаетъ «жердь» и *вичъ-ку* «постройку изъ жердей» взято неизвѣстно откуда; *viis-* въ *viis-ko*, *-ki*, безъ сомнѣнія должно сопоставляться со словомъ *viis* «постъ», и съ этимъ падаетъ разсужденіе автора въ «Пермяки» стр. 127, 128. О значеніи и родствѣ этого слова я буду имѣть случай высказаться въ другомъ мѣстѣ. — Лингвистическія разсужденія на стр. 130 относительно словъ: *gor-mödtšan*, *k'uka*, *myttšan* основаны на непониманіи нѣмецкаго слова *Ofenkrücke*, которое не обозначаетъ «крюкъ передъ печкой» («на который привѣшивается котелъ»), но — кочергу (Роговъ: гор мытчжан: «ожегъ, соб. печный взметъ»). — Слово *oš* (*ooš*) «Gabelung, Teilung, Deichsel», «Перм.» стр. 136 фонетически не сопоставляется съ фин. *aisa* «оглобли», но, вѣроятно, съ фин. *vaite* «Wechsel, Theilung» (изъ *vaješ*, изъ **vaješ*). — Изъ раб. «Вотяки» стр. 22 и слѣд. упомяну слѣд. ошибки: зыр., вот. *paš* обозначаетъ не кожу, одежду, а шубу, одежду; слова *kulto*, *kolta* «кошелекъ» не существуетъ, но по вотяцки *ku'lo*, зыр. *kol'ta* значить «снопы»; зыр. *vesalnu* значить не «моляться», а «чистить, дѣлать чистымъ» (возможно, однако, что это слово относится къ вотяцкому *obšamu* «жертвовать», какъ предполагаетъ Видеманъ); вот. *višo* первоначально «кровоавый», а потомъ «жертва»; напротивъ того, зыр. *viša* обозначаетъ лишь «кровоавый», но не «жертва». Авторъ пишетъ слова часто не точно, напр. *ju*, слѣдуетъ читать *ju*, *ujdas*, читай: *ujdas*, *udajösa*, читай: *udjösa* (у Видемана вслѣдствіе опечатки *udjösa*), зыр. *gwt* читай *gort* и т. д.

терминовъ, встрѣчающихся и въ западно-финскихъ языкахъ. Если сопоставить эти термины, да прибавить къ нимъ еще нѣсколько другихъ, не упоминаемыхъ авторомъ, получится совсѣмъ иная, чѣмъ авторъ воображаетъ, картина жизни мордовско-финской группы въ ту эпоху, когда связь между финнами и модвой не было еще порвано.

Изъ числа названій для животныхъ въ западно-финск. и морд. языкахъ общи слѣдующія: фин. *lehmä* «корова» — морд. *lišme* «лошадь»¹⁾, фин. *vasa*, *vasikka* теленокъ = морд. *vaga*, фин. *sika* «свинья» = морд. *tuvo*, которыя фонетически вполне соответствуютъ другъ другу. Я не утверждаю, что свинья была домашнимъ животнымъ (сравни. однако морд. *urys* «*vegschnit-teneg Eber*» = фин. *oras* тоже), но вполне убѣжденъ, что таковымъ былъ рогатый скотъ. На то, что умѣли доить скотъ, указываютъ слова: фин. *lypsää* «доить», лоп. *lakca* «сливки» = морд. *loftsa* «молоко»; это же слово встрѣчается еще въ зыр. яз. *lystyny* «выжимать, доить», *lystas* «*Gemelktes, die Milch von einmaligem Melken*». Умѣли также готовить, хотя совершенно примитивнымъ способомъ, масло; это не доказывается финскимъ словомъ *voi* «масло» = морд. *oj*, такъ какъ это слово могло обозначать вообще «жиръ»; это доказывается полнымъ соответствіемъ, въ звуковомъ отноше- нии и по смыслу, между фин. словомъ *pyöhtää* «пахтать» и морд. *piftems*²⁾.

Не вполне отсутствуютъ и общіе термины изъ области земледѣлія. Изъ хлѣбовъ имѣютъ общія названія только пшеница «*vehnä*», морд. *viš*, черемис. *viste* «*triticum spelta*» («полба»). Слово *smurus* «кушанье, питатель- ное вещество изъ хлѣба», морд. *sora*, *suro* «*Getreide, Korn*», черемис. *šurno* «*frumentum*» безъ сомнѣнія однородны (совершенно особенное слово есть морд. *sura* «просо» = литов. *sóra*). Идентичны также фин. слово *olki* «солома» и морд. *olgo*, фин. *pohtaa* «*schwingen, werfeln*» = морд. *pondžastan*, фин. *jauhaa* «молоть муку» = морд. *jažam*, чер. *jongožem* тоже. Что какой нибудь родъ хлѣба былъ извѣстенъ, указываютъ слова: фин. *kyrsä* «хлѣбъ» и морд. *kše*, которыя вполне соответствуютъ³⁾ (морд. слова *počf* «мука» и *šaraks*, *šaraks* «гѣсто» имѣютъ тоже звуковыя соответствія въ финскомъ языкѣ, но эти соответствія имѣютъ такое общее значеніе, что нельзя ими здѣсь воспользоваться: фин. *putu* «*Abfall, Schutt, Gries*», *hapan* «ки- слый»). Прибавлю еще, что термины, относящіяся до сушки, моло-

1) Звуки этихъ словъ вполне соответствуютъ другъ другу. Замѣчательно различіе значеній этихъ двухъ словъ; но такія колебанія значеній встрѣчаются и въ другихъ случаяхъ. — Если слѣдующія сопоставленія вѣрны: зыр. *edl*, вотяц. *edl* «лошадь», чер. *edl* «кобыла» = морд. *aldä*, *el'de* «кобыла», лопар. *aldos* «*kleine Rennthierkuh*» — зыр., вотяц. *me* «жеребецъ» = фин. *meh*, тоже, то это указываетъ, что лошадь была извѣстна довольно давно. Съ другой стороны, имѣется общее названіе для лошади въ вогул., остяц. и венг. языкахъ.

2) Это сопоставленіе принадлежитъ г-ну Паасоненъ.

3) О переходѣ *r* въ *š* ср. Paasonen, Mordvinische Lautlehre, стр. 44.

ченія и очистки хлѣба идентичны въ такихъ отдаленныхъ языкахъ, какъ западно-финскіе и пермскіе: фин. *riihi* — «рига» = зыр. *rymys*, *rymys* — «Darrhaus, Riege»¹⁾, фин. *varitta* — «цѣпъ» = зыр. *varitan*; фин. *rohkaa* — «schwingen, werfeln», ср. зыр. *poš*, вот. *piš* «сито», зыр. *požul* «Spreu». Въ связи съ этимъ укажемъ еще на слѣд. финско-пермскія сопоставленія: фин. *jyvä* «зерно, хлѣбъ» = вот. *ju*, *jü* «Getreide», фин. *rokka* «гороховый супъ» = зыр. *rok* «каша», вот. *džuk* тоже. Мнѣ кажется, что изъ предъидущаго ясно, что въ эпоху совмѣстной жизни финско-мордовской группы, какая нибудь примитивная, полукочевая форма земледѣлія была имъ извѣстна, по всей вѣроятности выжиганіе лѣса подъ пашни («Schwenden»). Если послѣднія финско-пермскія сопоставленія вѣрны, мы должны прійти къ заключенію, что начатки земледѣлія были извѣстны финско-угорскимъ племенамъ гораздо ранѣе, чѣмъ принято думать.

Изъ терминовъ относящихся до индустріи назовемъ: фин. *kudon* «ткать», лопар. *goddet*, морд. *kodan*, черемис. *kuet*, зыр. *kuny*, вот. *kuny*, *kujyny*; фин. *kehrä*, корел. *keärä* «веретено», морд. *kištir*, *kštir*, эрзя-морд. *štšere*, зыр. *tšörs*, *tšers*, вот. *tšers*; фин. *viipsiä*, *vyuhtiä* «мотать» = морд. *ävtems* тоже; фин. *kerä* «глубокъ» = морд. *kire* тоже; фин. *loimi* «основа ткани», ? морд. *lijma*. Общія слова для оружія и инструментовъ (кромѣ финско-угорскихъ терминовъ обозначающихъ стрѣлу и лукъ) слѣдующія: фин. *vasara* «молотокъ», морд. *uzere*, *uzyr* (о происхожденіи слова смотри ниже); фин. *veitsi* «ножикъ», морд. *iñks* «скобель»; фин. *huumar*, *huhmar* «ступа», морд. *šovar*, *šovar*, чер. *šuar*; фин. *petkel* «пестъ», морд. *pe'k'el*; *ora* «Bohrer, Brenneisen» = морд. *uro* «Pfriem»; фин. *vakka* «круглая плетенка, круглый ящикъ» и т. д. = морд. *vakan* «Gefäss, Schale, Kelch» (фин. *äimä* «большая игла» = чер. *ime* «а-сис, срѣпа», зыр. *jet* «игла»). Здѣсь можно привести одно слово, относящееся до орудій, служащихъ для передвиженія: морд. *oinkst'* (мн. ч.), *ovks* «Gebiss am Zaum», идентично съ лопар. *vuonäs* «caristgum», и поэтому должно считаться довольно старымъ словомъ. Изъ числа словъ, обозначающихъ хозяйственныя постройки, назовемъ (кромѣ финско-угорскаго *kota*): фин. *kynnys* «порогъ», морд. *keñks* «дверь». Въ связи съ этимъ укажу, что въ западно-финскихъ и пермскихъ языкахъ есть въ звуковомъ отношеніи вполне сходное слово для обозначенія полога, занавѣси передъ кроватью: фин. *uudín*, зыр. *von*, *vin*, *ön*,

1) Здѣсь, конечно, не мѣсто мотивировать звуковыя соответствія, что потребовало бы обширной цѣпи доказательствъ. Я позволю себѣ, разъ на всегда, что касается мотивировки звуковыхъ отношеній, сослаться на слѣдующ. мои сочиненія: «Über einen Gutturalen Nasal im urfinnischen (Festskrift til Vilh. Thomsen 1894), также на болѣе обширную работу (на финскомъ языкѣ) по «Исторической фонетикѣ западно-финскихъ нарѣчій», часть которой уже вышла въ свѣтъ, а часть появится въ скоромъ времени. О сопоставленіи словъ *riihi*, *rymys* см. Вихманъ, Suomen muuseo, 1895 г., стр. 91.

вот. *yn*; стоитъ упомянуть также эст. *taba* «schloss, Hängeschloss» = зыр. *toman*, вот. *tungon* «Schloss, Hängeschloss». Изъ словъ обозначающихъ украшенія, имѣется, повидимому, одно общее, а именно: фин. *solki* «fibula», морд. *šulgamo* (*čulgamo*) «женское нашеиное украшеніе», черем. *šolkama*, *šylkama* «брошка», ср. шыркама, «женское нагрудное украшеніе изъ денегъ, нашитыхъ на кожу» (возможно, что ему родственно остяц. слово *sul*, *tul* «пуговица», см. Anderson, Dentale spirans, стр. 130). Это слово встрѣчается и въ чувашскомъ языкѣ (шўльгэмэ, «нагрудное украшеніе чувашекъ и черемисокъ», см. Золотницкій «Корневой чувашско-русскій словарь») и авторъ считаетъ это слово отсюда заимствованнымъ («Черем.», стр. 27, 96). Можно считать вполне достовѣрнымъ, что заимствованіе шло прямо въ противоположную сторону: это доказывается согласіемъ этого слова со специально черемисской его формой¹⁾, а также и его распространеніемъ.

Изъ числа словъ, относящихся до средствъ передвиженія и торговли слѣдуетъ упомянуть: фин. *soima* «лодка» — морд. *šima* «корыто»; фин. *vene* «лодка» — мордв. *veneš*, *venš*; фин. *mela* «весло» — морд. *milä*; фин. *tuubi*, *tuup* «продавать» — морд. *tijan*; фин. *taksan* «заплатить, стоить» — морд. *taksan* «дать»; фин. *hinta* «цѣна» — морд. *čando*.

Изъ всѣхъ приведенныхъ словъ авторъ сопоставляетъ съ западно-финскими только слѣдующія: узере, сюма, венш, міемс, максомс, вакан. Но большинство упоминаемыхъ имъ словъ: лишме, туво, пифтемс, суро, оаго, кше, штердемс, кодемс, лійма, янгкс, човар, петъкель, онгшть, чапакс, почф, не имѣетъ, по мнѣнію автора, «ничего общаго съ тѣми, которыя мы знаемъ у западныхъ финновъ», они, «за ничтожными исключеніями, оказываются совершенно отличными отъ тѣхъ, которыя имѣютъ мѣсто у западныхъ финновъ»; о нѣкоторыхъ словахъ, какъ—човаръ, петъкель, онгшть, онъ, не указывая основаній, говоритъ, что они «имѣютъ позднѣйшее происхожденіе» («Мордва», стр. 43, 44, 45, 46)²⁾.

О первобытныхъ семейныхъ отношеніяхъ финскихъ народовъ авторъ, на основаніи лингвистическихъ данныхъ, считаетъ возможнымъ дѣлать очень важные выводы. Его доводы и разсужденія заключаются, приблизительно, въ слѣдующемъ.

1) Если-бы первоначальное слово было чувашскаго происхожденія, надо было ожидать въ мордв. начальное *š*, а не *š'*. Первоначальные *š* и *š'* чаще всего въ черемисскомъ языкѣ переходятъ въ *š*; такимъ образомъ появленіе этого слова въ чувашскомъ языкѣ можно объяснить тѣмъ, что оно заимствовано съ черемисскаго.

2) Упомянутое авторомъ («Морд.» стр. 45) фин.-мордов. *lato* не общее слово, но фин. *lato* есть скандинавское заимствованіе; тоже *välä* въ южн.-эстон. и мордов. нельзя сопоставлять (эстон. *välä* изъ *väljā* «offener Raum»).

Финскіе языки не имѣютъ отдѣльныхъ словъ для обозначенія понятій: мужъ и мужчина, сынъ и мальчикъ, дочь и дѣвочка; точно также любовница и сноха обозначаются однимъ и тѣмъ-же словомъ (на черемис. яз.). На вотяц. языкѣ, который считается авторомъ особенно поучительнымъ въ данномъ вопросѣ, слово *aj* означаетъ не только отца, но и вообще мужчину, самца; *титу* означаетъ мать и самку. Кромѣ того, въ вотяц. языкѣ не оказывается словъ, которыя обозначали-бы кровныя отношенія между людьми, происшедшими отъ однихъ извѣстныхъ родителей (братъ, сестра); языкъ даетъ выраженія для группированія членовъ семьи или общины по возрастамъ, а не по кровной близости къ данному лицу (напр. агай означаетъ старшій братъ, отецъ, дядя, дѣдъ», няня приблизительно то-же самое; такимъ образомъ слова эти обозначаютъ вообще мужчину старше меня; вынъ «младшій братъ, племянникъ», означаетъ мужчину моложе меня и т. д.). Приблизительно то-же самое мы находимъ въ черемис. и мордовск. яз. («Вот.» стр. 25, 128 и сл., «Перм.» стр. 137, 138, «Черем.» стр. 121, 122 и сл., «Мордва» стр. 142, 143).

На основаніи всего этого авторъ дѣлаетъ выводъ, что номенклатура эта вводитъ насъ «въ тотъ періодъ исторіи семьи, когда жизнь не выработала еще семейнаго союза въ нашемъ смыслѣ этого слова, когда для женщины каждый мужчина былъ мужемъ, а для мужчины каждая женщина была женой, когда каждая сноха была подругой, любовницей братьевъ мужа, каждая дѣвочка въ данной группѣ была дочерью каждаго взрослого». «Такой жизненный строй», продолжаетъ авторъ, «представляетъ собою исходную точку развитія семьи у всѣхъ извѣстныхъ народовъ. Это — гетеризмъ, или коммунальный бракъ». Дальнѣйшее развитіе восточно-финской семьи происходило, по мнѣнію автора, «по общему типу, установленному современной антропологіей и сравнительной исторіей права: она переходила отъ коммунальнаго брака, чрезъ левиратъ (т. е. сожителство нѣсколькихъ братьевъ съ одной женой) и снохачество (т. е. когда отецъ раздѣлялъ супружескія права сыновей) къ полигаміи и моногаміи (Чер. стр. 125, 126, 128 и др. мѣста; ср. Мордва стр. 143, Вот. стр. 130, 131, Перм. стр. 137). Авторъ замѣчаетъ, что современный семейный строй восточно-финскихъ народовъ ничѣмъ не отличается отъ русскаго, «но терминологія родства находится въ коренномъ противорѣчьи съ нимъ, и это противорѣчіе въ высшей степени интересно для историка». («Вот.» стр. 130). Сколько времени тому назадъ существовалъ гетеризмъ и какъ долго продолжались другіе періоды развитія — этого авторъ не старался опредѣлить (кромѣ того, что «левиратъ былъ кратковременнымъ явленіемъ въ исторіи черемисской семьи», «Черем.» стр. 125, и что развитіе потребовало «длинный рядъ вѣковъ», «Вот.» стр. 130). Въ одномъ мѣстѣ онъ, однакоже, указываетъ

хронологическій моментъ: онъ говоритъ (Черем. 123) о снохачествѣ, что «если глава рода пользовался всѣми женщинами своей семьи, то по отношенію къ нему, естественно, были равны дѣти отъ его жены и дѣти отъ женъ его сыновей»; онъ видитъ указаніе на «такую роль отца или старѣйшаго въ первобытной черемисской семьѣ въ томъ обстоятельстве, что черемисы имѣютъ только слова для обозначенія отца и сына, но не имѣютъ слова для внука». Отсюда онъ выводитъ, что «различіе между своими дѣтьми и дѣтьми своихъ сыновей глава черемисской семьи, очевидно, уяснилъ себѣ только столкнувшись съ русскими и для обозначенія новой ступени отношеній заимствовано было русское слово внукъ въ формѣ унука. Дѣти въ свою очередь неясно чувствовали различіе въ своихъ отношеніяхъ къ отцу и дѣду и называли обоихъ именемъ ача, съ той разницей, что для обозначенія дѣда къ этому имени прикладывали слово кугу, которое въ финскихъ названіяхъ родства называется на большое уваженіе и близость вмѣстѣ»¹⁾.

Даютъ-ли, однако, данныя языка право дѣлать такіе выводы? Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ примѣрами изъ новыхъ языковъ.

На французскомъ языкѣ *femme* значитъ и женщина и жена. Никто, однако, не считаетъ этого лингвистическаго обстоятельства, вполне сходнаго съ вышеупомянутыми, остаткомъ доисторическаго гетеризма, тѣмъ болѣе, что латинскій языкъ дѣлаетъ различіе между *uxor* и *femina*. Нѣмцы тоже, въ разговорномъ языкѣ, не ощущаютъ необходимости различать понятія: мужъ и мужчина. Неужели кто-нибудь усмотритъ въ этомъ воспоминаніе о первобытномъ гетеризмѣ? Точно такъ же, какъ вотяцкое *tumu* и нѣмецкое слово *Mutter* означаютъ иногда самку (напр. *Mutterschaf*, *Mutterlamm*); никто не станетъ утверждать, что это есть воспоминаніе, сохранившееся отъ того времени, когда слово это обозначало лишь самку²⁾. По шведски очень часто младшіе называютъ старшихъ знакомыхъ дядей (*fagarog* = братъ отца); неужели кому-нибудь придетъ въ голову считать это доказательствомъ смѣшенія родственныхъ отношеній, происходящимъ отъ неумѣнія объяснить степени родства? Для внука нѣтъ особаго слова на шведскомъ языкѣ, кромѣ сынъ сына, дочь сына, сынъ дочери и т. д., точно также по-фински говорятъ *pojaproika* — «сынъ сына», *pojantytär* «дочь сына» и т. д. Корелы, напротивъ, заимствовали, въ новѣйшее время, съ русскаго слово *bunikka* для обозначенія понятія «внукъ». Если дѣлать

1) Черемисское *kugi*, *kugo* значитъ, по словарямъ, «большой, великій, старшій важный».

2) Замѣтимъ, мимоходомъ, что зыр. *aj* вѣроятно тождественно съ финс. *äijä* «дѣдъ, старикъ», первоначально «большой». Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемъ въ зыр. яз. развитіе значенія: большой — отецъ — самецъ; отсюда видно, что значеніе «самецъ» вовсе не должно непремѣнно предшествовать значенію «отецъ».

выводы по методу, примѣненному авторомъ къ черемисскому языку, слѣдовало бы сказать: «корелы, только столкнувшись съ русскими, научились дѣлать различіе между своими дѣтьми и дѣтьми своихъ сыновей, но финны еще не имѣютъ собственнаго слова для обозначенія этого понятія, а слѣдовательно еще не умѣютъ различать самыя понятія»¹⁾. Совершенно такъ, какъ и черемисы, нѣмцы называютъ дѣдушку *Grossvater*, неужели это доказываетъ, что дѣти «не ясно чувствуютъ различіе въ своихъ отношеніяхъ къ отцу и дѣду»? Наконецъ, развѣ не въ духѣ автора было бы разсужденіе о томъ, что употребленіе русскими слова «матушка» указываетъ на первобытный гетеризмъ, который доходилъ до того, что не умѣли отличать мать отъ прочихъ женщинъ?²⁾

Обстоятельство, которое даже съ точки зрѣнія автора, должно умалить силу его собственныхъ доказательствъ, заключается въ томъ, что часть тѣхъ терминовъ родства, которыми авторъ подкрѣпляетъ свои положенія, заимствована изъ другихъ языковъ. Такъ, напр., мордв. *zavor*, чер. *šular*, вотяц. *sužer* (которыя, по автору, обозначаютъ младшую сестру, племянницу) — индо-европейскаго происхожденія (индо-иранскаго или балтійскаго); эти заимствованія, правда, очень древни. Напротивъ, слѣдующія слова составляютъ позднѣйшія заимствованія изъ тюркско-татарскаго: вотяц. — *agaž* «старшій братъ, отецъ, дядя, дѣдъ», *apaž* «тетка, старшая сестра», точно также вотяц. слово *kart*, которое, по автору, обозначаетъ мужчину, любовника, жениха и мужа, и которое онъ спеціально упоминаетъ въ числѣ словъ, заключающихъ въ себѣ «слѣды первичнаго гетеризма». Если даже согласиться съ авторомъ въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ со словомъ всегда заимствовалось и самое понятіе, все-таки, подобныя заимствованныя слова еще ничего о гетеризмѣ у финскихъ племенъ не доказываютъ. Ихъ можно было бы привести въ пользу гетеризма у финскихъ племенъ въ двухъ случаяхъ: или при допущеніи, что гетеризмъ существовалъ у этихъ племенъ еще въ эпоху заимствованія слова, при чемъ они заимствованное слово примѣнили къ собственнымъ семейнымъ отношеніямъ, или: — предполагая, что народы, отъ которыхъ слово заимствовано, сами еще переживали ту-же стадію семейныхъ отно-

1) Авторъ самъ говоритъ, что языкъ въ нинихъ случаяхъ консервативнѣе условій жизни; слѣдовательно, его собственныя основныя положенія вовсе не вынуждали его дѣлать тотъ рискованный выводъ, будто отсутствіе въ черемисскомъ языкѣ отдѣльнаго слова для обозначенія внука доказываетъ, что до времени заимствованія этого слова съ русскаго языка черемисы не дѣлали различія между понятіями: сынъ и внукъ.

2) Вообще, доводы автора, — если даже допустить за ними ту убѣдительность, какую приписываетъ имъ онъ самъ — одинаково хорошо доказывали-бы, какъ то, что въ первобытныя времена не умѣли отличать отца отъ прочихъ мужчинъ, такъ и то, что не умѣли отличать мать отъ прочихъ женщинъ.

шеній. Я думаю, однако, что авторъ вовсе не утверждаетъ, будто гетеризмъ существовалъ у восточно-финскихъ племенъ въ эпоху заимствованія словъ изъ тюркско-татарскихъ языковъ.

По поводу упомянутыхъ заимствованныхъ словъ считаю нужнымъ замѣтить, что по доступнымъ мнѣ источникамъ (словари Буденца и Троицкаго), черемис. слово *šuzar* обозначаетъ только «младшая сестра»; по автору слово это обозначаетъ еще племянницу, внучатую племянницу, двоюродную сестру моложе даннаго лица, двоюродную племянницу. Такъ какъ авторъ, кажется, знатокъ черемис. языка, поэтому я допускаю, что онъ почерпнулъ данныя изъ своихъ собственныхъ записей, въ достовѣрности которыхъ я не хочу сомнѣваться¹⁾; во всякомъ случаѣ, было бы желательно, чтобы авторъ указалъ: изъ какихъ именно источниковъ онъ получилъ свѣдѣнія. Больше сомнѣнія возбуждаетъ, напротивъ, вотяц. слово *zuzer*, переводимое авторомъ «младшая сестра, племянница». Лишь первое значеніе этого слова извѣстно словарямъ Видемана и Мункачи, рукописному словарю Ислентьева, а также рукописнымъ запискамъ Вихмана, который специально занимался собираніемъ лексикальнаго матеріала въ разныхъ округахъ вотяцкой области. Если значеніе «племянница» и не совсѣмъ «не точно», если даже авторъ узналъ его изъ словесныхъ разспросовъ, во всякомъ случаѣ значеніе это сомнительно. Относительно вотяц. слова *agaaj* «старшій братъ, отецъ, дядя, дѣдъ», надо замѣтить, что значеніе «Vater» сопровождается у Видемана вопросительнымъ знакомъ²⁾. По Мункачи и Вихману слово это означаетъ «старшій братъ», и употребляется, какъ обращеніе къ старшимъ и вообще уважаемымъ особамъ. Татарскій оригиналъ этого слова (*aga, agaaj*) примѣняется въ тѣхъ же случаяхъ (см. напр. словари Балинта и Остроумова). Вотяцкое *арај* означаетъ старшую сестру и тетку, а, сверхъ того, употребляется, какъ и чувашс. *арра (аррај)*³⁾, при обращеніи къ незамужней женщинѣ, которая старше говорящаго (такъ называютъ, напр., парни своихъ любовницъ и подругъ, которыя, вообще, старше ихъ самихъ). Какъ обращеніе къ старшей замужней женщинѣ, употребляется слово *кенак*, которое, собственно, обозначаетъ жену старшаго брата.

1) На зря-мордв. (а не мокша-мордов., какъ говоритъ авторъ) языкѣ *zazor* по Видеману означаетъ «jüngere Schwester (Base, Brudersfrau, Frauenschwester), Nichte». По сообщенію Паасонена, это слово въ изслѣдованныхъ имъ діалектахъ значить только «младшая сестра».

2) Слово *šuzar*, которое, по переводу автора, означаетъ «отецъ, дядя, старшій братъ», по Мункачи означаетъ лишь «älterer Bruder», по Видеману, сверхъ того, «älterer Vetter, Vaterbruder, Oheim». Значеніе «отецъ» не встрѣчается ни въ какихъ доступныхъ мнѣ источникахъ и должно считаться сомнительнымъ.

3) Золотницкій, Корневой чувашско-русскій словарь, стр. 183.

Способъ примѣненія названныхъ словъ *agaĵ*, *araĵ*, *kenak* приводитъ насъ къ вѣрной оцѣнкѣ всего того явленія въ восточ. фин. языкахъ, которое послужило автору доказательствомъ въ пользу существованія доисторическаго коммунальнаго брака.

Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ номенклатурой словъ обращенія, сдѣланными условными формами вѣжливости. Эта система обращеній, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ восточн. финс. языкахъ, повидимому, не присуща имъ, но, по всей вѣроятности, развилась благодаря тюркско-татарскому вліянію. Я заключаю это не столько изъ того, что отдѣльныя слова этой номенклатуры, какъ напр. *agaĵ*, *araĵ* заимствованы, но больше изъ того, что система обращеній сильнѣе развита въ тѣхъ именно восточ. фин. языкахъ, которые подверглись наибольшему турецко-татарскому вліянію (въ вотяц., черемис. и мордов., но, сколько мнѣ известно, въ зырян. она не встрѣчается; то-же явленіе мы находимъ и въ венгер. яз., гдѣ оно также можетъ быть объяснено тюркско-татарскимъ вліяніемъ). Еще одно доказательство въ пользу тюркско-татарскаго происхожденія всей системы заключается въ томъ, что формы обращенія морд. языка, въ полномъ согласіи съ формами тюркс. языковъ, образуются при помощи тюркскаго, такъ сказать звательнаго, окончанія *j*, и это даже въ тѣхъ случаяхъ, когда само слово не тюркско-татар. происхожденія, напр. *avaĵ*, *avakaĵ* («Mutter, Mütterchen»), *al'aj* «alter, дядя по отцу или матери», *otsaj* «дядя старше отца» («Морд.» стр. 141), *alaj* «старшій братъ», *akaj*¹⁾ «женщина старше даннаго лица», *ščakaj* «тетка»²⁾).

Если, такимъ образомъ, система словъ обращенія обязана своему происхожденію чужому вліянію, въ такомъ случаѣ она не имѣетъ и силы доказательства по отношенію къ исторіи первобытной жизни финскихъ племенъ. Но я не могу допустить и того, — какъ это, впрочемъ, явствуетъ изъ предъидущаго, — чтобы номенклатура обращеній даже въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ она возникла изъ національной основы, составляла воспоминаніе о первобытномъ гетеризмѣ, т. е. что она возникла въ тѣ времена, когда люди не умѣли отличать отца отъ другихъ взрослыхъ мужчинъ и пр. Чувство родственной связи весьма сильно развито, напр., у тюркскихъ племенъ, что доказывается ихъ сложной, подраздѣляемой на множество степеней, терминологіей родства. Если эти племена первоначально не умѣли различать степеней родства, вслѣдствіи чего они называли всѣхъ людей

1) Слово *akaj*, черем. *aka*, вотяц. *aky* можно считать какъ финскаго (фин. *akka* «старая женщина»), такъ — что, пожалуй, вѣрнѣе — и тюркскаго происхожденія (у Золотницкаго, въ Корневомъ чувашско-русскомъ словарѣ, стр. 133, рядомъ съ чувашскимъ *арра* встрѣчается и *акка* въ смыслѣ «старшая сестра»).

2) Раааооен, Мордв. Lautlehre, стр. 102. Bálint, Kazáni tatár nyelvten, стр. 28.

одного пола и того-же относительнаго возраста однимъ и тѣмъ же именемъ, но въ послѣдствіи, постепенно развиваясь, стали раздѣлять степени родства съ мелочною подробностью, зачѣмъ же имъ, въ такомъ случаѣ, продолжать смѣшивать родственниковъ и неродственниковъ? Это было бы совершенно необъяснимо, если бы дѣйствительно было такъ. Мы придемъ къ гораздо болѣе естественному объясненію, если будемъ смотрѣть на эти слова обращенія, какъ на формы вѣжливости, употреблявшіяся сначала для выраженія уваженія и дружбы, но въ послѣдствіи получившія вполне условный характеръ: такимъ образомъ ихъ можно считать скорѣе продуктомъ утонченія нравовъ, а никакъ не слѣдами коммунальнаго брака.

Надо, конечно, замѣтить, что выраженія, служащія для передачи родственныхъ отношеній, разъ они не заимствованы изъ языка дѣтей, нерѣдко, какъ кажется, произошли изъ словъ, имѣвшихъ значеніе «*magnus, grandis*» или нѣчто подобное, и такимъ образомъ первоначально служили для выраженія уваженія къ старшему¹⁾. Мыслимо также и то, что слова, выражавшія уваженіе, употреблялись въ тѣхъ или другихъ языкахъ при обращеніяхъ безразлично къ родственникамъ или не родственникамъ, и этотъ обычай такъ и сохранился отъ первобытныхъ временъ. Даже и при этомъ предположеніи дѣло не имѣло бы ничего общаго съ гетеризмомъ. По крайней мѣрѣ относительно номенклатуры тюркскихъ языковъ, намъ не нужно искать ея происхожденіе такъ далеко: развитіе ея, несомнѣнно, шло, въ большинствѣ случаевъ, въ томъ направленіи, что выраженія родственныхъ отношеній, каковъ бы ни былъ первоначальный ихъ смыслъ, сдѣлались выраженіями вѣжливости. Столь же мало, какъ и эти слова вѣжливости, имѣетъ дѣло съ гетеризмомъ и то обстоятельство, что въ большинствѣ финскихъ языковъ нѣтъ отдѣльныхъ словъ для мужа и мужчины, жены и женщины, сына и мальчика, дѣвочки и дочери. Когда языкъ (при помощи притяжательныхъ суффиксовъ и личныхъ мѣстоимѣній) можетъ вполне отчетливо отгнѣнить эти различія, тогда не чувствуется необходимости въ образованіи новыхъ словъ, какъ и теперь еще нѣмецкій языкъ обходится съ *Mann*, французскій съ *femme*, а финскій съ *poika* (сынъ, мальчикъ).

Я убѣжденъ, что авторъ не на основаніи лингвистическихъ данныхъ пришелъ къ убѣженію о существованіи доисторическаго гетеризма, напротивъ того: принявъ за основаніе, «что коммунальный бракъ составляетъ исходную точку развитія семьи», онъ черезъ такія очки смотрѣлъ на явленія языка. Допуская существованіе коммунальнаго брака, авторъ, конечно, примкнулъ къ виднымъ авторитетамъ социологій; относительно примѣненія

1) Ср. напр. фин. *isä* «отецъ» и *iso* «большой»; *emo* «дядя по матери» и *emä* «много»; *äijä* «старикъ, дѣдъ» и «большой» = зыр. *aj* «отецъ», *emä*, *emo* «мать» (или, скорѣе, *ämmä* «старуха, бабушка по отцу») и лопар. *evtoi* «*grandis*».

терминовъ родства, онъ тоже имѣлъ предшественниковъ, строившихъ свои выводы совершенно по тому же методу¹⁾. Вся эта теорія о гетеризмѣ или коммунальномъ бракѣ, бывшая вначалѣ лишь гипотезой, но превратившаяся незамѣтно подъ перомъ многихъ авторовъ — въ томъ числѣ и профессора Смирнова — въ совершенно доказанную истину, подверглась въ послѣднее время чувствительнымъ нападкамъ, особенно со стороны датчанина Старке²⁾ и финляндца Вестермарка³⁾. Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы я началъ распространяться на эту широкую тему въ моей рецензії, цѣль которой ограничивается лишь разсмотрѣніемъ того, какъ относится авторъ къ лингвистическимъ фактамъ. Скажу только, что хотя и я считаю методъ соціологовъ и той и другой стороны по большей части весьма несовершеннымъ, въ виду того, что они трактуютъ вообще о всѣхъ народахъ, вмѣстѣ взятыхъ, не обращая вниманіе на историческую и географическую связь между ними, тѣмъ не менѣе я считаю точку зрѣнія Старке и Вестермарка вѣрнѣе, другими словами: я думаю, что бракъ столь же старъ, какъ и само человѣчество. Добавлю, что матернитетъ или счетъ родства по матери, слѣды чего проф. Смирновъ старается найти въ языкѣ и обычаяхъ вотяковъ⁴⁾, вовсе не нуждается быть объясненнымъ тѣмъ, что родителей не знали, или что индивидуальнаго брака не существовало; это часто встрѣчающееся явленіе можетъ быть объяснено гораздо естественнѣе, что уже и сдѣлано Мэнномъ, Старке и Вестермаркомъ.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ тому отрицательному результату, что на основаніи лингвистическихъ фактовъ нельзя констатировать существованіе у финскихъ племенъ доисторическаго гетеризма, который по всей вѣроятности не существовалъ и ни у какого другого народа. Можетъ явиться вопросъ: на сколько вообще возможно по даннымъ языка дѣлать заключенія о первобытныхъ семейныхъ отношеніяхъ финскихъ племенъ.

Прежде всего надо замѣтить, что первоначальная терминологія родства очень измѣнилась, частью при помощи новыхъ словообразованій (напр.: обращенія, служившія выраженіемъ уваженія, приобрѣли значеніе терминовъ родства, см. выше), частью при помощи заимствованій, которыя въ этой области не рѣдки и вовсе не указываютъ, чтобы вмѣстѣ съ заимствованиемъ и самыя понятія впервые сдѣлались извѣстными (ср., напр., рас-

1) Такъ это сдѣлалъ въ широкихъ размѣрахъ Lewis H. Morgan въ своей книгѣ «Systems of consanguinity and affinity of the human family», и его примѣру слѣдовали многие авторы.

2) C. N. Starcke. Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwicklung. Leipzig 1888.

3) Edward Westermarck. The history of human marriage. London 1891.

4) Это, однако, не стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, что вотяц. *tšuz* «дядя по матери» находится въ связи съ зыр. *tšuznu* «geboren werden».

пространеніе во многихъ языкахъ, при помощи заимствованій, словъ папа и мама). Такъ, напр., слово *atya* по венг. значить «отець» = эст. *at'i*, род. падижъ *ati*, но мордов. *a'a* «старикъ», или финс. *äijä* значить «большой, дядя по отцу или матери — старикъ», но соотвѣтств. зыр. вотяц. слово *aj* означаетъ «отець». Къ заимствованнымъ словамъ относятся, напр.: фин. *sisar* «сестра», морд. *sazor*, черем. *šuzar*, вотяц. *sužer* «младшая сестра», но фин. *tytär* — мордов. *tehter*, *stir*, черем. *ūdūr* «дочь», или фин. *äiti* «мать», которыя, безъ сомнѣнія, выгѣснили первоначальныя финскія слова (напр. первоначальное слово для дочери сохранилось въ фин. *neiti* «virgo», лопар. *nieidda*, зыр., вотяц. *nyl* «дѣвочка, дочь», см. Thomsen. Beröinger, стр. 168).

Но, съ другой стороны, встрѣчаются очень распространенные термины родства, какъ: фин. *vävy* «зять» = черем. *venge*, остяц. *ven*, *von*, венгер. *vó*; фин. *miniä* сноха = венг. *meny* «невѣстка»; фин. *kyty* «Mannesbruder» = морд. *kefta*, остяц. *kili*, фин. *setä* «дядя по отцу», лопар. *šesse* тоже, черем. *šüči* «avunculus», зыр. *tšöž*, *tšož* тоже. Хотя подобные, встрѣчающіеся во многихъ отдаленныхъ языкахъ, термины родства и не многочисленны, но уже самое существованіе хотя нѣсколькихъ такихъ терминовъ доказываетъ больше, нежели отсутствіе многихъ. Это присутствіе доказываетъ, что семья и родство существовали уже въ финно-угорскомъ періодѣ. Изъ терминовъ, относящихся до общественной жизни, назовемъ фин. *otja* «рабъ» = мордов. *ur'a* «слуга, рабъ», *uren* «служанка, рабыня»; ? вот. *var* «Slave, Diener, Knecht»; эти слова, повидимому, показываютъ, что уже въ финно-морд. времена различали свободныхъ отъ несвободныхъ членовъ общества. Отъ послѣдняго мордовскаго слова происходятъ упоминаемая авторомъ мордов. слова: уре «замужняя женщина», урекс «жизнь замужней женщины», уредев «дружка», уряжъ или реж «невѣстка»; связь этихъ словъ¹⁾ со словомъ *ur'a* «рабъ», достаточно ясно указываетъ, каково было положеніе замужней женщины.

Весьма важнымъ источникомъ при изученіи древнѣйшей исторіи народа являются заимствованныя слова, которыя свидѣтельствуютъ о соприкосновеніяхъ съ другими народами; эти соприкосновенія могли имѣть мѣсто въ древнѣйшія времена и между народами, которые въ продолженіи тысяче-

1) Эти мордов. слова, вопреки мнѣнію автора, не имѣютъ ничего общаго съ фин. *uros* «самецъ, мужъ, герой» («Морд.» стр. 47). Авторъ дѣлаетъ разницу между словами *уряж* и *реж* «невѣстка», между тѣмъ это, безъ сомнѣнія, одно и то-же слово въ полной и сокращенной формѣ. Слово *ur'va* — «жена, супруга, сноха» (ibid.) относится вовсе не сюда, а имѣетъ совсѣмъ другое происхожденіе (см. ниже; весьма вѣроятно, что смягченное *r'* произошло подъ вліяніемъ или смѣшеніемъ съ *ur'a*).

лѣтій жили совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Ясно, что на основаніи этихъ свидѣтельствъ можно дѣлать выводы о быломъ мѣстожителствѣ народа, о его культурныхъ отношеніяхъ и пр., чего инымъ путемъ указать было бы невозможно.

Исслѣдованія этой области велись часто не методично, безъ достаточнаго знакомства съ различными языками, но существуютъ и такія работы, какъ напр. работы Вильг. Томсена, которыя могутъ считаться образцовыми относительно метода, эрудиціи и точности.

Можно одобрить автора за то, что онъ собралъ заимствованныя съ тюркско-татарскаго культурныя слова и постарался по этимъ даннымъ нарисовать картину культурнаго вліянія тюркско-татарскихъ племенъ на черемисовъ и вотяковъ. Но это вліяніе довольно поздняго происхожденія и не представляетъ вообще для историка того интереса, какъ соприкосновенія съ индо-европейцами, а эти соприкосновенія разобраны авторомъ недостаточно. Если не принимать въ расчетъ тѣ, до сего времени не выясненныя, отношенія между индо-европейцами и финно-угорскими племенами, на которыя указываютъ такія слова, какъ фин. *vesi* (*vete-*) «вода», *mesi* (*mete-*) «медъ», то индо-иранцы будутъ первыми индо-европейцами, съ которыми финно-угорскія племена пришли въ соприкосновеніе. Авторъ говоритъ лишь мимоходомъ объ этихъ соприкосновеніяхъ (Перм. стр. 134, 135, 142—144, Мордва 4, 203), не оцѣнивъ всей ихъ исторической важности. Правда, что вполне удовлетворительная и обстоятельная обработка этихъ соприкосновеній еще не сдѣлана, но уже фактъ, самъ по себѣ, стѣятъ, казалось бы, большаго вниманія, а разъясненія сдѣланныя Томсеномъ, Андерсономъ, Келпеномъ, Томашекомъ и Шрадеромъ¹⁾, могли бы привести автора къ болѣе правильной оцѣнкѣ этихъ обстоятельствъ. Начало соприкосновеній между финно-уграми и индо-иранцами относится къ тому времени, когда финно-угорскія языки составляли еще одно цѣлое или, по меньшей мѣрѣ, были довольно близки другъ къ другу въ географическомъ отношеніи. Доказываютъ это тѣ индо-иранскія слова, которыя встрѣчаются во всѣхъ финско-угорскихъ языкахъ, таковы фин. *sata* «сто» (первоначально **śata* изъ инд.-ир. *śata-*), фин. *repo*, морд. *rives*, чер. *rebež*, *rövöž*, зыр. *rutš*, *rutš'*, *ruš*, вот. *dšutšu*, венг. *ravasz* «лисица», ср. оссетин. *robas*, *rubas* и т. д.; прибавлю еще зыр. *verös* «мужчина, мужъ», лопарс. *vares*, род. пад. *varras* «мас», въ связи съ которыми находятся фин. *oras* «verres, verres castratus», морд. *urys* «verschnittener Eber» — ср. санскр. *vr̥ṣa* «taurus, mas in universum». Нѣкоторыя индо-иранскія

1) Исслѣдованіе Штакельберга «Ирано-финскія лексикальныя отношенія» вышло только въ 1893 г. Въ послѣдніе годы также венгерскій лингвистъ Мункачи сдѣлалъ нѣсколько относящихся сюда сопоставленія, хотя его методъ оставляетъ желать многого.

слова общи мордв. и финскому языкамъ (каковы *petkele* «пестъ» = мордв. *pet'k'el'* — ср. сариколи *petgäl*; фин. *vasara* «молотокъ», морд. *uzur*, *uzere* «сѣкира, топоръ», ср. авест. *vasra* «Keule, Streitaxt»), большинство такихъ словъ встрѣчаются, однако, въ восточно-финск. яз.: мордов., черемис., вотяц., зырян., вогульскомъ, остяцкомъ и венгерскомъ; нѣкоторыя изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, относятся до того времени, когда эти народы находились въ близкомъ между собою общеніи. Перечислить такія слова въ этой рецензійи невозможно. Но я считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе на то, что индо-иранскія заимствованныя слова указываютъ, повидимому, на весьма древнія формы индо-иранскаго языка. Мы, кажется, имѣемъ примѣры изъ той отдаленной стадіи иранскихъ языковъ, когда конечный *s* еще сохранился, т. е. мы находимъ здѣсь стадію болѣе древнюю, чѣмъ формы языка авесты или древне-персидскаго. Такой примѣръ встрѣчаемъ въ мокша-морд. *virgas*, ерзя-морд. *ver'gez* «волкъ», зыр. *vörkas* «россомаха» — ср. санскр. *vrka-s*, авест. *vehrka*; также въ сопоставленномъ Паасоненомъ словѣ морд. *ravas*, *raz* «богъ, счастье» — санскр. *bhaga-s* «счастье, прозвище боговъ», др.-перс. *baga*, авест. *baça* «богъ». На болѣе древнюю, нежели историческія иранскія формы, указываютъ также ерзя-морд. *azoro*, мокша-морд. *azyr* «владелецъ, хозяинъ», зыр. *ozur*, *over* «богатый», вотяц. *uzur* тоже, вог. *öder*, *öter* «князь, господинъ, чиновникъ», «Heldenfürst, Gott», ср. санскр. *asura* «помен дæмонимъ», ав. *ahura*, древне-перс. *aura*¹⁾.

При современномъ состояніи науки трудно опредѣлить, изъ какого языка заимствованы слова, о которыхъ идетъ рѣчь; можетъ быть это была древнѣйшая форма иранскаго языка, болѣе сходная съ древне-индійскимъ, нежели древне-персидскій языкъ, а можетъ быть это былъ и какой нибудь иной индо-иранскій языкъ, прямое продолженіе котораго болѣе не существуетъ²⁾. Съ другой стороны, болѣе новыя, относящіяся сюда слова указываютъ, повидимому, на древне-иранскіе языки, изъ которыхъ произошли современные осетинскій и отчасти памирскіе діалекты (древній аланскій, скивскій, сакскій, массагетскій). Едва-ли нужно говорить, что эти обстоятельства имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія прежняго мѣстожителства финскихъ племенъ. Столь же очевидно, что эти соприкосновенія имѣютъ большой культурно-историческій интересъ. Не говоря уже о словахъ, выражающихъ обыденныя понятія (каковы

1) Морд. и индо-иранск. (но не зыр., вот., вог.) слова сопоставлены Паасоненомъ. Изв. О. А. И. и Э. XI, 199.

2) Весьма замѣчательно относительно вокализма фин. слово: *orpo*, лопар. *oarbes*, венг. *árva* (морд. *uros*, *urus*) «сирота», куда, повидимому, относится и фин. *orpana* «Geschwisterkind», лопар. *oarbben* «сестра», а также и морд. *ur'va* — «замужняя женщина» (первоначально «не имѣющая родителей?»). Такимъ образомъ это слово указываетъ на какой-то индо-европейскій языкъ съ вокализмомъ *o*.

морд. *mirde* «мужъ, супругъ», зыр. *mort*, вотяц. *murt* «человѣкъ» — ср. авест. *mareta*, новоперс. *merd* «мужъ»; вог. *vani* «гѣсъ» — ср. санскр. *vana*; вог. *vōt*, остяц. *vāt*, *vōt* «вѣтеръ» — ср. санскр. *vāta* и т. д.), между относящимися сюда словами встрѣчаются и названія металловъ (напр. золото и желѣзо)¹⁾ и слова изъ области скотоводства (напр.: зыр. *ōš*, вог. *oš*, вог. *uškā* «быкъ», ср. авест. *uḡšan-*, санскр. *uḡśan-*), земледѣлія (напр. зыр. *amōš*, *ameš*, *amōds'*, *amōtš*, *amys*, *amydz'*: *a.-bord*, *a.-piñ* — «Pflugschaß», вотяц. *amed'z'*, *amez'* тоже — ср. новоперс. *āmā*)²⁾, слова относящіяся до общественныхъ отношеній (напр. зыр. *ōksy* «князь», вог. *eksej* «король, царь», ? ср. авест. *ḡšaya* «могучій, господинъ», древне-перс. *ḡšāyašiya* «царь»; обр. также вниманіе на указанныя выше зыр. *oḡur*, вог. *uḡur* «богатый») и слова изъ области религіи (см. ниже). Слѣдуетъ еще упомянуть, что названія морей во многихъ восточно-фин. яз. иранскаго происхожденія.

Однимъ словомъ, эти финско-иранскія соприкосновенія указываютъ на то, что мѣстожителство финновъ, особенно сѣверо-восточныхъ племенъ, было гораздо южнѣ теперешняго мѣстожителства; они указываютъ также на болѣе древнюю, чѣмъ думаетъ авторъ, культуру. Никонимъ образомъ нельзя принять то мнѣніе автора, будто иранское вліяніе на мордву имѣло мѣсто исключительно во время обособленной жизни этого племени; уже тѣ немногіе факты, которые авторъ самъ приводитъ (смотри Мордва стр. 5, 44, 48), должны были, по моему мнѣнію, разубѣдить его въ этомъ³⁾.

Столь же смутное представленіе, какъ о финско-иранскихъ отношеніяхъ, имѣетъ авторъ и о соприкосновеніяхъ финновъ съ другими индоевропейскими народами, хотя онъ, что касается послѣднихъ соприкосновеній, — въ сочиненіи Мордва, по крайней мѣрѣ, — пользовался такимъ прекраснымъ путеводителемъ, какъ «*Vegetinger*» Томсена. Напр. авторъ говоритъ («Морд.» стр. 5): «Данныя языка позволяютъ намъ предположить, что сосѣдями Мордвы въ доисторическій періодъ были Германцы, Славяне, Литовцы и какія-то иранскія племена», тоже на стр. 47: «Рядомъ съ продуктами самостоятельнаго творчества [Мордвы], несложная культура представляла уже и заимствованія изъ славянскаго, литовскаго и германскаго источниковъ», на стр. 47: «Культурная зависимость Мордвы отъ Литовцевъ продолжалась . . . нѣкоторое время послѣ отдѣленія отъ Западныхъ Фин-

1) Штакельбергъ и Шрадеръ объясняютъ тождественность нѣкоторыхъ изъ встрѣчающихся словъ тѣмъ, что они заимствованы съ финно-угорскихъ языковъ, особенно съ перскаго, таковы, напр., названія серебра, стали и мѣди. Обратить на это вниманіе стоитъ, но вопросъ этимъ еще не вполне исчерпывается (напр. вог. *andan*, зыр. *jendon* кажутся не-перскими).

2) Сопоставленіе Вихмана.

3) Мордва, стр. 5, авторъ считаетъ слово *uḡur* «топоръ» иранскимъ (по Томашеку); на стр. 44 онъ замѣчаетъ, что въ эстонскомъ языкѣ имѣется соотвѣтственное слово.

Зап. Инст.-Фин. Отд.

новъ», на стр. 48: «Къ тому-же первому періоду обособленной жизни нужно отнести и тѣ слѣды иранскаго вліянія, которыя констатировалъ Томашекъ въ языкѣ Мордвы». Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, соприкосновенія мордовцевъ со славянами, германцами, литовцами, францами имѣли мѣсто приблизительно одновременно, а столкновение съ тюркско-татарскими племенами произошло немного позднѣе (Морд. стр. 48, ср. стр. 203).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что балтійскія заимствованія въ мордовскомъ языкѣ по давности ближе всего подходятъ къ иранскимъ. Это слѣдуетъ изъ того (какъ указалъ Томсенъ), что множество балтійскихъ словъ мордовскаго языка встрѣчается — нерѣдко въ довольно тождественной формѣ — въ западно-финск. языкахъ, а это показываетъ, что общеніе между финнами и ихъ ближайшими соплеменниками еще не совсѣмъ порвалось въ эпоху, когда эти заимствованія были сдѣланы. Авторъ совершенно невѣрно реферировалъ мнѣніе Томсена о томъ, что «Мордва соприкасалась съ литовскими племенами и послѣ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ Суоми» («Морд.» стр. 3), или что «культурная зависимость Мордвы отъ Литовцевъ продолжалась, по мнѣнію Томсона (sic), нѣкоторое время послѣ отдѣленія отъ Западныхъ Финновъ» (ibid. стр. 47). Томсенъ говоритъ лишь, что въ мордов. языкѣ встрѣчается нѣсколько словъ литовскаго происхожденія, которыхъ нѣтъ въ финскомъ языкѣ, откуда слѣдуетъ заключить, что между мордов. и балтійск. языками существовала самостоятельная, не зависѣвшая отъ финскаго языка связь, иными словами: что дѣло нельзя представить такъ, будто всѣ литовскіе слова перешли въ мордов. языкъ черезъ финскій, но что мордов. языкъ также и непосредственно (или при посредствѣ другого, теперь исчезнувшаго языка, муромскаго?) перенялъ литовскія слова. Одинъ взглядъ на работу Томсена убѣдилъ бы автора, что балтійское вліяніе на западно-финск. языки несравненно интенсивнѣе по объему и продолжительности, чѣмъ то-же вліяніе на мордовскій языкъ.

Относительно германскаго вліянія, авторъ не обратилъ должнаго вниманія на весьма ясно выраженное мнѣніе Томсена о томъ, «что нельзя съ достовѣрностью указать какого-либо вліянія съ германской стороны на другіе финно-угорскіе языки, кромѣ западно-финскаго и лопарскаго» («Vergöingerg», стр. 32). И такіе слѣды германскаго вліянія до сихъ поръ еще никому не удалось указать¹⁾. Что-же касается славянскаго вліянія, то оно и въ мордовскомъ, и въ другихъ восточно-финскихъ языкахъ происхожденія

1) Сдѣланное авторомъ (Перм. стр. 35) сопоставленіе зыр. *väl* «лошадь» съ готскимъ *folo* (sic) не имѣетъ основанія. Это зыр. слово скорѣе можетъ быть сопоставлено съ морд. *elde, äldä* «Stute», чер. *välö* тоже, лопарск. *aldos* «kleine Rennthierkuh» (см. выше).

весьма недавняго. Въ восточно-финскихъ языкахъ не встрѣчается такихъ заимствованій съ русскаго, которыя указывали-бы на столь же древнюю форму русской рѣчи, какъ древнѣйшія русскія заимствования въ западно-финскихъ языкахъ. Авторъ, правда, говоритъ (Морд. стр. 47): «Къ числу такихъ заимствованій относится, между прочимъ, въ области матеріальной культуры названіе рыболовнаго снаряда уда (онда у мордвы и эстовъ)»; если-бы это утвержденіе, источникъ котораго авторомъ не указанъ, было вѣрно, оно имѣло бы важное значеніе, такъ какъ мы имѣли-бы здѣсь мордовск. слово, отражающее славянскую форму съ сохранившимся носовымъ гласнымъ. Прежде всего, въ эстонскомъ языкѣ нѣтъ никакого онда, а есть *und* (род. пад. *inna*, въ ливонс. *ūnda*); въ этомъ словѣ сочетаніе *und* дѣйствительно отражаетъ древне-русскій носовый гласный¹⁾. Что же касается мордовскаго языка, то на этомъ языкѣ уда называется по Видеману *uda*, *u'ta*, а по Альквисту и Регули *u'tā*, но онда у нихъ не встрѣчается. Паасоненъ, совершившій нѣсколько поѣздокъ къ мордвѣ съ цѣлью собрать лексикальный матеріалъ и котораго я устно спрашивалъ, категорически отрицаетъ существованіе подобнаго слова въ мордовскомъ языкѣ. Здѣсь, очевидно, недоразумѣніе; я позволю себѣ высказать слѣдующую конъектуру по поводу происхожденія этого слова. Авторъ прочелъ у Веске («Славяно-финскія культурныя отношенія» стр. 159): «у Миклошича мы встрѣчаемъ предполагаемую форму *onda*... Нюдно изъ славянскихъ нарѣчій не сохранило согласнаго *n* въ этомъ словѣ, но въ эстонскомъ и ливонскомъ языкѣ онъ существуетъ, эсты говорятъ *unda* — удочка, а ливы — *uunda*». У г. Смирнова ливонскій языкъ измѣнился въ мордовскій, и предполагаемая славянская форма сдѣлалась общою эстонскому и мордовскому языкамъ.

Вообще, какъ кажется, авторъ, не обращая вниманія на то, что говоритъ, напр., Томсенъ, находился подъ вліяніемъ работы Веске, не обнаруживающей въ авторѣ ея должнаго критическаго отношенія къ историческимъ фактамъ.

Какъ уже замѣчено, авторъ обратилъ большее вниманіе на тюркско-татарское вліяніе на языки черемис. и вотяцкій²⁾. Противъ этихъ изслѣдованій автора считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующихъ два замѣчанія. Прежде всего я нахожу, что авторъ, — какъ это слѣдуетъ изъ предъидущаго, — на

1) Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slaviachen Sprachen, стр. 47, 48.

2) Что касается вотяцкаго, авторъ въ сопоставленіяхъ словъ могъ опираться на Мункачи «Votják nyelvutannmányok» (не «nyelvmutatónyok» [читай: «nyelvmutatónyok»]), какъ онъ приводитъ заглавіе, вслѣдствіе опечатки въ оглавленіи венгерскаго журнала Nyelvtudományi közlemények XVIII).

основаніи интенсивности этого вліянія преувеличилъ значеніе его въ культурномъ отношеніи. Во вторыхъ, онъ не замѣтилъ, что существуетъ болѣе древнее вліяніе съ турецко-татарской стороны, — а именно: съ чувашской, — вліяніе, которое въ историческомъ отношеніи представляетъ значительно болѣе интереса, чѣмъ татарское вліяніе. Авторъ, правда, сознаетъ, какое важное значеніе это вліяніе имѣло-бы, если-бы оно могло быть констатировано («Вот.» стр. 45 и слѣд.), но онъ пришелъ къ тому выводу, что въ вотяцкомъ языкѣ «противъ сотенъ словъ, заимствованныхъ изъ татарскаго, мы можемъ выставить съ небольшимъ десятокъ словъ, заимствованныхъ или изъ чувашскаго или черезъ посредство чувашскаго изъ арабскаго и персидскаго» и что эти заимствования изъ чувашскаго «были сдѣланы въ позднѣйшую пору». Дѣлая такой выводъ, авторъ именно ссылается на вышеуказанную работу Мункачи. Послѣдній, однако, обозрѣвая турецко-татарскіе элементы въ вотяцкомъ языкѣ (Nyelvtanulmányok стр. 149) насчитываетъ около 40 заимствованныхъ чувашскихъ словъ въ вотяцкомъ языкѣ и указываетъ, что они должны быть древнѣе, нежели татарскіе, такъ какъ эти слова или устарѣвшія, или не существующія болѣе въ теперешнихъ чувашскихъ діалектахъ. Въ томъ перечисленіи заимствованныхъ съ татарскаго словъ въ вотяцкомъ языкѣ, которое профессоръ Смирновъ приводитъ (вот. стр. 49 и слѣд.), есть слова, которыя, судя по фонетическимъ признакамъ, безусловно чувашскаго, а не татарскаго происхожденія; въ многихъ случаяхъ авторъ могъ-бы убѣдиться въ этомъ уже изъ работы Мункачи (напр.: относительно словъ *kulim*, *ukso*, *bulytyr*, *ulmo*, *ener*, которыя никакъ не могутъ быть татарскими; слово *ener* самъ авторъ раньше — стр. 46 — называлъ въ числѣ чувашскихъ). Чувашское вліяніе простирается и на зырянскій языкъ и должно несомнѣнно приводить насъ къ тому времени, когда нынѣшніе пермскіе племена жили ближе другъ къ другу, такъ что общеніе между ними не было еще прервано. Болѣе обстоятельное изслѣдованіе этого факта, могло-бы, безъ сомнѣнія освѣтить какъ древнюю исторію пермскихъ племенъ, такъ и болгарскій вопросъ; мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что авторъ счелъ возможнымъ такъ поверхностно разбирать этотъ важный вопросъ.

Довольно странно, что авторъ не разбираетъ тюркско-татарскихъ культурныхъ словъ мордовскаго языка.

Въ этихъ монографіяхъ авторъ ставилъ себѣ похвальную цѣль опредѣлить, по названіямъ мѣстностей и личнымъ именамъ, прежнее мѣстожителство финскихъ племенъ, а также узнать: какіе народы жили прежде на мѣстахъ, нынѣ занимаемыхъ финскими племенами. Этимологическій разборъ мѣстныхъ и личныхъ именъ представляетъ много за-

трудней; относительно приводимыхъ авторомъ мѣстныхъ названій, надо сказать, что многія изъ нихъ, въ этимологическомъ отношеніи, не настолько ясны, чтобы могли служить основаніемъ для тѣхъ или другихъ заключеній о доисторическихъ временахъ. Не вдаваясь въ излишнія подробности, я, однако, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній общаго характера.

Въ монографіи «Вотяки» (стр. 28) авторъ говоритъ: «первымъ крупнымъ культурно-историческимъ событіемъ въ жизни вотяковъ было соприкосновеніе съ чудско-болгарской культурой». Вопросъ о томъ, что за племя была чуди, занимаетъ автора въ работахъ «Вотяки» и «Пермяки». Упомянувъ о «неопредѣленности антропологическихъ и археологическихъ данныхъ», авторъ обращается къ третьему фактору въ рѣшеніи вопроса, именно къ филологическому, т. е. къ тѣмъ вотяцкимъ названіямъ мѣстностей, которыя не поддаются объясненію по даннымъ вотяцкаго языка и въ которыхъ, слѣдовательно, мы имѣли «слова, уцѣлѣвшія отъ языка народа, ранѣе вотяковъ жившаго въ краѣ». Здѣсь авторъ обращаетъ особенное вниманіе на то, что въ вотяцкомъ краѣ есть много названій рѣкъ съ окончаніемъ на ма, которыми соотвѣтствуютъ въ нынѣшнемъ Пермскомъ краѣ названія, съ окончаніемъ ва, напр.: Пож-ма въ Вот. краѣ, Пож-ва въ Перм. краѣ, Урма — Урва и т. д. По этому поводу авторъ говоритъ: «Эти ряды названій, сходныхъ по своимъ опредѣляющимъ частямъ, даютъ намъ право заключить, что суффиксы ма и ва, связанные съ одними и тѣми-же корнями, должны быть тождественны по значенію» (ва = вода, рѣка, слѣдовательно и ма означаетъ то-же самое). Это ведетъ автора къ тому выводу, что «народъ, разбросавшій по губерніямъ Костромской, Вологодской, Вятской и Пермской массу рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на ма, говорилъ языкомъ, представлявшимъ одно изъ развѣтвленій обширной группы діалектовъ, отъ которыхъ въ настоящее время уцѣлѣли зырянскій, пермяцкій и вотскій», т. е. «что языкъ народа, создавшаго рѣчныя названія съ окончаніемъ на ма, находится въ родствѣ съ нынѣшнимъ пермяцкимъ нарѣчіемъ» (Вот. стр. 34, 39). Что этотъ родственнѣйшій вотякамъ народъ, который ранѣе ихъ жилъ въ этомъ краѣ, былъ именно чуди, это, по мнѣнію автора, доказывается народнымъ преданіемъ. Противъ такого способа доказательства можно возразить, что, прежде всего, слѣдовало-бы доказать, что дѣйствительно *та* и *ва* фонетически соотвѣтствуютъ другъ другу; известно, что во всѣхъ финско-угорскихъ языкахъ слова, соотвѣтствующія зыр. *va*, начинаются съ *v*, слѣдовательно, мы должны предположить, что *v*, въ началѣ слова, въ этомъ неизвѣстномъ языкѣ перешло въ *m*, а это не есть обыкновенный переход¹⁾; по вокализму и отпаденію первоначаль-

1) Примѣры, приведенные Веске (Слав.-фин. культурныя отношенія, стр. 11), по моему мнѣнію, ничего не доказываютъ объ этомъ исчезнувшемъ языкѣ,

наго внутренняго согласнаго (*va* = фин. *vesi, vete-*) этотъ древній языкъ, казалось-бы, совершенно подходитъ къ современному зырянскому языку. Все это не особенно убѣдительно. Впрочемъ, нельзя сказать навѣрно, что *та* дѣйствительно означаетъ «воду, рѣку»; можетъ быть это совсѣмъ другой суффиксъ (прилагательный, мѣстный, или тому подобное).

Въ работѣ «Пермяки» авторъ въ данномъ вопросѣ стоитъ на нѣсколько другой точкѣ зрѣнія. Онъ говоритъ (стр. 78): «окончаніе *ва* замѣняется въ устахъ русскихъ и, повидимому, даже близкихъ къ Коми Вотяковъ окончаніемъ *ма*»; въ подкрѣпленіе этого онъ, однако-же, не приводитъ звуковыхъ законовъ ни русскаго, ни вотяцкаго языковъ. Относительно національности чуди авторъ считаетъ возможнымъ (стр. 114) высказаться «болѣе опредѣленно», а именно: народъ, съ которымъ пермскія племена (вотяки и т. д.) пришли прежде всего въ соприкосновеніе, были — сами пермяки (и также угры), т. е. предки нынѣшнихъ Пермиковъ и вообще современнаго населенія сѣверо-западной части Пермской губерніи. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ, между прочимъ (Перм., стр. 116—117), указываетъ, что въ предѣлахъ Пермскаго края тѣ мѣстности, гдѣ (или около которыхъ) стояли городища, приписываемыя чуди, носятъ названія, заключающія въ себѣ пермяцкое названіе городища *кар*. Но, странное дѣло, *кар* встрѣчается только въ незначительной части приводимыхъ авторомъ названій мѣсть («Дой-каръ» «Перм.», стр. 117, кромѣ того четыре на стр. 119), въ большинствѣ названій находимъ *кор* или *кыр* (также *кэр*); авторъ принимаетъ безъ всякихъ доказательствъ, что *кор*, *кыр*, *кэр* тождественны съ *кар*, хотя существуютъ три отдѣльныя слова *kor, kyr, ker*, значеніе которыхъ совсѣмъ не то, что *kar*. Если допустить даже, что по русскимъ источникамъ *кор* соответствуетъ зырянскому *кар*, все-же нельзя утверждать, чтобы *kar* «городъ» и *kyr* «гора, возвышеніе» были однимъ и тѣмъ-же словомъ. Совершенно неосновательны утвержденія автора, будто такія вполнѣ этимологически ясныя зырянскія (пермяцк.) названія, какъ *кыр'-илъ* (по Видеману *kyr-jyl* «Steile, Absturz»), *кыр'-ыв-йыръ*, *кыр'-ив-йыръ* (дословно «вершина обрыва») имѣютъ нѣчто общее съ *kar*, или что *кыръ* въ названіи Кошкыръ «можетъ обозначать возвышенность и городище».

Очень мало доказываетъ и то обстоятельство, что въ статейныхъ книгахъ имѣется нѣсколько пермяцкихъ названій для нѣкоторыхъ «чудскихъ и вообще старыхъ урочищъ» (какъ: Важгортъ = старое жилище; они называются тамъ-же часто также и по-русски: Старое жилище, Старое дворище и т. д.).

Такимъ образомъ, я нахожу неудовлетворительнымъ тотъ способъ доказательства, которымъ пользуется авторъ, изслѣдуя національность

чуди. Но, что касается самого вопроса, по моему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что также пермскія племена назывались русскими пришельцами чудью (ср. Перм. стр. 114, 115). Но это само по себѣ говоритъ очень мало, такъ какъ невозможно доказать, что русскіе называли чудью только пермскія, а не нныя племена. Нельзя отдавать русское *чудь* отъ старославянскаго *штоудъ* («*gigas*»), это слово въ свою очередь надо сопоставить съ русскимъ *чужой* — діал. *чудый*, старосл. *штоуждъ* («*alienus*»), ср. Шафарикъ *Slaw. Alterthümer I*, 286, Миклошичъ *Et. WB*, стр. 357. Представляю на разсмотрѣніе славистовъ высказанное Шафарикомъ предположеніе о томъ, что названіе *скивоозъ* могло быть тождественно со словомъ *чудь*; во всякомъ случаѣ: я считаю, что этимологическая связь между *чудь* и *чужой* доказываетъ, что имя *чудь* въ этнографич. отношеніи очень мало поучительно, такъ какъ оно означаетъ собственно «чужіе народы», приблизительно то-же, что теперь подразумѣвается подъ словомъ «инородцы». Всѣмъ извѣстно, что чудью называютъ самые различные народы, напр. эсты, воты и венсы назывались и до сего времени называются русскими *чудью*; нельзя допустить, чтобы русскіе сознавали первоначальную лингвистическую и этнографическую связь этихъ народовъ съ пермскими племенами. Считаю также весьма вѣроятнымъ, что и часть иранскихъ племенъ называлась чудью. Такимъ образомъ нѣтъ никакой необходимости, чтобы въ Пермскомъ краѣ именемъ чуди назывался только одинъ народъ.

Въ работѣ «Пермяки» (стр. 98—106) авторъ говоритъ о многочисленныхъ рѣчныхъ названіяхъ на—нга, которыя встрѣчаются на сѣверѣ Россіи. Исходя изъ того факта, что «на Кольскомъ полуостровѣ, гдѣ на памяти исторіи жили и живутъ только западные Финны и Лопари», встрѣчаются подобныя и даже совершенно тождественныя названія, авторъ говоритъ: «мы могли-бы предположить, что народъ, оставившій на пространствѣ между Волгой и Ледовитымъ океаномъ многочисленныя рѣчныя названія съ окончаніемъ нга, были Лопари» (стр. 103). Съ другой стороны, авторъ приводитъ предположеніе Европеуса, что названія съ суффиксомъ нга могли быть «угорскаго» происхожденія. Но, какъ авторъ самъ говоритъ (Перм. стр. 102), «опредѣлить эту народность можно будетъ тогда только, когда всѣ данныя ею названія будутъ научно истолкованы при помощи живыхъ Финскихъ нарѣчій». И такъ какъ это до сихъ поръ еще не сдѣлано¹⁾, поэтому та и другая гипотезы должны считаться преждевременными.

1) Утвержденіе автора («Перм.» стр. 105), будто не существуетъ «ни Лопарскихъ, ни Югорскихъ» словарей, достойныхъ этого названія, совершенно несправедливо относительно лопарскаго языка, такъ какъ съ 1887 г. существуетъ обширный *Lexicon Lapponicum* Фриса въ 900 стр. формата in 4°.

Если возможно, что окончаніе нга есть отраженіе первоначальнаго финно-угорскаго прилагательнаго суффикса η¹⁾, въ такомъ случаѣ упомянутыя рѣчныя названія могли принадлежать любому финско-угорскому племени.

Въ вопросѣ о народности, которую встрѣтили Коми въ области Вычегды, авторъ, на основаніи историческихъ указаній и названій мѣстностей, приходитъ къ выводу, что это была Югра. Что касается мѣстныхъ названій, приводимыхъ авторомъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, онъ главнымъ образомъ присоединяется къ Европеусу; необходимо, однако, отмѣтить, что изслѣдованія мѣстныхъ названій, произведенныя Европеусомъ, если они и содержатъ кое-что достойнаго вниманія, въ общемъ довольно фантастичны и совсѣмъ не соотвѣтствуютъ требованіямъ современной науки. Авторъ приводитъ слѣдующія названія мѣстностей: Вычегда, по Европеусу составлено изъ *vut* (трава)²⁾ и *šaget* (рукавъ), толкованье, которое можно считать только догадкой. Далѣе: названіе притока Вычегды Воль можетъ быть истолковано изъ вогульскаго уоль «рукавъ»³⁾; если слово уоль «рукавъ», которое я не нашелъ въ доступныхъ мнѣ вогульскихъ источникахъ, существуетъ, то тѣмъ еще не доказано, что Воль и уоль на самомъ дѣлѣ тождественны. Сверхъ того, «названіе озера Синдоръ послѣдней своей частью обличаетъ несомнѣнно угорское происхожденіе»; Европеусъ дѣйствительно это утверждаетъ, но надо замѣтить, что Синдоръ вполне совпадаетъ съ двумя зырянскими словами (*sin* «Auge, Mäusche, kleiner Graben, kleine runde Öffnung» и т. д. *dor* «Rand, Seite» и т. д.) и что до сихъ поръ не существуетъ доказательствъ «угорскаго происхожденія»⁴⁾ этого слова. Въ заключеніе авторъ приводитъ еще названіе рѣки Егра. Вотъ и все, и это называется «выводами относительно территоріи Югры, сдѣланными нами на основаніи мѣстныхъ названій».

Что вогулы и остяки жили нѣкогда западнѣе и южнѣе, чѣмъ теперь, объ этомъ, казалось-бы, свидѣлствуютъ ихъ соприкосновенія съ иранцами⁵⁾. Какъ и въ какую эпоху произошло переселеніе вогуловъ и остяковъ на нынѣшнія мѣста, этого я здѣсь касаться не буду, скажу только, что историческіе источники, освѣщающіе этотъ вопросъ, могли бы быть

1) Ср. мою статью въ *Festskrift til Vilh Thomsen*. Стр. 237 и слѣд.

2) У Европеуса (Объ угорскомъ народѣ стр. 8): *uit* (изъ *uigt, uigit*) «лугъ». Журн. Мин. Нар. Просв., июль мѣсяцъ 1868, стр. 63: Вытшагетъ «водной рукавъ».

3) Почему не изъ вог. *vol', vool'* «шлесо»?

4) Европеусъ (Объ угорскомъ народѣ, стр. 12, ср. *Suomi* II, 7, стр. 18, 19, 41) желаетъ объяснить всѣ названія озеръ, окончаніе которыхъ содержитъ *t-r, d-r* изъ вог. *tor, tür* (Альквистъ: *tor, tür*) «озеро».

5) Что иранцы (массагеты), съ которыми вогуличи и остяки пришли въ соприкосновеніе, были тѣми народами, «которые заняли склоны Алтая», какъ авторъ, повидимому, думаетъ («Перм.» стр. 143), это — по моему мнѣнію — совершенно не правдоподобное.

предметомъ болѣе основательнаго изслѣдованія, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ¹⁾. Мимоходомъ замѣтимъ, что авторъ, повидимому по «Untersuchungen» Лерберга говоритъ («Перм.» стр. 109), что нѣкоторые авторы высказывали «догадки относительно бываго пребыванія Югры въ намѣченныхъ нами предѣлахъ», но «ни одинъ, по справедливому замѣчанію Лерберга, не обставилъ однако своихъ догадокъ доказательствами». Замѣчательно, что авторъ на этомъ мѣстѣ обрываетъ цитату изъ Лерберга, которая, однако, говорить слѣдующее: «Beweise hat keiner dieser Schriftsteller für seine Meinung beugebracht, und es mögte auch wol schwer gewesen seyn sie zu finden; eine sorgfältige Benutzung aller Angaben, welche zur Ausmittlung der Lage jenes Landes dienen, führt zu einem ganz andern Resultate». О томъ, что Лербергъ, послѣ обстоятельнаго изученія вопроса, пришелъ къ убѣжденію, что Югорская земля простиралась между 56° и 67° сѣвер. широты, отъ Сѣвернаго Урала къ востоку и т. д., и составляла не малую часть Сѣверо-Западной Азіи — объ этомъ авторъ умалчиваетъ, хотя онъ и приводитъ противоположное мнѣніе профессора Замысловскаго²⁾.

1) Приведу примѣръ: Авторъ («Перм.» стр. 107) говоритъ о нападеніи вогульского князя Асыки на Вымь, во время котораго былъ убитъ епископъ Питиримъ, и на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ заключаетъ, что «вогуличи эти кочевали неподалеку отъ Усть-Вымы по Вычегдѣ». Этотъ походъ вогуличей, время котораго авторъ точно не опредѣляетъ, упоминается въ такъ наз. Арх. Лѣтописи подъ 6963 = 1455 годомъ (... «приходилъ Вогульскій князь Асыка, да сынъ его Юшпанъ ратью съ Вогулича на Вычегду, да владыку Питирима Пермскаго убили», и въ Нов. IV лѣтописи говорится коротко подъ тѣмъ-же годомъ: «Владыку Питирима Пермскаго Вогуличи убили». Пол. Собр. Р. Л. IV, стр. 147). Но Арх. Лѣт. подъ 6991 = 1483 г. говоритъ о русскомъ походѣ противъ Асыки: «князь великій Иванъ Васильевичъ посла рать на Асыку на Вогульскаго князя, да и въ Югру на Обь великую рѣку». Русское войско, подъ предводительствомъ воеводъ Федора Курбскаго Чернаго и Ивана Ивановича Салтыка-Травина, столкнулось съ вогуличами «на усть рѣки Пельни». «На томъ бою», говоритъ лѣтопись, «Вогуличъ паде много, а князь Вогульскій Юшпанъ убѣжалъ». Что «усть Пельни» тождественно съ устьемъ Пельмы, притока Тавды, гдѣ и до сихъ поръ живутъ вогуличи — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Князь Юшпанъ былъ, какъ это слѣдуетъ изъ приведенной цитаты, сыномъ Асыки. Желая узнать: гдѣ жили эти вогуличи, надо, безъ сомнѣнія, искать это мѣстожителство тамъ, гдѣ нападали на вогуличей, а не тамъ, гдѣ они сами воевали. См. по этому вопросу: Lehrberg, Untersuchungen стр. 25, Соловьевъ, Исторія Россіи, V (изд. второе, стр. 102 и слѣд.), Шишонко, Пермская Лѣтопись 1, стр. 21, 31 (подъ 1455 и 1483 годами).

2) На самомъ дѣлѣ передача («Перм.» стр. 110) мнѣнія Замысловскаго сдѣлана авторомъ не вполне точно. Замысловскій, правда, считаетъ, что названіе Югра, въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, относится къ землѣ, лежавшей къ западу отъ Урала (Герберштейнъ, Зап. Ист.-Фил. фак. Имп. СПб. Унив. XIII, стр. 189: «на основаніи доводовъ и соображеній, приведенныхъ Н. Барсовымъ въ его соч. Очерки русск. истор. географіи, стр. 14, 53—55, мы готовы допустить, что названіе Югра въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XII—XIV вв. относится къ землѣ, лежавшей къ западу отъ Урала»). Но о XV в., когда свѣдѣнія объ этихъ краяхъ сдѣлались богаче, онъ говоритъ ясно: «Можетъ быть, этимъ именемъ и продолжали означать область, прилегавшую къ

Противъ сдѣланныхъ авторомъ изслѣдованій черемис. и мордов. названій возражу, вкратцѣ, слѣдующее:

1) Очень жаль, что авторъ вообще не указалъ оснований, по которымъ онъ считаетъ данное названіе черемисскимъ или мордовскимъ, и съ какимъ черемисскимъ или мордовскимъ словомъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, сопоставить данное названіе.

2) Между другими, онъ и названія тюркско-татарскаго происхожденія выдаетъ за мордовскія (напр.: «Морд.», стр. 9, Конакъ, Ибрай), точно также онъ считаетъ мордовскими такіа названія, которыя, по звуковому строенію, никоимъ образомъ не могутъ остаться таковыми, напр., тамъ же, стр. 12: Шахаево, Беговатово, Бебьево и т. д.

3) Въ монографіи «Черемисы» (стр. 10, 12) авторъ приходитъ къ выводу, что черемисы жили «между Окой и Сурой» «на югъ отъ Волги», а въ соч. «Мордва» (стр. 15) онъ дѣлаетъ заключеніе, что мордва «въ древнѣйшій періодъ своей исторіи занимала пространство, заключенное между рѣками Волгой, Окой, Сурой и притоками Мокши»; такимъ образомъ оба народа жили приблизительно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ (Шацкій и Спасскій уѣзды Тамбовской губерніи и Краснослободскій уѣздъ Пензенской губерніи считаются весьма опредѣленно: въ соч. «Черемисы», стр. 10, за прежнее мѣстожителство черемисовъ, а въ соч. «Мордва» стр. 15,—за такое же мѣстожителство мордвы). Что на этихъ мѣстахъ живутъ или жили мордовцы — это можно считать достовѣрнымъ; вѣрно также и то, что многія мѣстныя названія, считаемя авторомъ («Чер.» стр. 11—12) черемисскими, на самомъ дѣлѣ мордовскія (напр.: Ширингуши = «боковой лугъ», Пичиморга = «сосновая вѣтка», Пичингуши = «сосновый лугъ»; и въ первомъ и послѣднемъ словѣ есть окончаніе род. падежа морд. языка); слова на *mar*, по меньшей мѣрѣ, одинаково могутъ считаться мордовскими, какъ и черемисскими: *mar* по морд. «Hügel».

Необходимо, впрочемъ, отдать автору справедливость въ томъ, что онъ указалъ на финскія названія въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ финны теперь больше не живутъ. По причинѣ недостаточности, присущей изслѣдованіямъ мѣстныхъ названій автора, изъ приведенныхъ имъ можно сдѣлать лишь очень не много удобоприняемыхъ выводовъ и ни одного такого, который не могъ бы быть сдѣланъ такъ-же хорошо и на основаніи историческихъ свидѣтельствъ. Во всякомъ случаѣ, какъ матеріалъ для буду-

сѣверо-западнымъ склонамъ Урала; но, въ тоже время Югорскою землею несомнѣнно называли область на восточныхъ склонахъ Урала, по системѣ р. Оби» (стр. 138). Такъ какъ пр. Смирновъ говоритъ именно о XV ст. и позднѣйшемъ времени, поэтому нельзя считать мнѣніе проф. Замысловскаго очень «близкимъ» къ его собственному мнѣнію.

щихъ изслѣдованій значительное собраніе названій, сдѣланное авторомъ, имѣеть научную цѣнность.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе по поводу гипотезъ о прежнемъ мѣстожителствѣ вотяковъ. Авторъ приводитъ высказанную догадку о томъ, что, можетъ быть, вотяки тождественны или находятся въ близкомъ родствѣ съ племенемъ *Водь* (русск. лѣтописей), живущимъ въ западной части нынѣшней Петерб. губ.; по этому поводу онъ замѣчаетъ («Вот.» стр. 11): «вопросъ, по справедливому замѣчанію г. Островскаго, можетъ быть рѣшенъ только на основаніи сравнительнаго изученія языка, на которомъ говорятъ остатки Води съ вотскимъ. Такого изученія до сихъ поръ не было сдѣлано, да для него, кажется, и нѣтъ матеріаловъ (водскаго словаря)». Вотская грамматика Альквиста съ образцами вотской рѣчи и указателемъ словъ существуетъ, однако, съ 1856 года (часть образцовъ, вотскія пѣсни были опубликованы съ приложеніемъ нѣмецкаго перевода Шифнеромъ въ *Mélanges Russes* III, стр. 207—235); общеизвѣстно также, что вотскій языкъ есть западно-финскій діалектъ, очень близкій къ финскому и эстонскому языкамъ (имя *Водь* = вотскому *vad'd'a*, фин. *vaaja* «клинь», ср. эстон. названіе мѣстности *Vaiga*, имѣющее то-же значеніе)¹⁾.

Что касается духовной жизни финскихъ племенъ, то въ этомъ отношеніи можно сдѣлать, сравнительно, мало выводовъ по даннымъ языка и народной словесности.

Прежде всего, до сихъ поръ составляетъ еще вопросъ, на сколько можно считать богатую финскую народную поэзію наслѣдіемъ того времени, когда финны еще не отдѣлились отъ своихъ ближайшихъ соплеменниковъ. Здѣсь я укажу только на то обстоятельство, что внѣшнія формы финской и нѣкоторой части мордовской поэзіи въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдняя является въ «*Proben der mordvinischen Volkslitteratur*» Паасонена, обнаруживаютъ бросающееся въ глаза сходство, что, повидимому, намекаетъ на, отчасти, общее происхожденіе.

Изъ всѣхъ финско-угорскихъ мифологическихъ именъ фин. *Ilmari* (богъ воздуха), вотяц. *inmar*, зыр. *jen* (= фин. *ilma*) самое древнее. Затѣмъ слѣдуетъ — зап.-фин. *jumala* — богъ, соответствующее черем. *juma* «богъ»; возможно, что сюда-же относятся мордов. *jon-*, вмѣсто **jom* въ словѣ *jondol* (изъ **jontol*) «молнія», равнозначущее, повидимому, «божьему огню». Кастренъ считаетъ, что это слово первоначально означало «небо», авторъ

1) Желательно было-бы, чтобы въ русскомъ языкѣ не смѣшивали прилагат.: «вотскій» и «вотяцкій».

присоединяется къ этому мнѣнію. Я признаю, однако, что доказательства въ пользу такого мнѣнія не достаточно сильны. Приводимыя авторомъ: ютъ-юмалъ = «ночная сторона неба», кечибалъ-юмалъ — «подневная сторона неба» совсѣмъ не относятся къ этому слову; это юмалъ = *nimal*, *nimäl* — «quod infra est» (въ переводѣ Библии встрѣчается по словарю Буденца, *jud-nimäl* «septentrio» дословно: «то, что подъ ночью»). По моему правдоподобію объясненіе Буденца, по которому слово *juma* — сопоставляется съ финско-угорскимъ словомъ, обозначающимъ «добро, счастье» (венг. *jó*, основа — *java* — «bonus», *java* «bonum ejus», *javas* «magus, divinus vates», вог. *jomas* «bonus, dexter», остяц. *jet*). Я считаю, что коренное слово *juma* могло означать «счастье», а примѣненіе этого слова къ наименованію божества, могло зависѣть отъ индо-иранскаго вліянія. Замѣтимъ, что морд. *ravas*, *ras* = санскр. *bhaga-s*, значитъ вмѣстѣ «счастье» и «богъ» (ср. слав. *богъ* и *богатый*, которое первоначально или черезъ заимствованіе находится въ связи съ такимъ-же индо-иранскимъ словомъ), и слѣдовательно, по моему мнѣнію, одинаково возможно, какъ то, что морд. *ravas*, *ras* заимствовано, такъ и то, что *juma* (*jumala*) есть переводъ съ индо-иранскаго языка. Мы уже приводили выше слово индо-иранск. происхожденія, относящееся до мифологіи: морд. *azoro*, *azur* «господинъ, богъ» (зыр. *ozur*, вотяцк. *uzur* «богатый»), вог. *öter* «богатырь, богъ». Не вдаваясь въ подробности этихъ мифологическихъ вопросовъ, которые собственно выходятъ за предѣлы моей задачи, я здѣсь хотѣлъ обратить лишь вниманіе на эти несомнѣнно очень важные для финской мифологіи факты, которые до извѣстной степени могли бы измѣнить высказанные авторомъ взгляды (ср. Мордва 47, Вот. 207 и др. мс.).

Въ предъидущемъ я уже приводилъ примѣры филологическихъ неточностей автора, и я не хочу растягивать рецензію другими подобными примѣрами. Добавлю лишь, что нерѣдко желательно было бы болѣе полное и точное указаніе источниковъ (иногда кажется, будто они цитированы изъ вторыхъ рукъ), а также и чтобы корректура держалась тщательнѣе; особенно досадны для того, кто хочетъ дойти до самыхъ источниковъ, ссылки съ невѣрными цифровыми указаніями.

На этомъ мѣстѣ мой разборъ кончается. Онъ можетъ показаться довольно строгимъ, но я считалъ своимъ долгомъ откровенно высказать свое мнѣніе, въ надеждѣ, что авторъ, можетъ быть, извлечетъ изъ этихъ замѣтокъ пользу для своихъ будущихъ работъ.

Я, конечно, думаю, что нельзя согласиться съ основанными на лингвистическихъ фактахъ главнѣйшими результатами изслѣдованій автора, и долженъ сказать, что относительно древнѣйшей исторіи восточно-финскихъ племенъ современное языковѣдѣніе приводитъ частью къ совсѣмъ другимъ выводамъ, а отчасти даетъ возможность дѣлать такія заключенія, которыя совсѣмъ упущены авторомъ изъ виду; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу не признать, что дѣлать выводы изъ лингвистическихъ фактовъ можетъ только тотъ, кто самъ въ состояніи обсудить эти факты, другими словами: это можетъ сдѣлать только лингвистъ. Въ виду того, что въ данной области не было предшествовавшихъ работъ, готовыми результатами которыхъ не-лингвистъ могъ бы пользоваться для историческихъ цѣлей, а также и потому, что часть замѣченныхъ мною у автора недостатковъ встрѣчается даже и въ лингвистическихъ сочиненіяхъ, я считаю, что отъ автора нельзя было большаго и ожидать; можно было-бы только ожидать болѣе точности, болѣе осторожности и сдержанности въ выводахъ.

Если бы требовалась оцѣнка работъ профессора Смирнова съ одной лишь филологической стороны, я, по моему крайнему разумѣнію, не высказался бы въ пользу присужденія ему преміи. Но нужно взять въ расчетъ, что лингвистическая сторона не единственная въ его работахъ, и что она естественно должна была оказаться слабѣе другихъ, такъ какъ авторъ самъ не лингвистъ. Принимая во вниманіе: что за авторомъ и въ филологическомъ отношеніи числятся извѣстныя заслуги; что онъ нарисовалъ приблизительно вѣрную картину вотяко-зырянскаго культурнаго состоянія; что онъ далъ обзоръ тюркско-татарскаго культурнаго вліянія на черемисовъ и вотяковъ; что онъ указалъ финскія названія мѣстностей, тамъ гдѣ финны больше не живутъ, собралъ матеріалъ для будущихъ изслѣдованій въ этой области, и сверхъ того далъ библиографическій обзоръ литературѣ о финскихъ народахъ, — позволяя себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать на то, что эти четыре монографіи автора, выполненные при неблагоприятныхъ условіяхъ, вдали отъ научныхъ центровъ Россіи, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о его способностяхъ и живомъ научномъ интересѣ, достойномъ поощренія, — покорнѣйше прошу Имп. Ак. Наукъ благосклонно присудить проф. И. Н. Смирнову меньшую премію графа Уварова за его сочиненія о восточныхъ финнахъ.

Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи.

Рецензія А. Сапунова.

I.

Краѣ, извѣстный подъ именемъ Прибалтійскаго, или Ливонскаго, никакими естественными границами не отдѣленъ отъ коренныхъ русскихъ земель, — земель полоцкихъ, псковскихъ, новгородскихъ; онъ составляетъ естественное продолженіе той равнины, на которой издревле живутъ русскія племена.

Прибалтійскій краѣ населенъ двумя различными племенами: Литовскимъ и Финскимъ.

Всю сѣверную и среднюю полосу его обитали народцы Финскаго племени, извѣстные древней Руси вообще подъ именемъ Чуди, а у писателей западныхъ подъ именемъ Эстивъ (восточныхъ), или Эстовъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ сохранились названія нѣкоторыхъ эстонскихъ народцевъ; такъ онѣ упоминаютъ: Чудь-Нерому или Нарову, Чудь-Очелу, Чудь-Ереву, Чудь-Торму, Чудь-Сысолу и пр. Генрихъ Латышъ въ своей Хроникѣ также отличаетъ: *Ungannenses, Saccalanenses, Wironienses, Gerwanenses* etc.

Въ южной части Прибалтійскаго края жили народцы Литовскаго племени — Летгола (Летты) и Земгола (Семигаллы). Въ древности Чудь, по всей вѣроятности, простиралась южнѣе Двины, но Латыши постепенно отгѣснили ее далѣе къ сѣверу и заняли ея земли. При этомъ столкновеніи въ теченіе вѣковъ образовались новые племенные виды, смѣшанные изъ обихъ семействъ. Къ такому смѣшенію нѣкоторые ученые относятъ народъ Ливовъ (Либъ или Ливъ), который занималъ нижнее теченіе Двины и морское побережье. Далѣе на западъ въ приморьѣ жили Куроны (Корсь), которые также считаются смѣшанными изъ Финской и Литовской народности.

Чудь, а также Летты области Толова издревле находились подъ вліяніемъ Новгорода и Пскова; Летты же при-Двинскіе и Ливы — подъ вліяніемъ Полоцка.

Въ началѣ XIII в. въ этомъ краѣ столкнулся міръ германскій съ міромъ славянскимъ. Завязалась борьба, долго тянувшаяся съ перемежными счастьемъ. «Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ какъ-будто завѣщана «была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака доисторическихъ временъ на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ»¹⁾. Наконецъ, въ XVIII в. Ливонскій или Прибалтійскій край сдѣлался тѣмъ, чѣмъ суждено быть этой странѣ ея географическимъ положеніемъ, т. е. нераздѣльной частью Россійской имперіи».

До настоящаго времени въ русской исторической литературѣ нельзя указать ни на одно сочиненіе, въ которомъ бы всесторонне разсматривался вопросъ о первоначальномъ русскомъ владычествѣ въ Прибалтійскомъ краѣ и о первыхъ здѣсь столкновеніяхъ Нѣмцевъ съ Русскими²⁾. Восполнить этотъ пробѣлъ взялся г. Фр. фонъ-Кейслеръ, давно уже и не безъ успѣха трудящійся надъ разработкою разныхъ сторонъ этого интереснаго и важнаго вопроса.

Къ разсмотрѣнію труда г. Фр. фонъ-Кейслера «Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи» мы и приступаемъ.

Г. фонъ-Кейслеръ въ своемъ послѣднемъ трудѣ приходитъ къ слѣдующимъ тремъ главнѣйшимъ выводамъ:

I. «Степень зависимости ливскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земель отъ Русскихъ была настолько слаба, что напрашивается самъ собою вопросъ: *можно-ли вообще говорить о первоначальномъ русскомъ владычествѣ?*» (стр. 4). Разрѣшая этотъ, имъ же самимъ поставленный вопросъ, авторъ говоритъ: «Изъ всего Ливонскаго племени только Ливы, жившіе по *«Двинѣ, платили дань князьямъ полоцкимъ»* (стр. 9). *«Зависимость Толовы отъ сосѣднихъ русскихъ князей (псковскихъ и новгородскихъ) съ самаго начала была очень слаба»* (стр. 144). «Въ то время, когда Нѣмцы приходятъ въ соприкосновеніе съ *Эстами*, т. е. въ первое десятилѣтіе XIII в., *они застали этихъ послѣднихъ независимыми»* (стр. 165).

1) Костомаровъ «Сѣверно-русскія народоправства», т. I (СПб. 1868 г.), стр. 327

2) Почтенный трудъ Е. В. Чешихина «Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ» (Рига, 1884) — нуждается въ серьезномъ пересмотрѣ. Сочиненіе г. Трусмана «Введеніе христіанства въ Лифляндію» (СПб., 1884 г.) — касается главнымъ образомъ только одной стороны вопроса — религіозной. Той же стороны вопроса касается и трудъ преосв. Павла, б. епископа Псковскаго, «Кое-что изъ прежнихъ занятій» (Псковъ, 1872). Нѣсколько страницъ посвятили этому вопросу и историки Россіи: Соловьевъ (Исторія Россіи I, 166; II, 377—394; III, 150—152); Костомаровъ (Сѣверно-русскія народоправства I, 332—394); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія I, 299—304); Д. И. Иловайскій (Исторія Россіи II, ч. 2, стр. 119—150).

II. «Владимиръ полоцкій отказался (въ 1210 г.) получить дань съ Ливовъ: вся Лифляндія была предоставлена на волю епископа» (стр. 87). «Во всѣхъ другихъ мѣстахъ господство Нѣмцевъ было вполнѣ признано Русскими; въ одной только области Толова оно было признано ими не «вполнѣ» (стр. 114). «Русскіе отказались отъ всего, чѣмъ они когда-либо (хотя бы временно) непосредственно владѣли въ эстонскомъ краѣ и отъ всякой дани съ Эстовъ». (стр. 218). «Русскіе примирились съ совершившимся «фактомъ» (стр. 219), т. е. съ завоеваніемъ края Нѣмцами».

III. «Относительно характера первоначальнаго русскаго владычества «въ теперешнемъ Прибалтійскомъ краѣ Генрихъ Леттляндскій (которому авторъ вполнѣ довѣряетъ) согласно съ современными ему русскими источниками (?) сообщаетъ слѣдующее: есть обычай у королей русскихъ, когда «покоряютъ они какой народъ, не подчиняютъ его вѣрѣ Христовой, а только облагать его платежемъ дани и денегъ» (стр. 15 и 81)... «Русскіе не думали даже о томъ, чтобы обезпечить по крайней мѣрѣ свое господство введеніемъ христіанства... Совершенно разрозненные, такъ сказать, «случайныя попытки крестить туземцевъ, вызванныя чисто внѣшними побужденіями въ Толовѣ и Угауніи не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій» (стр. 223—224).

Слѣдовательно, во-первыхъ, князьямъ полоцкимъ платили дань только Ливы, жившіе на Двинѣ; отъ князей псковскихъ и новгородскихъ зависѣла одна только область Толова, да и то въ очень слабой степени; наконецъ, Эсты были независимы.

Во-вторыхъ, Владимиръ полоцкій отказался получать дань съ Ливовъ; господство Нѣмцевъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, за исключеніемъ Толовы, было также вполнѣ признано Русскими, которые примирились съ совершившимся фактомъ покоренія Ливонскаго края Нѣмцами.

Въ-третьихъ, Русскіе не думали даже о томъ, чтобы обезпечить свое господство по крайней мѣрѣ введеніемъ здѣсь христіанства.

Ни съ однимъ изъ этихъ положеній автора безусловно нельзя согласиться:

Посмотримъ, что говорятъ источники.

Въ «*Reimchronik*» говорится:

«Selhen, liven, letten lant
 «Waren in der rusen hant
 «Vor der bruder ziten komen:
 «Der gewalt wart in benomen»¹⁾).

1) *Scriptores rerum Livonicarum* I, p. 538 v. 645—648. (Земля Зеловъ, Ливовъ, Леттовъ находилась въ рукахъ Русскихъ до прихода братьевъ (Меченосцевъ); у нихъ (Русскихъ) была отнята власть надъ этими землями).

Въ «*Chronicon Equestris Ordinis Teutonici*»¹⁾: «Dese Meister (Vinne) was seer wys van opset ende van rade ende stout van moede. Dese in desen tyden soe stont *der Oselen lant, Lieflant ende der Lettenlant al onder den Ruyschen*, sonder dat die Kersten in gewonnen hadden. Dese Meister Vinne street vele striden, hy versloech der Ruyschen Conink, ende sloech hem menigen man off, op enen tyt over DC man van den Ruyschen, ende wan ene borch, ende hiet Gerseke, ende verdreeff dair omtrent wyff ende kynt, ende hy wan oick Kokenhusen den heyden off».

Въ «*Eymundar Saga*»²⁾: «Burizlavus (Burizlafr = Святополкъ) Kaenugardum (Кіевъ-городъ) tenet, quae totius Gardorum imperii pars optima est, Jarizlavus (Jarizlafr = Ярославъ) Holmgardum (Новгородъ), tertius (Vartilaus — Vartilaf — Брячиславъ) Palteskiam cum omnibus adjacentibus provinciis... Pax, arbitrio reginae constituenda, nomine regis Vartilavi proponitur. Ea regi Jarizlavo primariam regni Gardorum partem, nempe Holmgardum, decrevit: Vartilavo partem regni, huic bonitate proximam, nempe Kaenugardum cum tributis et vectigalibus, quae pars duplo major erat, quam ea, quam ante habuerat; Palteskiam vero et *provincias adjacentes*

1) Antonii Matthaei veteris aevi Analecta seu vetera monumenta hactenus nondum visa... Hagae-Comitum, MDCCXXXVIII, t. quintus, § CXXXVII. То же по нѣсколькимъ спискамъ напечатано въ «Anszug aus der Chronik des Ordens... (Riga, 1857) pp. 13—14: «Diese Meyster (Vynne) was sehr wyss van vpsaeth, vnd van Rhade, vnd In diesen tyden stundt *der Oseler Landt, Lyfflandt, vnd der Letten Landt, alle vnder dem Russenn*, Sonder dath die Chrystenn Inge-wonnen hadden. Desse Meyster Vynne streyth vele stryden, vnd verschloch der Russen Kōningck, und schlogh mennigen aff, up eyne tydt auer Sesshundert Mann van den Russenn, vnd wan eyn Borch geheuten Gerseke, vnd *verderff* darumb trent wyff vnd Kyndt. He wann ock Kakenhusen den Heyden aff». (Этотъ мейстеръ (Винне) былъ очень уменъ, разсудителенъ и твердъ. А въ то время состояла Озельская (Зеловъ?) земля, Ливская земля и Латышская земля *еся* подъ властью Русскихъ, кромѣ той, что завоевали христіане. Этотъ мейстеръ Винне много воевалъ. Онъ разбилъ русскаго царя и убилъ у него много людей, — за одинъ разъ слишкомъ 600 Русскихъ; взялъ крѣпость, которая называлась Герцеке, гдѣ онъ погубилъ женъ и дѣтей, и отнялъ также Кокенгузенъ у язычниковъ).

2) Antiquités Russes II, 178—179; 209—211. — Сенковскій («Библиотека для Чтенія» 1834, т. II) полагаетъ, что подъ «*provincias adjacentes*» разумется Ливонія, и что Эймундъ получилъ не Полоцкъ, а именно эту область. Vonnel (Russisch-Liwländische Chronografe p. 2, Comh. 16) подъ 980 годомъ замѣчаетъ, что *Ливы и Летты, строятно, были уже подвластны кн. Роговолоду Полоцкому*, и что къ тому времени могли уже существовать по Двинѣ укрѣпленія Герцеке, Куконось и Ашерадень. (Im Jahre 980 kehrte er mit deren Hilfe nach Nowgorod zurück, besiegte Jaropolks Bundesgenossen, den Fürsten Rogwolo von Polozk, welchem wahrscheinlich *die Liwen und Letten unterworfen waren*, nahm dessen Tochter Rogned' zur Gemahlinn und gewann durch die Ermordung Jaropolks die Alleinherrschaft in Russland. Zu derselben Zeit mag es schon die festen Oerter Gercike, Kokenhusen und Ascheraden an der Düna gegeben haben». (Chronogr. 2). — «Zu Saw'atoslaws Zeit aber konnte er (Rogwolo) gewiss noch nicht eine selbständige Herrschaft in Polozk gründen, obgleich es ihm, wer er unter des Grossfürsten Oberhoheit von Anfang an Statthalter von Polozk war und sich stets auf dem Dünawege die Verbindung mit Skandinavien offen hielt, bald gelingen musste, sich die an der Düna wohnenden *Letten, Liwen und Selonon* zu unterwerfen, d. h. zu Tribut und Horesfolge zu zwingen» (Comment. 16).

Eymundo regi, qui ibi rex esset, omnesque praediorum mercedes, ei regno proprias, integras haberet, decrevit: nolumus enim (inquit) eum ab regno Gardorum ablegari; si rex Eymundus heredes reliquerit, hi hanc regni partem eo mortuo haereditate accipiant; sin vero moriens nullum reliquerit filium, ad fratres ea pars redeat...»

*Snorre Sturlusons*¹⁾ пишетъ: «*Sigurdus Erics filius nomine Valdemari regis Holmgardiae legatus missus est in Eistlandiam ut regia colligeret tributa per universam regionem illam*».

Въ письмѣ *Clementis pp. III de solo Episcopatu Ykeskolensi*²⁾: «*Clemens episcopus, servus servorum Dei, venerabili fratri, Bremensi archiepiscopo, salutem et apostolicam benedictionem. Fratres et coepiscopos nostros speciali tenemur caritate diligere, et iustis eorum postulationibus favorem apostolicum benignius impertiri. Ea propter, venerabilis in Christo frater, tuis iustis postulationibus clementer annuimus, et Yxolanensem episcopatum, quem tu et clerus tuae curae commissus, per ministerium Meinardi sacerdotis, religiosi et discreti viri, in Ruthenia sancti spiritus gratia donante acquisivisse dicuntur (dicimini)... Datum Romae, Kal. Octobris, pontif. nostri anno primo*» (1188).

Jo. Messenius въ своей *Chron. Episcoporum Lincopensium*³⁾, на основаніи, конечно, какого-либо древняго источника, говоритъ: «*Carolus, serenissimi Ducis Birgeri Jerl germanus, et justitiae patronus singularis, approbatione eiusdem Pontificis Ausonii (Honorii PP. III) tempore Johannis primi, Suecorum clementissimi Regis, pedum nactus Lincopense, deinde, sociis nonnullis aliis praesulibus, cum patruo suo, Duce Carolo, in Russiam (in Estoniam dicendum fuerat) [Dass unter diesem Namen auch sonst Estland mitbegriffen wurde, bemerkt Gr. Ind. III s. v. zu Silv. docum. № V. b. Vgl. Arndt zu VII, 7]. Christianae religionis propagandae gratia perrexit, ubi a furiosa Ruthenorum (Estonum) gente in Recalom (Rotalia) anno 1220 caesus, gloriose occubuit*»⁴⁾.

1) Heims Kringla eller Snorre Sturlusons Nordlänske Konunga Sagor, sive Historiae regum septentrionalium a Snorrone Sturlonide... illustravit Johan Peringskiöld. Stockholmiae, MDCCXCVII, pars VI, c. 6. — Heimskringla Snorro Sturlason (Antiquités Russes I, 276): Sigurdus Eriki filius, legatione Valdimaris Holmgardiae regis fungens, in Estoniam, simul ut tributa, regi hac in terra dibita, exigeret. — Соловьевъ (I, 166) говоритъ: «Извѣстіе (сага) объ эстонской дань, какъ нѣсколько не противорѣчащее обстоятельствамъ, можетъ быть принято; но нельзя рѣшить, когда русскіе изъ Новгорода впервые наложили эту дань, при Владимірѣ-ли, т. е. при Добрынь, или прежде?»

2) Bunge Urkund. I, № X. — Origines Livoniae (Silva documentorum), p. 334—335.

3) За неизмѣнимъ подъ руками *Хроники* Мессенія, цитую по «*Origines Livoniae*», v. A. Havel, p. 250, k.

4) Весьма интересно, что на картѣ 1459 г., сост. «*fra Mauro*», — въ Лифляндіи (пр. Liffant) помѣщено надъ г. *Revele* такое замѣчаніе: «*esto portus Rossii (questo è el porto de Rossia)*». Матеріалы для историко-геогр. атласа Россіи, изд. Археогр. Комис. СПб. 1871.

Сохранился слѣдующій любопытный документъ 1209 г.: «Albertus, dei gratia Rigensis episcopus... Significamus universis... qualiter larga dei misericordia... Wiscewolodo regem de Gerzike nobis fecit subjugari. Quippe Rigam veniens... urbem Gerzika hereditario jure sibi pertinentem... ecclesiae beatae dei genitricis et virginis Mariae... contradidit; eos vero qui sibi tributarii fidem ab nobis susceperant liberos cum tributo et terra ipsorum nobis resignavit, scilicet urbem *Autinam*, et (Z?) *Cessowe et alias* ad fidem conversas deinde praestito nobis hominio et fidei sacramento, praedictam urbem G... a manu nostra... in beneficio recepit... Acta sunt haec anno dominicae incarnationis 1209»¹⁾.

Въ *Хроникъ Генриха Латыша* находимъ слѣдующія извѣстія: «*Accepta itaque licentia praefatus sacerdos a rege Woldemaro de Plosceke, cui Livones adhuc pagani tributa solvebant, simul et ab eo muneribus receptis, audacter divinum opus aggreditur, Livonibus praedicando, et ecclesiam Dei in villa Ykekskola construendo (I, 3; conf VII, 7; X, 12).*

«*Facta est pax perpetua inter Regem et Rigenses, ita tamen, ut Livones debitum tributum regi persolvant annuatim, vel episcopus pro eis (XIV, 9. a. 1210).*

«Rex interim de Plosceke mittens vocavit episcopum, diem praefigens et locum, ut ad praesentiam ipsius apud Gercike, de Livonibus quondam sibi tributariis responsurus veniat...²⁾ ut a Livonum baptismate cessaret, rogavit (episcopum), affirmans, in sua potestate esse, *servos suos*, Livones vel baptizare, vel non baptizatos relinquere... tandem rex... *Livoniam totam* domino episcopo... reliquit. (XVI, 2; a. 1212).

«Miserunt et Rutheni de Novogardia et Plescowe nuncios in Rigam petentes ea quae pacis sunt. Et receperunt eos Rigenses, facientes pacem cum eis et *tributum, quod semper habuerunt in Tholowa*, eis restituentes (XXVIII, 9. a. 1224)...

Перехожу къ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей.

Въ *Лаврентьевской лѣтописи*: «А се суть инии языцы, иже дань даютъ Руся: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, *Зимнола, Корсь, Норова (Нерома), Либь (Ливь)*³⁾.

1) Bunge Urk. I, № XV. Reg. 20. Cnf. Bonnel, Chronogr. 24; Comment. S. 52, 53 u. Nachträge.

2) *Arnoldi Lubecensis Chron. Slavorum*, l. VII c. IX, § 10 (Scriptores rerum Livonicarum (Silva documentorum) I, p. 321); Conf. *Origines Livoniae sacrae et civilis*. Riga 1857, p. 321): «Verum inter haec prospera non defuerunt adversa. Siquidem Rex Russiae de Plosceke de ipsis Livonibus quandoque *tributum colligere consueverat: quod ei Episcopus negabat*. Unde saepius graves insultus ipsi terra et civitati saepe dictae (Rigae) faciebat. Sed Deus adjutor in opportunitatibus suos semper protegebat».

3) Dionysii Fabricii (Script. rer. Liv. II, 443): «In ostio Dunae, ad litus libicum, ubi *Libi vel Livi...* incolebant.

Въ *Лѣтописи Переяславля-Суздальскаго*¹⁾ о томъ же говорится еще выразительнѣе (стр. 2): «А се данници, дають Руси дань: Чюдъ, Меря, Весь, Моурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печера, Имь, Литва, испрѣва *исконнии данници и конокрѣмци, Зимгола, Корсь, Нерома, сиречь Жемонть, Либь*²⁾».

Въ *Лаврентьевской лѣтописи*: «Въ лѣто 6390 (= 882) поиде Олегъ, поимъ вой многи, Варяги, Чюдъ, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленску».

Въ *Лавр. лѣтоп.* «Въ лѣто 6415 (907) иде Олегъ на Греки... поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдъ, и Кривичи».

Въ *Лавр. л.* «Въ лѣто 6488 (980)... Володимерь собра вой многи, Варяги и Словѣни, Чюдъ и Кривичи, и поиде на Рогъволода».

Въ *Лавр. л.* «И рече Володимерь: «Се не добро, еже мало городовъ около Кіева». И нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшиѣ отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады».

Въ *Псковской 1-й лѣтописи*: «Въ лѣто 6538 (1030). Ходилъ Ярославъ Володимеричъ изъ Новагорода на Чюдъ, и побѣди ѿ, и постави градъ *Юрьевъ въ свое имя*». (Ср. Лавр. л. 6538 г.).

Въ *Псков. 1-й л.*: «Въ лѣто 6568 (1060) ходи Изяславъ Ярославичъ на *Солы*³⁾, и дань заповѣда даяти 2000 гривенъ; они же поручеша, изгнаша данники. На весну же пришедъ повоеваша о Юрьевѣ, и градъ и хоромы пожгоша, и много зла сотворше и до Пскова доидоше воююще; идоша противу имъ Псковичи и Новгородцы на сѣчу, и паде Руси 1000, а Ссолъ безъ числа...»

Я не стану далѣе подробно перечислять безконечные походы⁴⁾ русскихъ князей въ Прибалтійскій край, отмѣчу лишь нѣкоторые.

Въ *Новгородской 1-й лѣт.* «Въ лѣто 6624 (1116) иде Мьстиславъ на Чюдъ съ Новгородьци, и взя *Медотюю Голову* (Оденпе), на 40 святыхъ».

1) Сост. въ нач. XIII в. (между 1214—1219 г.) Изд. К. М. Оболенскаго. Москва 1851 г.

2) Wopnel, Comment 25. — «Сиречь Жемонть», очевидно относится не къ Неромѣ, а къ Зимголѣ; вѣроятно, это описка переписчика.

3) «Загадочное наименование «Солы» до сихъ поръ еще не разъяснено вполне. Одни разумѣють подъ ними *Сакалавъ*, другіе *Эзельцевъ* (см. Suomi 1848 p. 20). Мы, говоритъ Трусманъ, склоняемся ко второму мнѣнію. (Трусманъ — Введеніе христіанства въ Финляндію, стр. 167).

4) 6619 (1111) Новг. 1-я лѣт., 6621 (1113) Новг. 1-я и Псков. 1-я лѣт., 6624 (1116) Новгородская 1-я и 4-я лѣт., 6638 (1130) Новгор. 1-я лѣт., 6639 (1131) Новгор. 1-я лѣт., 6687 (1179) Новгород. 1-я лѣт., 6720 (1212) Лаврент. лѣтоп., 6724 (1216) Псков. 1-я лѣт., 6725 (1217) Новг. 1-я лѣт., 6727 (1219) Новг. 1-я лѣт., 6730 (1222) Новгор. 1-я лѣт., 6731 (1223) Новгор. 1-я и Псков. 1-я лѣтоп...

Въ *Лавр. л.* «В лѣто 6638 (1130) посла Мстиславъ сыны своя, Всеволода, и Изяслава и Ростислава, с дружиною ихъ на Чюдъ, и взяша и *и дань на нь възложиша*».

Въ *Новг. 4-й л.* «Въ лѣто 6641 (1133 г.). Иде съ Новгородци Всеволодъ на Чюдъ, и *взя градъ Юрьевъ*, февраля 9».

Въ *Ипатьевской мтписи:* «Въ лѣто 6688 (1180). И придоша Полотскіи князи въ срѣтеніе, помогающе Святославу: Василковича, Брячславъ изъ Витебьска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бяхуть и *Либь* и Литва».

Въ *Новгород. 1-й мт.* «Въ лѣто 6699 (1191). И бысть на зиму и иде князь Ярославъ съ Новгородьци и съ Пльсковици и съ оболостью своею на Чюдъ, и *взя городъ Гурьевъ*, и пожьгоша землю ихъ, и полона безъ числа приведоша, а сами придоша здорови въ Новьгородъ».

Въ *Новгородской 1-й мт.* «Въ лѣто 6700 (1192). Иде князь Ярославъ Пльскову, на Петровъ день, и Новьгородци въ малѣ, а самъ сѣде на Пльсковѣ, а дворъ свой пославъ съ Пльсковици воевать; и шьдъше *взяша городъ Медвѣжю Голову*, и пожьгоша, и придоша здорови».

Въ *Новгородской 1-й мтот.* «Въ лѣто 6720 (1212). Ходи Мьстиславъ на Чюдъ, рекомую *Търму* съ Новгородьци¹⁾, и много полониша, скота безъ числа приведоша. Потомъ же, на зиму, иде кн. Мьстиславъ съ Новгородьци на Чудьскій городъ, рекомый Медвѣжю голову, села ихъ потрати, и придоша подъ городъ, и поклонишася Чюдъ князю, и *дань на нихъ взя*, и придоша вси здорови».

Въ *Лаврентьев. мтписи:* «Въ лѣто 6722 (1214). Иде князь Мьстиславъ с Новгородци на Чюдъ на *Нереву* к морю, села ихъ пожже, а самѣхъ побиша, и сташа подъ градомъ Воробинномъ; и Чюдъ добиша челомъ князю Мьстиславу, и *дань на нихъ взя*, и баше ту князь Пьсковскій Всеволодъ Борисовичъ и Торопечьскій кн. Давыдъ, и придоша вси здрави».

Въ *Новгородской 1-й мт.* «Въ лѣто 6722 (1214), мѣсяца февраля въ 1 день, въ недѣлю сыропустную... иде князь Мьстиславъ съ Новгородци на Чюдъ на *Ереву*, сквозѣ землю Чюдскую къ морю, села ихъ потрати и осѣкы ихъ възьма; и ста съ Новгородци подъ городомъ *Воробинномъ*, и Чюдъ поклонишася ему, Мьстиславъ же *князь взя на нихъ дань*, и да Новгородьцемъ двѣ чясти дани, а третью чясть дворяномъ. Бяше же ту и Пльсковъскій князь Всеволодъ Борисовичъ съ Пльсковици, и Торопьцькій князь Давыдъ Володимиръ братъ. И придоша здрави вси съ множествомъ полона». (Ср. Псков. 1 лѣт.).

1) Ср. Псков. 1 лѣт. «съ Новгородци и Плесковичи».

Такимъ образомъ, источники говорятъ слѣдующее: въ «Reimchronik» говорится, что страна «Селоновъ, Леттовъ и Ливовъ» находилась въ рукахъ Русскихъ; неизвѣстный авторъ «Chronicon Equestris Ordinis Teutonici» пишетъ, что «вся земля Озельская (Селоновъ?), Ливская и Латышская» состояла подъ властью Русскихъ; Snorre-Sturlusons заявляетъ, что вся Эстляндія платила дань Владимиру Святославичу; Messenius Эстонию причисляетъ къ Россіи; у Генриха Латыша находимъ извѣстіе, что Мейнгардтъ, прежде чѣмъ приступить къ проповѣди Ливамъ, испросилъ на это разрѣшеніе у полоцкаго князя Владимира, которому Ливы (не говоритъ: нѣкоторые) платили дань, что потомъ дань эту платилъ за нихъ епископъ Амбертъ, которому Владимиръ предоставилъ «всю Ливонию», что въ 1223 году жители Дерпта дали князю Вячко дань съ окрестныхъ земель, и что, въ 1224 году, Рижане заплатили Русскимъ дань, которую они (т. е. Русскіе) всегда имѣли въ Толоотъ; папа Климентъ III, въ 1188 году, говоритъ прямо, что епископство икскольское (Иксколь — въ 30 верстахъ отъ Риги) находится въ Россіи; наконецъ, въ документѣ 1209 года говорится, что города *Auſine* и *Sesvoie* завистли отъ удѣльнаго князя герцикскою Всеволода.

Въ русскихъ лѣтописяхъ: въ Лаврентьевской лѣтописи говорится, что «Чюдь, Литва, Зимнола, Корсь, Норова, Либъ (Ливъ) даютъ дань Руси»; Переяславско-Суздальская лѣтопись добавляетъ: «и спрѣва исконни даници Зимнола, Корсь, Нерома, Жемоитъ, Либъ»; въ 1030 году Ярославъ Владимировичъ побѣдилъ Чудь и основалъ городъ Юрьевъ; въ 1130 г. князь Всеволодъ Мстиславичъ съ Новгородцами пошелъ на «Чюдь и взяша ѿ, и дань на нь возложиша»; въ 1212 г. кн. Мстиславъ идетъ на городъ Медвѣжью Голову (Оденпе), и «поклонишася Чюдь князю, и дань на нихъ взя»; въ 1214 г. кн. Мстиславъ идетъ на Чудь-Нереву подъ городъ Воробіинъ (Варболе) «и Чюдь добиша челомъ князю Мстиславу, и дань на нихъ взя...»

Всѣ русскіе историки признаютъ, что народы, жившіе въ Прибалтійскомъ краѣ, находились въ болѣе или меньшей зависимости отъ князей русскихъ.

Сенковскій, на основаніи «Eymundar Saga», полагалъ, что Ливонія уже во времена князей Ярослава и Брячислава зависѣла отъ князей полоцкихъ. Боннель идетъ еще дальше: онъ находитъ вѣроятнымъ, что Ливы, Селоны и Летты были уже подвластны князю Рогволоду полоцкому.

Соловьевъ не находитъ возможнымъ отвергать извѣстіе Snorre-Sturlusons, что «Эсты платили дань Новгороду уже при Владимирѣ, а можетъ быть и раньше».

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ приходитъ къ заключенію, что въ половинѣ XI в. «установилась зависимость (теперь трудно сказать какого

рода) *сѣверныхъ округовъ (Приб. края) отъ Новгорода и болѣе южныхъ отъ Полоцка*».

Костомаровъ пишетъ: «*Часть чудскихъ народовъ была уже подвластна Новгороду; Летиола по Двинѣ признавала господство Полоцка*».

Д. И. Иловайскій: — «*Еще при Владимирѣ Великомъ Русь уже собирала дань въ той сторонѣ (Чуди). На страну Ливи русское вліяніе простиралось болѣе, чѣмъ на Эстонию, благодаря водному пути по Западной Двинѣ*».

Что касается нѣмецкихъ историковъ Прибалтійскаго края, то, вообще говоря, только въ послѣднее время замѣчается тенденція ихъ ослаблять какъ въ объемѣ, такъ и въ степени первоначальное вліяніе Русскихъ въ Прибалтійскомъ краѣ...

Наконецъ, у самого автора можно указать мѣста, гдѣ онъ противорѣчить своему же первому выводу, а именно:

«*Ливы изъ земли Торейда (на сѣв. отъ области двинскихъ Ливовъ), по требованію Владимира, приняли участіе въ осаду (стр. 40)*». Слѣдовательно, Торейда зависѣла отъ Владимира. Далѣе.

«*Дутине въ 1209 году перешло отъ князя Герцике во владѣніе епископа*» (стр. 125).

«*Миръ при Оденне (въ 1217 г.), который заключалъ въ себѣ отреченіе (Нѣмцевъ) отъ Угауніи, онъ (Альбертъ) рѣшился утвердить и отправилъ съ этою цѣлю пословъ въ Новгородъ. Но Русскіе не пошли на миръ и, не смотря на всѣ просьбы, не выдали брата епископа, но намѣревались сообща съ Эстами продолжать борьбу до самаго уничтоженія нѣмецкой колоніи*» (стр. 188—189).

«*Области Сакала и Угаунія были снова потеряны Нѣмцами: къ началу 1223 г. во всей Эстляндіи оставалось одно укрѣпленное мѣсто, датское укрѣпленіе Ревель, одиноко стоявшее на сѣверѣ... Эсты призвали на помощь Русскихъ изъ Пскова и Новгорода*»¹⁾ (стр. 200).

«*Угаунія была закрѣплена за Русскими въ 1223 году*» (стр. 208).

«*Осенью 1223 года Новгородцы послали туда (въ Эстляндію) бывшаго куконоскаго князя Вячко, дали ему денегъ и двѣ сотни людей и поручили ему княжить надъ Дерптомъ и надъ другими мѣстностями, которыя ему возможно будетъ подчинить своей власти. Въ Юрьевѣ его приняли охотно*» (стр. 209).

Итакъ, по словамъ самого же г. Кейсслера, *Торейда* — область, лежавшая на сѣверѣ отъ земли двинскихъ Ливовъ, — *зависѣла отъ князя*

1) Hausmann: «Die Russen wollten die Deutschen, diesen fremden Körper, aus ihrem Gesichtskresbannen, weil er sie in ihrem Berechnungen auf Livland störte, und sie seine gewalt führten, sobald er auch die Esten unterworfen...»

полоцкаго; городъ Аутине, лежавшій еще далѣе на сѣв.-востокъ, зависѣлъ отъ удѣльнаго князя герцискаго; Угаунія въ 1223 году была закрѣплена за Русскими. Прибавлю, что по словамъ Гіэрна, — *Имера также находилась въ зависимости отъ Псковичей*¹⁾.

Такимъ образомъ, первое положеніе автора не можетъ быть принято.

Что касается вопроса: насколько «слаба была зависимость ливскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земель отъ Русскихъ», то можно сказать только, что понятіе о «слабости» — понятіе относительное. Если сравнивать зависимость мѣстныхъ племенъ отъ Русскихъ, — зависимость, не сопровождавшуюся истребленіемъ и обнищаніемъ туземныхъ племенъ, — съ зависимою ихъ отъ Нѣмцевъ, совершенно ихъ поработившихъ, а отчасти и истребившихъ²⁾, то, конечно, зависимость отъ Русскихъ слѣдуетъ признать слабою. Тѣмъ не менѣе зависимость эта, въ то время, была для всѣхъ очевидна и не возбуждала никакихъ сомнѣній. Надѣюсь, авторъ не заподозритъ папу Климента III ни въ пристрастіи къ Русскимъ, ни въ томъ, что онъ пользовался въ данномъ случаѣ невѣрными свѣдѣніями, а между тѣмъ этотъ папа говоритъ прямо, что епископство Икскольское находится «*in Ruthenia*».

II.

Перехожу ко второму выводу автора, т. е. что Русскіе сами отказались отъ всего, чѣмъ когда-либо владѣли въ Прибалтійскомъ краѣ.

Прежде всего мы рассмотримъ этотъ вопросъ по отношенію къ Полоцку и зависѣвшихъ отъ него князей Герцике и Куконоса.

Генрихъ Латышъ пишетъ: «*Tandem (въ 1212 г.) Rex (Владимиръ), Dei fortassis edoctus instinctu, Livoniam totam domino episcopo sine tributo salvam et liberam reliquit, ut pax inter eos perpetuo firmaretur, tam contra Letthones, quam contra alios paganos, et ut via mercatoribus in Duna semper aperta praestaretur*».

«Фактъ самъ по себѣ почти невѣроятный и темный, безъ подробностей, которыя отъ насъ укрылись», говоритъ Костомаровъ³⁾. Дѣй-

1) Th. Hiörn's Ebst-Lyf-und Lettländische Geschichte (Monum. Livoniae antiquae I, p. 79).

2) У Генриха Латыша читаемъ: «*Et non cessaverunt Letthi neque requiem dabant Estonibus in Ungannia. Sed nec ipsi requiem cupiebant habere, donec eadem aestate novem diversis expeditionibus et exercitibus terram ipsam Estensium in Ungannia devastantes desolatam et desertam ponerent, ut iam nec homines, nec cibaria invenirentur amplius*» (XIX, 3). И далѣе: «*Videntes itaque, qui superstites adhuc remanserunt in Ungannia, quod a furore Teutonorum et Letthorum nusquam evadere possent, miserunt nuncios in Rigam, rogantes ea, quae pacis essent*» (XIX, 4).

3) Сѣвернорусскія народоправства, стр. 337. — Соловьевъ (Ист. Росс. II, 369) также находитъ этотъ разсказъ Генриха Латыша «мало удовлетворительнымъ».

ствительно: полоцкій князь, послѣ свиданія съ епископомъ, чуть было не окончившагося военнымъ столкновеніемъ, не только заключилъ миръ, не только оказалъ епископу сыновнее почтеніе, но вовсе отказался отъ дани и передалъ всю Ливонію епископу; мало того, Владимиръ заключилъ оборонительный и наступательный союзъ какъ противъ Литовцевъ, такъ и противъ *другихъ язычниковъ*. Но у полоцкаго князя, кромѣ Нѣмцевъ, были единственные враги — Литовцы; другіе же враги Нѣмцевъ — естественные союзники Русскихъ; слѣдовательно, вся тяжесть этого обязательства падала главнымъ образомъ на полоцкаго князя. Что касается безопасности торговли по Двинѣ, то, какъ извѣстно, Русскіе гораздо раньше прихода Нѣмцевъ, плавали здѣсь и дальше на Готландъ — совершенно безопасно: въ XII вѣкѣ русская торговля на Балтійскомъ морѣ играла первую роль¹⁾.

Что же за всѣ свои уступки получилъ полоцкій князь? Разрѣшить этотъ вопросъ почти невозможно, такъ какъ единственнымъ источникомъ является Генрихъ, а у него, по словамъ Пабста:²⁾ «Zwar werden sich mancherlei Dinge, die für das Verständniss der Nachkömmlinge deutlicher niederschreiben der Chronist keinen Anlass hatte»...

Дальнѣйшій рассказъ Генриха не только не объясняетъ этого вопроса, но еще болѣе затемняетъ его: «Misegunt (въ 1216 г.), говорить Генрихъ, *Estones ad Regem Voldemarum de Plosceke, ut cum exercitu numeroso veniens obsideret Rigam... Et placuit regi consilium perfidiorum, qui semper Livoniensem ecclesiam quaerebat disturbare, mittensque in Russiam et Letthoniam convocavit exercitum magnum Ruthenorum atque Letthonum. Et postquam convenerunt omnes et parati erant, et rex intraturus erat navem iturus cum eis; et ecce! subito cecidit et exspiravit, et mortuus est morte subitanea...* Слѣдовательно, Владимиръ *всегда* искалъ, какъ бы ниспровергнуть ливонскую церковь». Замѣчательно, что о мирномъ договорѣ, заключенномъ всего три года назадъ, ни слова: Генрихъ ни однимъ словомъ не укоряетъ Владимира за нарушеніе этого пресловутаго договора!

Только внезапная смерть помѣшала князю Владимиру искать возстановленія поправнаго Нѣмцами права.

Итакъ, вопросъ объ отказѣ кн. Владимира отъ Ливоніи остается открытымъ.

Какая судьба постигла удѣльное *куконоское княжество*?

1) Въ грамотѣ, данной импер. Фридрихомъ I гор. Любеку въ 1188 г., въ числѣ народовъ, свободныхъ отъ пошлягъ, поименованы и Русскіе: «*Rutheni, Gothi, Normanni et ceterae gentes orientales*». Эта грамота подтверждена въ 1220—1221 году: «*nec Ruthenus, nec Noremannus, nec Suecus, nec Oningus, nec Guto, nec Livo, sic necque omnes gentes orientales* (Lub. Urkund. В. р. 3011. Подъ «Русскими», безъ сомнѣнія, надо разумѣть и Полочанъ).

2) Heinrich v. Let. Livländische Chronik, Vorwort.

У Генриха Латыша читаемъ: «*regulus Vesceka de Kukonoys... (1207) auxilium episcopi contra insultus petit Letthonum, offerens sibi terrae et castris sui medietatem. Quo accepto, episcopus muneribus multis regulum honorans, et in viris et in armis auxilium promittens, cum gaudio remisit ad propria...*» (XI, 2; *снф.* XIII, 1). «Русскій князь (Вячко) скоро увидалъ на опыгѣ, говоритъ Соловьевъ¹⁾, что вмѣсто защитниковъ онъ нашелъ въ рыцаряхъ враговъ, которые были для него опаснѣе Литовцевъ». Дѣйствительно, Генрихъ рассказываетъ, что въ слѣдующемъ, 1208 г., леневаденскій рыцарь Даниль напалъ врасплохъ на Куконось, захватилъ самого Вячко и заковалъ его въ оковы» (*in vincula proiciunt*). Хотя епископъ Альбертъ и старался заглазить этотъ поступокъ своего вассала, но Вячко, конечно, не могъ забыть такого оскорбленія и возвратился домой «съ коварствомъ въ сердцѣ», какъ замѣчаетъ Генрихъ Латышъ. При первомъ же удобномъ случаѣ, Нѣмцы бывшіе въ Куконось, въ числѣ 17 человекъ, были избиты, спаслось только трое. Альбертъ сталъ готовиться къ походу противъ Вячко. «*Audientes itaque Rutheni Teutonicorum et Livonum in Riga collectionem, timentes sibi et suo castro, eo quod perfide egerint, et non audentes in castro suo Rigensium expectare adventum, collectis rebus suis, et equis et armis Teutonicorum inter se divisis, incendunt castrum Kukonoys, et fugiunt unusquisque viam suam... Regulus autem saepedictus sicut male egerat, sic versus Russiam nunquam deinceps rediturus discessit*»²⁾. Слѣдовательно, кн. Вячко сжегъ свой городъ, но не подчинился.

Покончивъ съ Куконосомъ, Альбертъ обратилъ свое вниманіе на другого вассальнаго полоцкаго князя — *Всеволода герциккаго*.

Всеволодъ долго не хотѣлъ входить ни въ какія сношенія съ Нѣмцами. Это-то обстоятельство и послужило однимъ изъ поводовъ къ походу Нѣмцевъ противъ герциккаго князя.

Генрихъ пишетъ: «*Erat rex Wissewalde de Gercike Christiani nominis et maxime Latinorum, semper infensus inimicus* (XIII, 4)... *Et cum esset Gercike semper in laqueum, et quasi in diabolium magnum omnibus in ipsa parte Dunaе habitantibus, baptizatis et non baptizatis et esset Rex de Gercike semper inimicitias et bella contra Rigenses exercens, et pacis foedera cum eis inire contemnens, Episcopus exercitum suum convertit ad civitatem Gercike...*» (XIII, 4. 1209). Герцике былъ взятъ, разоренъ и сожженъ Нѣмцами, причемъ взята въ плѣнъ и супруга Всеволода. Всеволодъ, оплакавъ разрушеніе своего родного города, долженъ былъ смириться. Онъ прибылъ въ Ригу и въ 1209 г. «*Regnum seu ditionem suam eidem Ecclesiae confe-*

1) Исторія Россіи II, 384.

2) Chron. XII, 9.

rens¹⁾, per manum Episcopi, trium vexillorum solenni porrectione, recepit, et eum in patrem eligens...» Выше помѣщенъ документъ, въ которомъ еп. Альбертъ объявляетъ о подчиненіи ему Всеволода въ 1209 г. Сохранился еще документъ, отъ 1224 г., въ которомъ еп. Альбертъ объявляетъ, что онъ, по просьбѣ короля *Герцике*, половину укрѣпленія и *всѣхъ принадлежащихъ къ нему владѣній*, за исключеніемъ Аутене, отдалъ въ ленъ рыцарю Конраду фонъ Иксулю: «Albertus Dei gracia Rigensis episcopus omnibus hoc presens scriptum accipientibus salutem in Domino. Notum facimus universitati vestre, quod ad petitionem regis de Gerzeke medietatem castri Gerzeke et omnium bonorum eidem castro pertinencium excepto Autene concessimus Conrado militi de Ykesculle in beneficio feudali eo videlicet pacto, ut quicumque (sic) eorum absque herede prior discesserit (!) in altrum (!) ipsum beneficium ex integro transferatur. Si qua autem de predictis bonis ad presens a quolibet fuerint occupata, ea usque in Pascha proximo futurum expediemus vel in amicicia cum predicto rege et Conrado militi (!) componemus. Ceterum in castro Cessoe annona decimalis secundum mensuram, que Ykesculle datur, nobis solvetur (!). Ipsi autem ad dotandam competenter ecclesiam procurabunt. Testes autem huius facti sunt: Hermannus episcopus Estoniensis, Johannes prepositus Rigensis, Volquinus magister militum Christi, comes Burgardus, Fredehelmus de Poyg, Teodericus de Heswer, Bodo de Zalderen, Daniel de Leneworden, Ludgerus miles et alii quam plures. Acta sunt hec in Riga (anno) Domini m^o cc^o xij (leg. m^o cc^o xij^o)²⁾».

Далѣе мы встрѣчаемъ имя кн. Всеволода герцикского въ одномъ документѣ 1230 г., который сохранился, къ сожалѣнію, лишь въ сокращенномъ извлеченіи (регестѣ) на латинскомъ языкѣ. Текстъ его слѣдующій: «Свидѣтельствуеть рижскій епископъ Николай (преем. Альберта) въ томъ, что король Виссевальде (т. е. Всеволодъ) изъ Zerike (т. е. Gercike) островъ Вольфегольмъ и землю по сю сторону Двины, которая лежитъ между двумя ручьями, именно Ликсной и Resiza, и оз. Caffer отдалъ аббату и капитулу Динамюнде³⁾».

1) Chr. XIII, 4. Пабстъ говоритъ: «По другимъ источникамъ, князь Всеволодъ герцикскій получилъ въ ленъ лишь свои наследственные земли; отъ прочихъ же земель, уже занятыхъ Нѣмцами, онъ долженъ былъ отказаться».

2) Mittheilungen aus der livländischen Geschichte XII, 2, № 1.

3) «Attestatum Nicolai, episcopi Rigensis, quod Wissewalde, rex de Zerike (l. Gercike) insulam Wolfholm et terram citra Dunam, quae est inter duos rivos Lixnam scilicet et Resizam, stagnum Caffer, dederit abbati et capitulo de Dunemunde. Datum Rigae, 1230». Bunge VI p. 7, № 117^a. — Дёрингъ полагаетъ, что р. Lixna = Lixnänka. близъ им. Lixna, въ 2 миляхъ ниже Двинска, а Resiza (Рубежъ?) = Iwah, близъ Nitzgal, въ 2 миляхъ ниже Ликсны. Cf. сочин. Bielenstein'a (Die Grenzen des lettischen Volksstammes, 1892), 474.

Слѣдовательно, «король Всеволодъ» въ 1230 г. отдаетъ совершенно *самостоятельно* часть принадлежащихъ ему земель аббату и капитулу Динамюнде.

Но и этимъ дѣло не кончается. «Не можемъ, говорить г. Кейслеръ¹⁾, отвѣтить на вопросъ, какова была окончательная судьба княжества Герцике... Единственнымъ источникомъ является съ трудомъ поддающийся объясненію документъ еп. Николая, помѣч. Toreidhia, 10 apr. 1239: «Igitur incitati desiderio, ampliandi cultum nominis Christiani, de maturo consilio locum castris, qui dicitur Gerceke, situm super Dunam, cuius *proprietas legitimi possessores cum terris adjacentibus et pertinentiis omnibus ecclesiae nostrae libere donaverunt et a nobis receperunt in feodo, munire decrevimus, eo praesertim intuitu, quod, sicut apparet, de ipso loco multa detrimenta sint hostibus, et neophitis, annuente Domino, commoda profutura... Porro si alicui heredum placuerit habere in castro ipso aut aliis bonis pertinentibus portionem, nos in nostra parte sine fratrum gravamine ipsos tenebimur collocare...»²⁾*

Такимъ образомъ, еще въ 1239 г. являются какіе-то «*legitimi possessores*» княжества Герцике.

Итакъ, вопросъ о добровольномъ отказѣ кн. Всеволода отъ Герцике также остается, во всякомъ случаѣ, крайне неяснымъ и потому нерѣшеннымъ.

Гораздо яснѣе и опредѣленнѣе рѣшается этотъ вопросъ по отношенію къ Эстонскому краю и области Толова.

Г. Кейслеръ пишетъ: «Имѣется русское свидѣтельство, которое говоритъ за то, что *Новгородцы* (послѣ взятія Юрьева въ 1224 г.) *отказались отъ Эстонскаго края*. Именно, когда въ 1228 г. вел. кн. Ярославъ Всеволодовичъ новгородскій снова призвалъ Псковичей къ походу противъ Нѣмцевъ, они отказались за нимъ слѣдовать, ссылаясь на бесплодность продолжительной борьбы въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ...» Далѣе г. Кейслеръ приводитъ выдержку изъ Новгородской I лѣтописи, л. 6736. Необходимо, поэтому, привести это мѣсто лѣтописи цѣликомъ: «Томъ же лѣтѣ (6736—1228) князь Ярославъ... поиде въ Пльсковъ, съ посадникомъ Иванкомъ и тысячскій Вячеславъ, и слышавше Пльковици яко идеть къ нимъ князь, и затворишася въ городѣ, не пустиша къ собѣ; князь же постоявъ на Дубровнѣ въспятися въ Новъгородъ, *прожгла бо ся вѣсть бяше си въ Пльсковъ, яко везеть оковы хотя ковати вяцьшее мужи*. и пришѣдъ створи вѣче въ владычнии дворѣ, и рече: яко не мыслягъ есмь до Пльсковичъ груба ничего же, нѣ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары, паволокы и оwoць, а они мя *объсѣствовали*; и положи на нихъ жалобу

1) Стр. 101.

2) Bunge Urkund. I, N CLXIII, Reg. 183.

велику. Тѣгда же приведе пѣлкъ изъ Переяславля, а река: хочю ити на Ригу . . . Тоже слышавъше Пльсковици яко приведе Ярославъ пѣлкъ, убояшеся того, взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: то вы, а то Новгородьци, а намъ не надобѣ; нѣ оже поидуть на насъ, тѣ вы намъ помозите. и они рекоша: тако буди. и пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу. Новгородци же увѣдавъше, рекоша: *князь насъ зоветъ на Ригу, а хотя ити на Пльсковъ*. Тѣгда же князь посла Мишу въ Пльсковъ, река: поидите съ мною на путь, а зла до васъ есмь не мыслигъ никотораго же, а тѣхъ ми выдайте кто мя обадилъ къ вамъ. и рекоша Пльсковици, приславъше Гръчина: тобѣ ся, княже, кланяемъ и братьи Новгородьцемъ, на путь не идемъ, а братьи своей не выдаемъ, а съ Рижаны есме миръ взяли; къ Кольваню есте ходивъше серебро поимали, а сами поидосте въ Новгородъ, а правды не створисте, города не взясте, а у Кеси такоже, а у Медвѣжѣ Головѣ такоже, а за то нашу братью избиша на озерѣ, а инѣи поведени; а въ раздравше та прочъ; *или есте на насъ удумали?* тѣ мы противу васъ съ святою Богородицею и съ поклономъ, то вы луче насъ иссѣчите, а жены и дѣти поемлѣте собѣ, а не луче поганіи; тѣ вамъ ся кланяемъ. Новгородьци же князю рекоша: мы безъ своей братья, безъ Пльсковиць, не имаемъся на Ригу, а тобѣ ея, княже, кланяемъ. много же князь нудивъ, и не яшася по путь. Тѣгда же князь Ярославъ пѣлкъ своя домовъ посла. Пльсковици же тѣгда бяху подвѣгли Нѣмци и Чюдь, Лотыголу и Либъ, и отпустиша я опять, а тѣхъ кто ималъ придаткъ у Ярослава выгнаша изъ Пльскова: поидите по князи своемъ, намъ есте не братья» . . .

Дѣло, слѣдовательно, состояло вотъ въ чемъ: кн. Ярославъ отправился къ Пскову. Пронесся слухъ, что онъ везетъ оковы и желаетъ заключить въ оковы лучшихъ мужей. Псковичи испугались, заперлись въ городѣ и не пустили къ себѣ Ярослава. Князь счелъ себя обезчещеннымъ и, возвратясь въ Новгородъ, горько жаловался на обиду Псковичей. Затѣмъ Ярославъ задумалъ ити на Ригу и собралъ полки. Псковичи, узнавъ объ этомъ, и полагая, что походъ на Ригу только предлогъ, а на самомъ дѣлѣ цѣль похода — наказать Псковичей за нанесенное ими князю оскорбленіе, испугались, и поспѣшили, на всякій случай, заключить съ Рижанами миръ; а когда князь предложилъ имъ ити на Ригу, они отказались; но тутъ же добавили: *«быть можетъ, вы противъ насъ, что задумали?»* открывая, такимъ образомъ, истинную причину своего отказа. Новгородцы заподозривъ, съ своей стороны, князя въ умыслѣ противъ Псковичей, также отказались ити съ нимъ въ походъ. Къ тому же въ то время былъ неурожай, и дороговизна увеличилась; цѣны поднялись еще болѣе, какъ только разошлась молва о предпринимаемомъ походѣ.

Гдѣ же тутъ отказъ Новгородцевъ отъ Эстонскаго края?

Что тутъ не было никакого отказа, доказывается послѣдующими событіями.

Въ *Новгор.* 1-й лѣт. «Въ лѣто 6742 (1234). Иде князь Ярославъ, съ Новгородци и съ всею областью и съ полкы своими, на Нѣмци подь *Гюргевъ*. и ста князь не дошедъ града съ пълкы, и пусти люди своя въ зажитіе воевать. Нѣмци же изъ града высушася, а иніи изъ Медвѣжѣ Головы на сторожи, и бишася съ ними и до пълку; и поможе Богъ князю Ярославу съ Новгородьци, и биша ѿ и до рѣкы, и ту паде лучьшихъ Нѣмць нѣколико; и яко быша на рѣчѣ на Омовыжи Нѣмци, и ту обломшася, истопе ихъ много, а иніи язвѣни въбѣгоша въ Гюргевъ, а друзіи въ Медвѣжю Голову; и много попустошиша землѣ ихъ и обиліе потратиша. и поклоншася Нѣмци князю, *Ярославъ же взя съ ними миръ на всеи правдѣ своей*, и възратишася Новгородци здрави вси, а Низовьчъ нѣколико паде».

Но, можетъ быть, Русскіе впоследствии отказались отъ Эстонскаго края? Посмотримъ. Я опять отмѣчу только болѣе рельефные факты¹⁾.

Въ *Новгор.* 1-й лѣт. подь 6750 (1242) «Нѣмци прислаша съ поклономъ безъ князя: что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, *Лотылолу*, мечемъ, то ся всего *отступаемъ*; а что есмы изъимали мужіи вашихъ, а тѣми ся розмѣнимъ, мы ваши пустимъ, а вы наши пустите. и таль Пльсковскую пустиша и умиришася».

Въ *Новгор.* 1-й лѣт. «Въ лѣто 6770 (1262), въ осенинѣ, идоша Новгородци съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, великимъ полкомъ, подь *Юрьевъ*; бяше тогда и Костянтинъ князь, зять Александровъ, и Ярославъ братъ Александровъ съ своими мужи, и Полотьскыи князь Товтивигъ, съ нимъ Полочанъ и Литвы 500, а Новгородьского полку безъ числа, толко Богъ вѣсть. и баше градъ твердъ Юрьевъ, въ 3 стѣны, и множество людіи въ немъ всякихъ, и бяху пристроили собѣ брань на граду крѣпку; но честнаго креста сила и святой Софьи всегда низлагаеть неправду имѣющихъ. тако и сіи градъ, нивчтоже твердость та бысть, но помощью божіею *одиньмъ приступленіемъ бзятъ бысть*, и люди многы града того овы побиша, а другы изъимаша живы, а иніи огнемъ пожжени, и жены ихъ и дѣти, и взяша товара безъ числа и полона . . . и приде кн. Дмитрій въ Новгородъ со всѣми Новгородци, съ многымъ товаромъ».

Новгор. 1-й лѣт. «Въ лѣто 6776 (1268) . . . Новгородци . . . поидоша за Нарову къ *Раковору*, и много земли ихъ потратиша, а города не взяша . . .

1) 6857 (1349) Псковская 2 лѣт., 6878 (1370 г.) Псковская 2 лѣт., 6900 (1392) Псковская 1 и 2 лѣт., 6915 (1407 г.) Псковская 1 и 2 лѣт., 6939 (1431 г.) Псковская 1 и 2 лѣт., 6966 (1448 г.) Псковская 1 и 2 лѣт., 6989 (1461 г.) Псковская 1 и 2 лѣт., 6970 г. (1462) Псковская 2 лѣт., (тоже въ Псковской 1 подь 6969 г.), 6982 (1474) Псков. 1 и 2 лѣт.

и прїѣхаша здорови... Того же лѣта сдумавше Новгородци съ посадникомъ Михайломъ, призваша князя Дмитрія Александровича изъ Переяславля съ полкы, а по Ярославѣ послове послаша; и посла Ярославъ въ себе мѣсто Святослава съ полкы. и изыскаша мастера порочные, и начаша чинити пороки въ владычни дворѣ. и прислаша Нѣмци послы своя, Рижане, Вельяжане, Юрьевци и изъ инѣхъ городовъ, съ лестью, глаголюще: намъ съ вами миръ, *перемогаетея съ Колыванци и съ Раковорци, а мы къ нимъ не приставаемъ, а крестъ ильземъ* — и цѣловаше послы крестъ; а тамо ѣздивъ Лазоръ Моисіевичъ, водилъ всѣхъ ихъ къ кресту, пискуповъ и божіихъ дворянъ, яко не помогати имъ Колыванцемъ и Раковорцемъ; и пояша на свои рупѣ мужа добра изъ Новагорода, Семьюна, цѣловавше крестъ. и совкупившеся вси князи въ Новъгородъ: Дмитрій, Святъславъ, братъ его Михайлъ, Костянтинъ, Юрь, Ярополкъ, Довмонтъ Пльсковскыи, и инѣхъ князіи нѣколко, поидоша къ *Раковору* мѣсяца генваря 23. и яко внидоша въ землю ихъ, и роздѣлишася на 3 пути, и много множество ихъ воеваша; и ту наѣхаша пещеру непроходну, въ ней же бѣше множество Чюди влѣзше, и бѣше не лѣзъ ихъ взяти, и стояша 3 дни; тогда мастеръ порочныи хыгстростью пусти на ня воду, Чюдь же побѣгоша сами вонъ, и изыкоша ихъ, а товаръ Новгородци князю Дмитрію всь даша, и оттолѣ поступиша къ *Раковору*... и пособи Богъ князю Дмитрію и Новгородциемъ мѣсяца февраля 18, въ субботу сыропустную»...

Въ *Новгород. 1 мт.* «Въ лѣто 6777 (1269). Придоша Нѣмци въ силѣ велицѣ подѣ Пльсковъ, въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, и приступиша къ городу, и не успѣша ничтоже, но большую рану въспрїяша, и стояша 10 днѣ. Новгородци же съ кн. Юрьемъ погонишася по нихъ, инїи на конихъ, а инїи въ насадѣхъ поѣхаша въборзѣ, и яко увѣдаша Нѣмци Новгородскыи полкъ, побѣгоша за рѣку; Новгородци же прїѣхаша въ Пльсковъ и взяша миръ, *чрезъ рѣку, на всеи воли Новгородскои*... Того же лѣта, на зиму, кн. Ярославъ съ Новгородци сдумавъ, посла на Низовьскую землю Святъслава полковъ копить, и совкупи всѣхъ князіи и полку безъ числа и приде въ Новгородъ... и хотѣша ити къ *Колываню*; и увѣдавшѣ Нѣмци, прислаша послы съ молбою: *кланяемся на всеи воли вашей, Наровы всеи отступаемся, а крови не проливайте и тако Новгородци гадающе, взяша миръ, на всеи воли своей*»...

Въ *Псков. 2 мт.* «Въ лѣто 6792 (1284), генваря 2, избѣша Нѣмци *Псковскыхъ данщиковъ 40 мужъ у Волысту* (въ Алыстѣ)».

Въ *Псков. 2 мт.* «Въ лѣто 6831 (1323). ... Тоя же весны, мѣс. маіа въ 11, паки прїидоша Нѣмци къ Пскову, ови на конехъ, а инїи въ кораблехъ и въ лодіахъ, гордящеся, въ силѣ тяжцѣ, съ пороки и съ города и со инѣми многыи замысленіи, хотяще плѣнити домъ святыя Троица»...

Потомъ же приспѣ кн. Давыдъ изъ Литвы съ мужи своими и... оплчився съ мужи Псковичи, прогна ихъ за Великую рѣку, а пороки и вся ихъ замышленія пожгоша, и отбѣгоша Нѣмци со многымъ студомъ и срамомъ. И потомъ прїѣхаша силніи *послове отъ всея земли Нѣмецкыя во Псковъ, и докончаша миръ по всей Псковской воли* (ср. Псков. 1 лѣт.).

Въ Псков. 2 лѣт. «Въ лѣто 6849 (1341). Убиша Нѣмци въ Лотыголъ, на селѣ на Опочнѣ, Псковскихъ пословъ 5 мужъ... а на миру; и Псковичи, ѣхавше, *новоеваша Лотылолу* о князи Александрѣ Всеволодичи... (Ср. Псков. 1 лѣт.).

Въ Псков. 2 лѣт. «Въ лѣто 6851 (1343), мѣс. маіа въ 26. Псковичи подъемше всю свою область, и поѣхаша *воевати земля Нѣмецкыя* о князи Иванѣ, и о князи Остафѣи и о посадницѣ Володцѣ, и воеваша *около Медвѣжьи Головы* 5 дней и 5 ночей, не слазяще съ коней, гдѣ преже того не бывали ни отци ихъ. И бысть егда възратишася съ полономъ... нападоша на нихъ погоня Нѣмецкая... Псковичи ополчившеся... и одолѣша Нѣмцомъ, овѣхъ изсѣкоша, а иніи ранени побѣгоша посрамлени... (Ср. Псков. 1 лѣт.).

Въ Псков. 1 лѣт. «Въ лѣто 6918 (1410) индикта въ 3, іюля въ 20, на память св. пророка Или, учиниша Псковичи съѣздъ съ местеромъ и со всею Нѣмецкою землею у Кирыпигѣ; и поѣхаша посадники Псковскіе... и иныхъ много бояръ подѣ Кирыпигу, а иные посадники и бояре въ Изборскѣ, такоже князь местеръ много присла своихъ князей и земныхъ въ Изборскѣ, и *взяша миръ по старинѣ, по Псковской воли, по Новгородскому докончанью*: что были Новгородци имали миръ въ первое розратѣ со Псковичи съодного, а нынѣ потомуже за недѣлю по Ильинѣ дни и безъ Новгорода, занеже Новгородци не помогоша»...

Въ Псков. 2 лѣт. «Въ л. 6923 (1415) *Юрьевцы прислаша пословъ своихъ и цѣловаша крестъ по старинѣ*».

Въ Псков. 1 лѣт. «Въ лѣто 6957 (1449). Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, подѣ Новгородцкихъ пословъ, и докончаша миръ... и взяша миръ на полтретьядцать лѣтъ съ княземъ местеромъ Ризскимъ и съ его князьми, такоже и съ пискупомъ Юрьевскимъ и съ Юрьевичи. А что отняли бѣше Юрьевци старинъ Псковскихъ много, и милостію святыя Троица и молитвою благовѣрныхъ князей, они *поганіи возвратиша съ студомъ и срамомъ вся старины Псковскія ко Пскову*; а докончаша той миръ на Успеніе святыя Богородица».

Въ Псков. 2 лѣт. «Въ л. 6969 (1461). Прїѣха кн. вел. Василій Васильевичъ въ Великій Новгородъ и съ своими сынами и Псковичи послаша къ нему посадника и биша чоломъ: «*чтобы ты, господарь, поборошилъ свою отчину Псковичъ отъ поганыхъ Нѣмецъ, понеже приобижени*

есме много и водою и землею и головами, и дома Божіа пожжени, а на миру и крестномъ цѣлованіи . . . И отвѣща: *«радъ есми васъ боронити, какъ и прародителіи наши прародителіи князи великіи»* . . .

Въ *Псков. 1 лѣт.* «Въ лѣто 6972 (1464) . . . «Услышавъ послы Юрьевскія, что посолъ князя местера на всей воли Псковской прикончалъ, и они же сами начаша такоже, какъ съ воеводою вел. князя съ княземъ Данильемъ, и со кн. Псковскимъ Ярославомъ Васильевичемъ, и съ посадники Псковскими, и съ посломъ Новгородскимъ и съ воеводою, и со всѣмъ Псковомъ такоже прикончали на всей Псковской воли миръ на 30 лѣтъ».

Въ *Перемирной грамотѣ Новгородцевъ и Псковичей съ Дерптскимъ епископомъ и орденскими самовниками*¹⁾, въ январѣ 1474 г., сказано: . . . «Государи наши благовѣрныи великіи князи Рускіи и цари (Иванъ Васильевичъ, царь всея Руси, и вел. кн. Иванъ Ивановичъ) прислали воеводу своего, князя Данила Дмитриевича, со многими князми и бояры, въ домъ святыя живоначалныя Троица, у свою отчину, у Великій Новгородъ и Псковъ, боронити свое отчины Великого Новгорода и Пскова, обидь своихъ поискати на Нѣмцохъ на Юрьевцохъ, своихъ даней, и старыхъ даней, своихъ залоговъ (недоимокъ), и Новгородскихъ старынъ, и Псковскихъ обидь и старынъ. И прислаша честный бискупъ Юрьевскій, и посадники Юрьевскіе и вси Юрьевцы пословъ своихъ . . . и приконъчаша миръ на тридцать лѣтъ таковъ: *Што святыи Божіи церкои у Юрьевъ, у Рускомъ концы, и Рускій конецъ, и то честному бискупу Юрьевскому и посадникомъ Юрьевскимъ и всѣмъ Юрьевцомъ дѣржати честно, по старынъ и по крѣстному цѣлованью и ни обидѣти. А дани благовѣрныхъ вел. князей Рускихъ царей, старыи залочи, и то честному бискупу Юрьевскому за осмь лѣтъ отдати въ тотъ часъ, по крестному цѣлованью, а отъ сею времени, благовѣрнымъ вел. княземъ Рускимъ царемъ на честномъ бискупъ Юрьевскомъ дань своя имати, по старынъ, по тому крестному цѣлованью»* . . .

Царь Іоаннъ Грозный говорилъ Поссевину: «А та *Лифляндская земля издавна прародителей ихъ юсударскиихъ*, а именно лѣта 6508 (д. б. 6538) года, прародитель его государевъ великій государь Ярославъ Георгій, самодержецъ Киевскій и всея Россіи, тое землю взялъ войною, и во свое имя поставилъ городъ Юрьевъ, тожъ и Дерптъ; и отъ того времени была за прародительми его юсударскими, и донинѣ та земля въ его юсударской державѣ, а къ королевству Польскому и княжеству Литовскому она не надлежала; а вступились въ нее и называли своею потому, какъ Лифлянды изъ Россійскія державы прилагались къ Польскому, и Датскому, и Свѣй-

1) Акты Запад. Рос. 1, № 69.

скому королемъ измѣною, не хотя дани противъ прежнихъ временъ платить, и нынѣшній король вступается неправдою. А со стороны Россійскаго государства въ томъ нарушенія никакимъ договорамъ не бывало; и для того всея той земли поступиться не возможно»¹⁾).

Этотъ отвѣтъ Грознаго царя лучше всего показываетъ, какъ смотрѣли русскіе государственные люди на Ливонскій вопросъ²⁾).

У самого автора нашего мы находимъ слѣдующія указанія:

«Въ 1228 г. *толовская дань снова была подтверждена за Псковичами*... «Речь идетъ о дани очень старинной»... «Еще въ 1285 г. дань съ Толовы была получена» (Русскими)... «Нптз никакихъ доказательствъ того, что право на дань было раньше утрачено Русскими». (стр. 115, 154, 158).

Въ «Грамотѣ дерптскаго епископа Бернгарда II къ совѣту г. Любека», 1285—1290 г., говорится, что «*дерптская церковь отовсюду подвергнута нападѣніямъ, какъ язычниковъ, такъ и Русскихъ*»³⁾).

Hildebrand говоритъ, что «*Русскіе всегда находились въ постоянной открытой борьбѣ съ пришельцами, которые хотѣли уничтожить вліяніе ихъ въ этомъ краѣ*»⁴⁾).

У русскихъ историковъ находимъ слѣдующія указанія относительно занимающаго насъ вопроса.

Соловьевъ, рассказавъ о походѣ 1234 г. кн. Ярослава противъ Нѣмцевъ подъ Юрьевъ, говоритъ: «Нѣмцы поклонились князю, и Ярославъ заключилъ съ ними миръ по всей своей правдѣ. Послѣднія слова могутъ вести ко тому заключенію, что *тутъ-то Ярославъ выговорилъ дань съ Юрьева для себя и для всѣхъ преемниковъ своихъ, ту знаменитую дань, которая послѣ послужила Иоанну IV поводомъ лишить Ливонію независимости*»⁵⁾).

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ: «*Борьба съ Нѣмцами сдѣлалась какъ бы задачей Пскова*»⁶⁾).

1) «Извѣстіе историческое о Антоніѣ Поссевинѣ, послѣ отъ Римскаго папы Григорія XIII, присланномъ къ царю Иоанну Васильевичу въ 7088 (1680) годѣ; въ бытность его въ Россіи сочиненное» (Древ. Рос. Визлюенка, 2-е изд., т. VI, стр. 85). Cnf. Richter. Geschichte der dem russ. Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprr., 44. Также «Ливонская Лѣтопись» Ніенштедта (Прибалт. Сбор. IV, 9—10; ср. II, 340).

2) «Тѣснямая Іоанномъ, и видя, что Орденъ не можетъ спасти ее, Эстонія искала защиты короля датскаго Христіана III: Ревель, вся Гаррія и Вирландія изъявили ему желаніе быть снова у него въ подданствѣ. Но Христіанъ, уже старый и близкій къ концу, отвѣчалъ равнодушно: «*Мнѣ трудно править и своими землями: благоразумно ли искать еще новыхъ и за нихъ сражаться?*» (Карамз. VIII, 177). Вотъ это — отказъ!

3) Вунге. Urkund. 1, N DIII: «Eidem ecclesiae nostrae, quae multis undique tam paganorum, quam Ruthenorum propulsatur insultibus».

4) Hildebrand H. Die Chronik Heinrichs von Lettland... Berlin, 1865, p. 87.

5) Соловьевъ. Исторія Россіи III, 151.

6) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія I, 304.

Д. И. Иловайскій: «Новгородская Русь ждала только удобнаго случая возвертнуть свои потери»¹⁾).

Костомаровъ: «Покопчивъ съ независимостью Пскова, Москва приняла на себя какъ бы долгъ покопчить и съ Ливоніею. Москва задушила Псковъ — и Москва же отмстила за него тѣмъ, которые никогда хотѣли, да не успѣли его задушить»²⁾).

Не равнодушіе Русскихъ было причиной того, что Эстляндіей, какъ и всей Ливоніей, составлявшими собственность Россіи, завладѣли Датчане и нѣмецкіе рыцари, но главнымъ образомъ монгольское иго, когда, по выраженію лѣтописи, «нача работати Русская земля татаромъ». Но Россія не переставала считать отторгнутыя области своею собственностью и въ болѣе счастливыя для русскаго народа времена высказывала это открыто, пока не возвратила ихъ наконецъ подъ свой скипетръ³⁾).

Говоря языкомъ современныхъ дипломатовъ, Россія временно не пользовалась своими правами, но никогда не отказывалась отъ нихъ окончательно.

Слѣдовательно, и второй выводъ г. Кейсслера, мнѣ кажется, несостоятеленъ.

III.

Перехожу къ *третьему выводу* автора, что «Русскіе не думали даже о томъ, чтобы обезпечить по крайней мѣрѣ свое господство введеніемъ христіанства» и что, будто бы, «есть обычай у королей русскихъ, когда покоряютъ они какой народъ, не подчиняютъ его вѣрѣ Христовой, а только облагать его платежомъ дани денегъ»⁴⁾).

Св. Владимиръ Равноапостольный, по словамъ митр. Иларіона, «обратилъ отъ заблужденія идолопоклонства *всю область свою*». Другой изъ ближайшихъ къ тому времени свидѣтель, мнихъ Іаковъ, говоритъ, что св. князь «крестилъ всю русскую землю отъ конца до конца... *Всю землю русскую и всѣ грады украсилъ святыми церквами*». Изъ лѣтописей же видно, что Владимиръ не только посылалъ повсюду епископовъ и пресвитеровъ

1) Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи II, ч. 2, стр. 141.

2) Костомаровъ. Сѣвернорусскія народоправства I, 394.

3) Ср. Чистовичъ. Исторія православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи, 195.

4) Генрихъ пишетъ: *Est enim consuetudo regum Ruthenorum, quamcumque gentem exregnaverint non fidei Christianae subiicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare* (Chr. XVI, 2) Ганзенъ, въ своемъ примѣчаніи къ этому мѣсту, говоритъ, что подобная же жалоба на Генриха Льва у Гельмольда (Chron. Slav. 1, 68. 2) «*In variis autem expeditionibus, quae adhuc adolescens in Slaviam provectus exercuit, nulla de Christianitate fuit mentio, sed tantum de pecunia*». Адамъ Бременскій (Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, l. III, c. 21) тоже пишетъ: «*Nostri cum triumpho redierunt, de christianitate nullus sermo, victores tantum praedae intenti*». Conf. Helmold. 1, c. 21.

крестить народъ русскій, но и самъ лично ѣздилъ съ епископами по нѣкоторымъ областямъ для евангельской проповѣди. Въ важнѣйшіе города подвластной ему Руси онъ разослалъ сыновей своихъ, чтобы они своимъ примѣромъ, авторитетомъ и властію содѣйствовали исполненію воли отца. Владимиръ, говорится въ лѣтописи, «посла съ ними (съ дѣтьми своими) и священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да каждо по области своей *повелѣваетъ учити и крестити людей, и церкви ставити; еже и бысть*¹⁾. Посылалъ Владимиръ проповѣдниковъ и къ *Болгарамъ волжскимъ* и обратилъ ко Христу нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также четырехъ князей ихъ²⁾; старался онъ насадить христіанство даже въ глубинѣ сѣвера, *въ Біарміи, на берегахъ Двины сѣверной*³⁾. Въ XI в. уже существовалъ монастырь *Челменскій въ Олонецкомъ краѣ*; въ XII в. *на слияніи р. Сухоны и Юга существовалъ мон. Гладенскій*⁴⁾; въ 1147 г. «еще до зачала града Вологды», основанъ, *неподалеку отъ рѣки Вологды, монастырь Троицкій*⁵⁾; въ 1174 г. новгородскіе переселенцы, завладѣвъ *Вятскою областю, построили въ ней города и села съ христіанскими церквами*⁶⁾.

Въ далекой *Тматоракани* упоминается, какъ уже существующая, *епархія въ послѣдней четверти XI вѣка*⁷⁾.

«Въ лѣто 6735 (1227), князь Ярославъ Всеволодичъ (новгородскій) пославъ крестити множество *Корѣвъ, мало не всѣ люди*⁸⁾.

«Христіанская вѣра восточнаго исповѣданія первая начала распространяться въ *Литвѣ, тихимъ путемъ свободнаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, а не по приказу и принужденію...*» Это говоритъ литовскій историкъ-католикъ Нарбутъ⁹⁾.

И приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы видѣть, во-первыхъ, что христіанство — точнѣе православіе — на первыхъ же порахъ распространилось до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Россіи, а во-вторыхъ, что князья русскіе принимали въ этомъ святомъ дѣлѣ дѣятельное участіе.

Если такъ было *вездѣ*, то почему только въ Прибалтійскомъ краѣ было *иначе*? Вѣдь, край этотъ, какъ мы видѣли, съ древнѣйшихъ временъ находился подъ вліяніемъ Россіи.

1) Пол. Собр. Р. Лѣт. II, 259.

2) Макарія. Ист. Рус. Церкви 1, 22.

3) Ibid 1, 23.

4) К. Н. Вестужева-Рюмина. Рус. Исторія 1, 231—232.

5) Макарія. И. Рус. Ц. III, 37.

6) Ibid. III, 37—38.

7) Макарія. И. Рус. Ц. I, 40—41.

8) Лавр. лѣт. 6735.

9) Narbutt. Dzieje Litwy VI, 341: «Wiara chrześcijańska, wschodniego wyznania, pierwiej się rozpostarła po Litwie, droga łagodnego prawd świętych poznania, niżeli o ustanowieniu nawrócenia pomyślano»...

Но, скажутъ, объ этомъ ничего не говорится въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ отвѣтъ на это можно привести слѣдующія глубоко справедливыя слова преосв. Павла, б. епископа Псковскаго¹⁾: «Безъ шуму и огласки, тихо, незамѣтно, но ощутительно росла и множилась паства церкви до самыхъ крайнихъ предѣловъ тогдашней Россіи. Отъ этой-то скромности и смиренія первыхъ проповѣдниковъ христіанства въ Россіи, отъ этой-то тишины въ ходѣ распространенія и утвержденія сего дѣла Божія въ нашемъ отечествѣ, мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія о первыхъ успѣхахъ христіанскихъ проповѣдниковъ въ Россіи вообще и почти никакихъ—у инородцевъ ея въ частности. По этой же причинѣ, въ русскихъ лѣтописяхъ ничего не сказано, и о томъ, кто, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ въ первый разъ распространилъ православіе между Латышами и Эстами... Русскіе не любили много говорить о своемъ добромъ, а любили дѣлать доброе».

Отъ этихъ общихъ соображеній перейдемъ къ фактамъ, правда, немногочисленнымъ, зато тѣмъ болѣе драгоценнымъ.

При взятіи Нѣмцами Герцике въ 1209 г., они «*de ecclesiis campanas et ysonias et cetera ornamenta, et pecuniam et bona multa tollentes, secum asportaverunt*»²⁾. Слѣдовательно, въ Герцикѣ была не одна церковь.

Erat Rex Wissewalde de Gercike, говорятъ далѣе Генрихъ Латышь, *Christiani nominis et maxime Latinorum semper infensus inimicus*³⁾. Последняя оговорка весьма характерна и краснорѣчиво говорятъ сама за себя: князь Всеволодъ герцикскій ненавидѣлъ латинянь.

Несомнѣнно, что православная церковь существовала и въ *Куконосъ*, хотя прямо объ этомъ не говорится. Интересно слѣдующее извѣстіе: «*Dimissi (legati) a rege (Владимиромъ полоцкимъ), Kukenoys castro Ruthenico, quam celerrime attingunt Diaconom quendam, Stephanum, alium tamen, quam protomartyrem, Rigam cum abbate (Теодорихомъ, посломъ Альберта) mittunt*...»⁴⁾ Стефанъ, по всей вѣроятности, былъ православнымъ діакономъ въ *Куконосѣ*.

Судя по озлобленію, съ которымъ Генрихъ Латышь говоритъ о князѣ куконосскомъ Вячко, надо полагать, что онъ, подобно Всеволоду герцикскому, былъ враждебно расположенъ къ католицизму: *Rex Visseka (княжившій тогда уже въ Юрьевѣ) cum Turbatensibus suis erat in laqueum et in diabolium magnum Saccalanensibus et alliis Estonibus adiacentibus*»⁵⁾ (кото-

1) «Кое-что изъ прежнихъ занятій» (Псковъ, 1872).

2) Chron. XIII, 4.

3) Ibid.

4) Chr. X, 3.

5) Chronicon Livonicum XXVIII, 2.

рые только-что приняли католичество). И далѣе: «Idem Rex . . . radix antiqua malogum omnium in Livonia fuerat»¹⁾.

Ярославъ Владимировичъ, основавши въ 1030 г. *Юрьевъ* (Дерптъ), построилъ въ немъ *дѣтъ православныя церкви*, одну — во имя св. Николая Чудотворца, а другую во имя своего ангела, великомученика Георгія²⁾. Въ 1234 году послѣднюю церковь (св. Георгія) великолѣпно вновь перестроилъ князь Святославъ Всеволодовичъ³⁾.

Въ 1245 г., по сказанію Арндта: «Vermachte der rechtmässige Erbe des Fürstenthums Pleskow, Jaroslaw, den halben Theil seines Landes an die Kirche zu Doerpt.»⁴⁾.

Русскіе купцы въ XII в. имѣли свою *церковь св. и. Визби* на о. Готландѣ⁵⁾.

Въ *Ревелѣ*, по всей вѣроятности, уже въ половинѣ XIII в. была православная *церковь во имя св. Николая Чудотворца*⁶⁾.

У Генриха Л. мы также находимъ нѣсколько цѣнныхъ указаній. Одинъ изъ латышскихъ старшинъ обл. Толовы, Талибалдъ, и его сыновья въ самомъ началѣ XIII в. исповѣдывали православную вѣру. Впослѣдствіи, въ 1214 г., какъ пишетъ Генрихъ: «Venerunt ad eum (къ еп. рацеб. Филиппу) ibidem (въ Торейдѣ) filii Thalibaldi de Tholowa, Rameko cum fratribus suis tradentes se in potestatem Episcopi promittentes, se *fidem Christianam a Ruthenis susceptam* in Latinorum consuetudinem commutare et de duobus equis mensuram annonae per singulos annos persolvere...»⁷⁾.

1) ibidem XXVIII, 3.

2) «Повѣсть о началѣ и основаніи Псковскаго Печерскаго первоклас. монастыря, взятая изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранилищѣ онаго монастыря». Второе изд. Псковъ, 1849. Стр. 3: «Быше же въ то время священникъ нѣкій, именемъ Иоаннъ, отъ Московскія страны, по прозванію Шесникъ; сей Иоаннъ бѣ священству во градѣ Юрьевѣ Ливонскомъ со Исидоромъ пресвитеромъ во храмѣ св. *Николая Чудотворца и великомуч. Георгія*, его же вел. князь Ярославъ Владимировичъ Кіевскій отъ имѣнія своего устроилъ. Егда же нѣмцы соединити начаша христіанъ, живущихъ въ тѣхъ предѣлахъ, и ово ласканіемъ, ово прещеніемъ къ своей латинской вѣрѣ привлечь: тогда той священ. Иоаннъ отъиде изъ града Юрьева во градъ Псковъ (гдѣ основ. монастырь Печерскій, принявъ монаш. съ им. Іоны), Исидоръ же оста въ Юрьевѣ Ливонскомъ, и многое прѣвіе съ нѣмцы о христіанствѣ вѣрѣ показа, за что и въ темницу затворенъ бысть со иными семьдесятъ и двѣма христіанами, и не покорившимся имъ, ввержени быша отъ Латынъ вси въ рѣку Амовжу, идѣжа умроша во исповѣданіи Христовѣ, въ лѣто 6980 (1472) генваря въ 8 день . . . Очевидно, переписчикъ, по ошибкѣ, двѣ церкви (св. Николая и св. Георгія) счелъ за одну: какъ видно изъ «Повѣсти», въ Юрьевѣ было *два* священника.

3) Лавр. лѣт. «Въ лѣто 6742 (1234). Благовѣрный князь Святославъ Всеволодичъ сверши церковь въ Юрьевѣ святого мученика Георгія, и украси ю».

4) Arndt. Alte Lief. Chr. II, 47.

5) Карамзинъ III, 125. — Лерберга. Исслѣдованія, стр. 219, прим. 2.

6) Чистовича. Исторія Правосл. церкви въ Финляндіи и Эстляндіи (СПб., 1856), стр. 186.

7) Chr. XVIII, 3.

Но самъ Талибальдъ умеръ смертью мученика, по всей вѣроятности, *православнымъ*, такъ какъ, по словамъ самого же г. Кейслера, «о немъ не говорится опредѣленно, чтобы онъ былъ католикъ». Конечно, не одни старшины принадлежали къ православной церкви. Въ 1207 г. «*Illi (circa Imeram habitantes) gaudentes de adventu sacerdotis, ... cum gaudio verbum Dei recipiunt: missis tamen prius sortibus et requisito consensu deorum suorum: An Ruthenorum de Plescekowe habentium Graecorum fidem cum aliis Letthigallis de Tholowa, an Latinorum et Teutonicorum debeant subire baptismum? Nam Rutheni eorum tempore venerant baptizantes Letthigallos suos de Tholowa, sibi semper tributarios*» ¹⁾.

«Eodem tempore (1210 г.) rex magnus Novogardiae, simul et rex de Plescekowe cum omnibus Ruthenis suis venerunt cum exercitu magno in Unganniam, et obsidentes castrum Odempe pugnauerunt cum eis diebus octo, et cum esset in castro defectus aquarum et penuria ciborum, petierunt pacem a Ruthenis, et dederunt pacem eis, et *baptismate suo quosdam ex eis baptizaverunt*, et acceperunt ab eis quadringentas marcas nagatarum, et recesserunt ab eis, et reversi sunt in terram suam, dicentes *se sacerdotes suos eis missuros ad sacrae regenerationis lavacrum consummandum*, quod tamen postea ob Teutonicorum timorem neglexerunt. Nam Ungannenses postea sacerdotes Rigensium susceperunt, et baptizati sunt ab eis, et connumerati sunt cum Rigensibus ²⁾.

Post haec (1216 г.) *indignati Rutheni de Plescekowe contra Ungannenses, eo quod baptismum Latinorum acceperunt et suum, id est Graecorum, contemserunt*, bellumque eis comminantes, census ac tributum ab eis exegerunt. Ungannenses vero Livoniensem episcopum simul et Fratres Militiae super haec consulentes, auxilium super hoc postulabant. Quod ipsi non negantes, simulque cum eis vivere ac mori promittentes, liberos se a Ruthenis esse, sicut semper ante baptismum fuerunt, sic et nunc esse, confirmabant ³⁾.

Генрихъ Латышъ, вообще, признаетъ, что я православная церковь не относилась безучастно къ Ливоніи: «*Plures sibi matres falso filiam hanc (Estiensem ecclesiam) usurpantes, mentientes semper attraxerint: quarum una mater Ruthenorum sterilis ac infoecunda, quae non spe regenerationis in fide Domini Jhesu Christi, sed spe tributorum et spoliiorum terras sibi subjungere conatur*» ⁴⁾.

Нельзя умолчать о слѣдующемъ фактѣ: псковской князь Владимиръ, изгнанный изъ Пскова за то, что выдалъ свою дочь за брата епископа Аль-

1) Chron. XI, 7.

2) Chr. XIV, 2.

3) Chr. XX, 8.

4) Chr. XXVIII, 4.

берта, явился въ Ригу и былъ назначенъ фохтомъ въ Идумеѣ, въ 1214 г. Генрихъ Латышъ укоряетъ его за корыстолюбіе, за что, будто бы, онъ и былъ удаленъ изъ вѣренной ему области; но причина удаленія была другая: «*Ne neophytos nostros conturbando magis a fide Christi faceret deviare*»¹⁾. Слѣдовательно, и Владимиръ, подобно князьямъ куконосскому и герцикскому, не относился равнодушно къ католицизму.

Hiörn говоритъ: «Zur selben Zeit ward Alabrand von dem Bischoffe nach Ugganien gesandt, umb die Gütter, welche vor Erbauung der Stadt Riga den Kauffleuten, so mit ihren Waaren nach Plescau gewolt, geraubet worden, abzufordern: er konte aber hierinnen nichts verrichten, dennoch hatte er auch Seiner Zurückreise das Glück, dass er den Letten, so umb die *Ymer* ah wohneten; und Letto gals genannt wurden, weil sich Lettland alda endiget, das Evangelium predigte, und sie bekehrte. Weil sie aber annoch den Pleskowitzischen Reussen gehorsam waren, welche *dann und wann ihre Priester herumsandten, die, so gutwillig den Glauben annehmen wollten, zu tauffen...*»²⁾

Несмотря на крайне суровыя мѣры Нѣмцевъ, православіе не было задушено и по временамъ давало себя чувствовать, особенно благодаря тому, что многіе изъ насильно обращенныхъ въ католичество туземцевъ, для которыхъ «*intolerabile jugum fidei*» (латинства), поднимали возстанія и явно склонялись на сторону Русскихъ. Это обезпokoило даже самый Римъ, что видно изъ слѣдующаго письма папы Гонорія III³⁾: «*Honorii III iudicibus in Livonia. Ex parte venerabilis fratris nostri episcopi Ecelesiae Livoniensis nobis innotuit, quod Rutheni quidam veniunt inhabitare Livoniam, qui Graecorum ritus pro parte sectantes, Latinorum Baptismum, quasi rem detestabilem execrantes, solennitates et statuta jejunia non observant, contracta inter Neophytos matrimonia dissolventes. Ne igitur nisi talium insolentia compescatur, Schisma Graecorum suscitetur, antiquum nos illud videamur sub dissimulatione fovere, mandamus, quatenus hujusmodi Ruthenorum insolentiam auctoritate Apostolica compescatis, facientes pro Neophytorum scandalo evitando, ut praedicti Rutheni Latinorum observantiis constringantur, ubi ritibus innitendo Graecorum separari a capite hoc est a Romana ecclesia dignoscuntur. Datum Laterani VI, Idus Februarii, pontificatus nostri anno sexto (resp. ann. Chr. 1222).*»

Въ 1224 г. Юрьевъ былъ взятъ Нѣмцами. Мужественный защитникъ его, неутомимый врагъ Нѣмцевъ, кн. Вячко (б. князь куконосскій), со всею

1) Chr. XVIII, 2.

2) Thomae Hiörn's Ebst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte (Monumenta Livoniae antiquae I, 79),

3) Historica Russiae Monumenta I, № XII.

дружиною своею погибъ подъ его развалинами. Съ завоеваніемъ острова Эзеля въ 1226 г. рижскій епископъ Альбертъ сдѣлался, такъ сказать, *de facto*, господиномъ всего края. Православіе было стѣснено еще сильнѣе: «Многіе изъ Латышей и Эстовъ должны были измѣнить православной вѣрѣ; но многіе, конечно, остались вѣрными православію; можно думать, что нѣкоторые даже удалились изъ своей родины и переселились подъ кровъ и защиту Русскихъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ таковыхъ выходцевъ былъ тотъ *Латимъ* священникъ въ Городищѣ (Новгород. епархіа), сынъ котораго Гюрги (Георгій) въ 1270 г. написалъ на престольное евангеліе, до-нынѣ сохранившееся»¹⁾.

Но православіе въ Прибалтійскомъ краѣ и впослѣдствіи не было вполне подавлено. Въ путешествіи Исидора митрополита на Флорентійскій соборъ въ 6945 (1436 г.) сказано²⁾: «И пріѣхалъ господинъ къ Юрьеву... Церковъ же крестьянскихъ бы у нихъ двѣ: святой Николай и святой Юрей: крестьянъ же мало... «А пріѣха въ Ригу... Въ градѣ ея срътоша со кресты попове, и вси народи, и ради быша ему вельми»...

Изъ послѣднихъ словъ можно вывести заключеніе, что и въ Ригѣ въ то время была, по крайней мѣрѣ, одна православная Церковь.

Въ договорѣ 1474 г. (см. выше) сказано: «*Што святыи Божии церкви у Юрьевъ, у Русскомъ концы, и Рускій конецъ, и то честному бискупу юрьевскому и посаднику юрьевскимъ и всѣмъ юрьевцамъ держати честно, по-старынь, и по крестному цѣлованью и ни обидѣти*». Въ договорной новгородской грамотѣ съ ливонскимъ магистромъ фонъ-Борхомъ и орденскими сановниками, 1 сент. 1481 г., сказано: «*А бискупу Юрьевскому церкви Божии святого Николы и святого Георгея очистити, и Рускій конецъ и села тыхъ церквей очистити, по крестному цѣлованью, по старынь*»³⁾.

Относительно православныхъ храмовъ въ Ригѣ и Ревелѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

«*Которая Церковь святого Николы въ Ригѣ есть, у тоѣ Церкви частокротъ попы умирають, для повѣтрія, которое тамъ пацетъ, и завжды съ замку Полоцька владыки первые Полоцькіе священниковъ тамъ давали*»⁴⁾. Указаніе это относится къ полов. XVI в. (1544 г.); но, какъ можно заключить изъ нижеслѣдующаго документа, храмъ св. Николая

1) Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума № CV: «писалъ же книги сѣя азъ юри сынъ поповъ, славолемаю латыша съ городища».

Въ другомъ мѣстѣ, ниже, я приведу нѣкоторыя данныя, доказывающія вліяніе Русскихъ на Латышей въ древнѣйшую эпоху: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ отношеніи родового быта и 3) въ судебномъ отношеніи.

2) Древняя Росс. Вивліоэшка (2 изд., Москва, 1788 г.) т. VI стр. 29—30; Ср. 5 ч. Никоновской лѣтоп.

3) Акты Зап. Россіи I, № 75.

4) Акты Зап. Рос. II, № 284.

въ Ригѣ существовалъ уже, по крайней мѣрѣ, въ пол. XIV в. † Благословеніе архіепископа Феодосія (1392—1416) полотаского дѣтемъ моимъ рѣчана-номъ ризскимъ. молю Бога и пресвятѣе Богоматери яко да вѣдѣте здравн писаниа каша дошло до менѣ и вразумѣлъ есмьми што ми пишеть про попа и ѿ нѣнѣ послааъ к вамъ попа и што въ есате рѣси говорили штобы попа призирали дабы попъ былъ гораздъ... а штобы какъ и перязин попъ былъ. А милоста Божиа и мое благословеніе да вѣдѣта съ вами...¹⁾ — Іезуитъ Поссевинъ пишетъ²⁾: «Itaque ineunte hoc seculo varia praetextentes (Mosci), revera autem potiundae maritimae ac suis commerciis aptissimae regionis cupiditate inflammata (quam ob rem et eo praetextu *Rigae*³⁾, *Revolviae*, *Derpati templa* in quibus Rutheno ritu mysteria sua exercent, erigi pridem curaverant), exercitum firmum et plenum conscribunt».

Православная церковь въ *Ревель*, по договору 1514 г., которымъ Василій Іоанновичъ возобновилъ торговлю Новгорода съ 70-ю ганзейскими городами, отдана была подъ покровительство Ганзы. Въ договорной грамотѣ постановлено: «А которыя церкви русскія и концы въ нѣмецкихъ городахъ, и тѣ очистити по старинѣ, а ихъ не обидѣти»⁴⁾. Покровительство Ганзы, однако, не спасло ее отъ фанатизма лютеранъ. Толпа фанатиковъ съ яростію и неистовыми воплями бросилась на православную церковь св. *Николая*, выбила двери, окна...⁵⁾—

Но православные храмы были не только въ *Юрьевѣ*, *Ригѣ* и *Ревель*; были они и во многихъ другихъ мѣстахъ Прибалтійскаго края. Dionysius Fabricius, подъ 1557 г., сообщаетъ слѣдующее: «Verum etiam *sacella mos-*

1) Подлинникъ, писанный на пергаментѣ, хранится въ архивѣ Рижскаго магистрата (Cf. Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Congress in Riga, 1896, № 939).

2) Livoniae commentarius, Graegorio XIII P. M. ab. Antonio Possevino S. J. scriptus... Ed. Napierksy, Rigae MDCCCLII.

3) Примѣчаніе Наперскаго: «Ipsa in urbe Riga, in vicinitate aedium, quae dicuntur capitum nigrorum, fuere plateae sic dictae ruthenicae, major ac minor, quarum nomina ad nostra usque tempora manserunt, et in eadem urbis regione inter tabernarum institoriarum locatores plures fuerunt Rutheni quorum nomina citantur (Rig. Stadtbl. 1824, p. 143). Ante reformationis lutheranae tempora Rigae fuit Russorum ecclesia, dicata divo Nicolao, sita sine dubio in ipsa illa platea ruthenica et subdita archiepiscopo Polocensi (non Plescoviensi, ut habet Brotzius in Neue Nor. Misc. XI, XII. 416). Destructa aut saltem vastata videtur esse tempora turbarum in hac urbe excitatarum ob perversam libertatis Christianae, quam reformatores praedicabant interpretationem. A. 1502 mentio fit monasterii ruthenici in quodam protocollo, quod agit de contendis legibus, ad ordinem et disciplinam publicam pertinentibus; ibi civi cuidam urbis nomine Nicolao von Hofe, sub poena trium marcarum injungitur, ut deleat monasterium ruthenicum, sine dubio in ejus fundo extractum («Item Clauwes wam haue aff to rumende dat russische kloster, by iij mek), sed nil amplius de illo monasterio (?) constat (Cnf. Mon. Liv. ant. t. IV, p. CXXVIII. CLVI. — Ср. Вят. Стар. V № 24 прим. 24 и прилож. VII). Слѣдовательно, церковь св. *Николая* находилась близъ дома общества «Черноголовыхъ».

4) Карамзинъ VII, 103.

5) Чистовичъ. Исторія прав. ц. въ Финляндіи и Эстляндіи, стр. 148.

covitica, quae mercatores Moschi, ob suam devotionem passim in Livoniae civitatibus extruxerant, *Derpati, Revaliae, Rigae, et aliis pluribus in locis*, haec, inquam, eodem in furore spoliantur et evertuntur. Quod cum ad Magnum Moschoviae ducem delatum esset, rem uti sibi in conspectum factam aegerrime tulit: confestim Derpatenses qui hac in re exemplum aliis civitatibus praebuerunt, primo bellum indicit datis ad Magistrum et episcopos Livoniae literis, quorum hic sensus fuit: Vos effrenati Livones, qui Deo justoque resistitis Magistratui, mutastis religionem, excussistis jugum tam Imperatoris, quam Pontificis Romani Superiorum vestrorum: Etsi illi poterint, se a vobis contemptum iri, permittere suaque templa spoliari. *Ego sane nequaquam ferre hanc meam et ipsius Dei injuriam, et volo et possum. Scitote idcirco me hanc ulcisci velle, et ideo me Deum misisse vobis in plagam pessimam et flagellum, quo vos in ordinem redigam* ¹⁾.

Православіе въ Прибалтійскомъ краѣ запечатлѣно и мученическою кровію. Однажды одинъ изъ бургомистровъ г. Юрьева донесъ епископу на православнаго священника юрьевской церкви, о. Исидора, и на всѣхъ, живущихъ въ русскомъ концѣ города, что они публично отправляютъ свое богослуженіе (на что они, конечно, въ силу договора, имѣли полное право), и что они въ разговорахъ и съ латинянами, и между собою сильно говорить противъ латинской вѣры: опровергаютъ догматы объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, порицаютъ совершеніе Евхаристіи на опрѣснокахъ и глумятся надъ главенствомъ римскаго папы. Въ день Богоявленія, 6-го января 1472 г., когда Исидоръ и всѣ православные, жившіе въ Юрьевѣ, шли съ крестнымъ ходомъ изъ церкви, по обычаю, на рѣку Амовжу для водосвятія, вдругъ толпа нѣмцевъ напала на участниковъ крестнаго хода и, схвативъ священника Исидора и еще 72 человекъ, привлекла ихъ къ епископу. Здѣсь исповѣдники показали всю свою твердость въ православіи, несмотря на всѣ истязанія. Всѣхъ ихъ затѣмъ бросили въ темницу. 8-го января всѣ они снова приведены были въ ратушу для новыхъ истязаній. Ни лести, ни угрозы, ни обѣщанія, — ничто не могло поколебать православныхъ. Епископъ отдалъ варварское приказаніе утопить священника Исидора и всѣхъ съ нимъ бывшихъ православныхъ въ р. Амовжѣ (Эмбахѣ) ²⁾.

1) Dionysii Fabricii, praepositi pontificii Felinensis Livonicae historiae compendiosa series (Scriptores regum Livonicar. II, p. 467).

2) Въ рукописи, принадлежащей преосв. Павлу, б. еп. Псковскому, это «Страданіе» озаглавлено такъ: «Мѣсяца генваря въ 8 день, страданіе св. священномученика Исидора новаго, и ниже съ нимъ пострадавшихъ семьдесятъ и два мученика во градѣ Юрьевѣ въ Ливонской земли отъ поганныхъ нѣмцевъ... написано же бысть сіе страданіе святыхъ новоявленныхъ мученикъ по благословенію святѣйшаго митрополита Макарія всея Россіи свя-

Дальнѣйшая судьба православія въ Прибалтійскомъ краѣ въ мою задачу не входитъ.

Все вышесказанное, полагаю, не подтверждаетъ третьяго вывода автора, что «Русскіе вовсе не заботились о распространеніи православія въ Прибалтійскомъ краѣ».

Прежде чѣмъ перейти къ детальному разсмотрѣнію труда г. Кейслера, нахожу необходимымъ остановиться, во-первыхъ, на *Хроникѣ* Генриха Латыша и, во-вторыхъ, на личности епископа Альберта: вопросы эти имѣютъ непосредственное отношеніе къ разбираемому нами сочиненію.

IV.

Генрихъ Латышъ и его Хроника.

Вопросъ о томъ, кто былъ Генрихъ, написавшій «Chronicon Livonicum», давно уже занимаетъ ученыхъ. Груберъ, впервые издавшій Хронику въ 1740 году, а за нимъ и всѣ историки признавали Генриха Латышемъ. Только въ самое послѣднее время нѣкоторые ученые (Jordan, Hildebrand, Rabst, Sievers, Лаппо-Данилевскій и др.) стали высказывать сомнѣнія относительно правильности толкованій Грубера.

Gruber ¹⁾ говорятъ: *Flaminem fuisse, et episcopis, quam militibus, farentiorem, in primis autem Alberto suo addictissimum... neque tamen primi dignitationis virum, sed humilem atque inferioris ordinis sacerdotem in hoc Chronographo deprehendere mihi videor, quia nihil de consiliis altioribus, quibus adhibitus non videtur, sed ea tantum narrat, quae in sensus incurrebant, et quae fama jactabat in aula episcopi. In quem haec cum ceteris, quae dicturus sum, conveniant omnia, alium non invenio, quam Henricum illum Lettum, scholarem episcopi, ad sacros ordines promotum: cuius prima mentio est ad annum 1206, n. 2, Lettum, inquam, quia ad annum 1211, n. 3. diserte Henricus de Lettis et Philippi raceburgensis episcopi sacerdos et interpres dicitur».*

ценноиномомъ Варлаамомъ смиреннымъ мнхомъ». См. «Кое-что изъ прежнихъ занятій» преосв. Павла.

Рукописныя житія св. Исидора новаго: 1) въ Уваровской библ. № 911; 2) б. рук. Царскаго (нынѣ въ Уваровской библ.) № 136; 3) въ Моск. Синод. библ. № 850; 4) въ библ. Троице-Серг. Лавр. № 626; 5) въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Въ изд. Муравьева «Житія св.», 8 января—Житіе св. Исидора передано по Сборнику XVII в., б. библ. Царскаго. Ср. Н. Барсукова — Источники русской агиографіи, стр. 280—281; арх. Сергія — Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II, стр. 8; В. О. Ключевскаго — Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ, стр. 259; Соловьева — Исторія Россіи, VII, 251 (2-е изд.).

1) *Origines Livoniae*, 10.

Насколько мнѣ извѣстно, высказанныя Груберомъ предположенія относительно Генриха, въ общемъ, не опровергнуты и по нынѣ, несмотря на всѣ усилія упомянутыхъ выше ученыхъ.

Вопросъ, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, какъ понимать слѣдующее мѣсто въ Хроникѣ Генриха: «Volebant (Livoncs) episcopum garege; sed prohibebant eis sacerdos ipsius et interpret Henricus de Lettis (XVI, § 3).

Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ противниковъ латышскаго происхожденія Генриха, *Hildebrand*, выражается, однако, весьма уклончиво: «So bieten sich keine weitem Momente, die der Lettischen Abkunft Heinrichs geradezu widersprächen, vielmehr einzelne, die dafür ausgebeutet werden könnten. Wollte man aber zu jener früheren Annahme zurückkehren, so müsste zunächst die Möglichkeit erwiesen werden, dass das Beiwort «de Lettis», auch diese, und nur diese bezeichne, nicht blosse Variation des Namens «der Lattenpriester» sei. Dass ein solcher Beweis zu führen sei, muss geleugnet werden, aber in Umständen, die ausserhalb des Ausdrucks selbst liegen, können wir kein ausreichendes Hinderniss dafür entdecken»¹⁾.

Пабсть, который въ этомъ вопросѣ почти во всемъ соглашается съ Гильдебрандомъ²⁾, въ примѣчаніи къ указанному выше мѣсту Хроники (XVI, 3) нерѣшительно говоритъ: «de Lettis. Wegen dieses Ausdrucks namentlich hält man unsern Chronisten gern für einen gebornen Letten. *Es ist aber wohl nur* = Priester bei den Letten»...

Вышеприведенный отрывокъ (XVI, 3) весьма интересенъ и въ другомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, какими средствами Генрихъ могъ помѣшать (*prohibebat*) Ливамъ схватить епископа? Невольно напрашивается такая мысль: не потому-ли Ливы послушались Генриха, что видѣли въ немъ своего человѣка, хорошо владѣвшаго ихъ языкомъ?

Въ Хроникѣ Генриха встрѣчаются слова: латышскія, ливскія, эстонскія, а именно:

«Russinus interea de castris summitate Bertholdum magistrum de Wenden, *Draugum* suum³⁾, id est consocium, alloquitur» (XVI, 4).

1) Die Chronik Heinrichs v. Lettland. (Berlin, 1865), 169—170.

2) Heinrich's v. Lettland, Livländische Chronik übersetzt und erläutert (Reval, 1867), Vorwort — IX.

3) Graf Carl Sievers (Die Lettenburg Antino und Nationalität des Chronisten Henricus de Lettis. Riga, 1878): «Denn Draugs, accusativ Draugum heisst nicht socius, sondern amicus». Что Генрихъ употребилъ форму *draugum*, а не *draugu* — объясняется тѣмъ, что онъ писалъ по-латыни, а не по-латышски. Относительно же значенія этого слова, знатоки латышскаго языка утверждаютъ, что оно значить и *socius* и *amicus*. Для доказательства, что Генрихъ плохо зналъ латышскій языкъ Sievers приводитъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей, а именно:

Ascradt (у Генриха),	Ascheraden (нѣмец.),	Aiskraukle (латыш.)
Kukupoys	» Kukenhusen	» Kohnesse
Tolowa	» —	» Tuhlawä

«*Maja*» (XV, 7; XXIII, 7; XXIII, 9) — латышское слово = «домъ» (у потребляется, впрочемъ, и Эстами въ томъ же значеніи).

«*Laula, laula, rappi*» (XVIII, 8); *laulama* — по-эстонски = пѣть, *laulat* — по-латышски = «вѣнчать».

«*Magetas, maga magamas*» (XV, 3) — по-ливски: *manere in perpetuum, jacebis hic in aeternum*; по-эстонски тоже значить лежать или спать; латышское слово *meeds* — сонъ, кажется, того-же корня.

«*Wayras*» (XXVII, 6) — по-эстонски = грубое сукно.

«*Malewa*» (IX, 3; XIX, 9; XX, 2; XXIII, 7). Пабсть говорить, что «*malewa, malwea*» употреблялось до XIV ст. по большей части въ смыслѣ военнаго похода; по всей вѣроятности, это — древнее эстонское слово».

Всѣ эти слова и выраженія вырвались у Генриха, такъ-сказать, невольно: не было никакой надобности употребить ихъ именно на мѣстныхъ нарѣчійхъ; относительно же слова «*draugum*» надо замѣтить, что Генрихъ употребилъ здѣсь латышское слово, несмотря на то, что въ рассказѣ его (XVI, 4) дѣйствуютъ только Ливы; слѣдовательно, латышскій языкъ ему очень близокъ. Едва-ли Нѣмецъ могъ, такъ-сказать, войти во вкусъ «варварскихъ» языковъ — латышскаго, ливскаго и эстонскаго, чтобы употреблять ихъ безъ особенной надобности; гораздо легче предположить, что Генрихъ, какъ уроженецъ пограничной области, могъ знать не только латышскій, родной ему языкъ, но и языки ближайшихъ племенъ и при удобномъ случаѣ вставить то или другое слово совершенно невольно ¹⁾.

Противники латышскаго происхожденія Генриха указываютъ на слѣдующее мѣсто его Хроники, которое, будто-бы, говоритъ въ ихъ пользу: «*Erant autem interfectorum* (т. е. враговъ-Эзельцевъ) *in loco certaminis*

Lenewarde (у Генр.), *Lenewaden* (нѣмец.), *Leelwahrde* (латыш.)

Lethegore } » *Loddiger* » *Lehdurge* »
Ledegore }

Сиверсъ находить, что эти названія у Генриха «ближе къ нѣмецкимъ, чѣмъ къ латышскимъ». Едва-ли это такъ? Кромѣ того, слѣдовало бы доказать, что и въ то время та или другая изъ указанныхъ мѣстностей называлась такъ же, какъ и теперь.

Слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія слова проф. Н. Некрасова (Лекція по сравнительной морфологии русск. яз.): «Исторія языка свидѣтельствуетъ, что слово можетъ измѣняться какъ въ своихъ звукахъ, удерживая то-же значеніе, такъ и въ своемъ значеніи, удерживая тѣ-же звуки. Слово «домой» звучало прежде «домови», потомъ «домовъ», при одномъ и томъ же значеніи; слово «верста», удерживая тѣ-же звуки, значило прежде «вограсъ», потомъ *мѣру сравненія вообще*, наконецъ *опредѣленную мѣру длины*... То же, конечно, и въ другихъ языкахъ.

1) Sievers говоритъ: «*Ich glaube auf diese Umstände gestützt, es mit voller Sicherheit aussprechen zu dürfen, dass der Chronist Heinrich kein Lette gewesen sein kann; sogar dass grosse Wahrscheinlichkeit vorhanden, dass er überhaupt garnicht oder nur sehr wenig lettisch verstanden hat und sich bei seinen Taufungen des ihm geläufigen Livischen, das die Letten an den Grenzen ebenso wie jetzt das Estnische sprachen, bedient habe.*» (Die Lettenb. Antine u. die Nationalität des Chr. Heinrichs de Lettis, p. 80). Последнее совершенно вѣрно, но на первое Сиверсъ не представилъ убѣдительныхъ данныхъ.

circiter quingenti viroꝝ et alii plures per campos et per vias et alibi ceciderunt. *Ex nostris vero ceciderunt duo Teutonici et ex Letthis duo*». Это значитъ, конечно: «А лежало убитыхъ на мѣстѣ сраженія около 200 чело-вѣкъ, и много другихъ лежало по полю, по дорогамъ и въ разныхъ мѣстахъ. Изъ нашего же войска пало два Нѣмца и два Латыша». «*Duo Teutonici et duo ex Letthis*», вмѣсто *duo Letthi* — это обыкновенная риторика Генриха, который по возможности избѣгаетъ вполне тождественныхъ по формѣ выраженій, т. е. полного параллелизма. Ни малѣйшаго указанія ни рго, ни contra занимающаго насъ вопроса о происхожденіи Генриха мѣсто это не даетъ.

Откуда же происходилъ Генрихъ и гдѣ получилъ онъ образованіе? Въ Хроникѣ (XV, 9) читаемъ: «*Erat Philippus idem de gente Letthonum, et in curia episcopi enutritus et adeo fidelis effectus, ut interpres ad ceteras gentes docendas mitteretur*»... Таковъ же былъ, по всей вѣроятности, и Генрихъ, только не «*de gente Letthonum*», а *de gente Letthorum*.

Hildebrand говоритъ: «*Heinrich könnte also gleich in den ersten Jahren des Bischofs in seine Umgebung gekommen, nach Deutschland gebracht, 1203 aber zur Fortsetzung seiner Bildung wieder zurückgekehrt sein. Wie er seine Ankunft in Livland jetzt nicht bestimmt andeutet, so auch die frühere Reise nicht; und dass die letzte genauer und lebhafter geschildert wird, erklärt sich vollständig durch den grösseren Eindruck, den sie selbst durch ihre Abenteuer auf ihn machte (VII, 1—4), während er bei der ersten nach Deutschland noch sehr jung gewesen sein musste. Auch bei Annahme der lettischen Herkunft liesse sich also ein genügender Zeitraum finden, der seine Bildung, wie die deutsche Anschauungsweise ermöglichte*»¹⁾.

Далѣе, въ Хроникѣ говорится: «*Ille (episcopus Albertus) Heinricum scholarem suum*»²⁾... *remisit*» (XI, 7). Въ объясненіе этого мѣста Груберъ пишетъ: «*quod episcopi sumptibus enutritus eiusdemque cura ad literas et studia sacra formatus esset, scholaris episcopi nomen dulce fuit et iucundum*».

«Будучи природнымъ латышемъ, едва-ли Генрихъ оставался бы вполне безпристрастнымъ къ своимъ соотечественникамъ» — говоритъ одинъ изъ

1) Chronik Heinrichs von Lettland. 166.

Г. Лаппо-Данилевскій говоритъ: «Тому же (т. е. что Генрихъ б. Латышъ) отчасти противорѣчитъ время возникновенія сношеній Нѣмцевъ съ Латышами. Сношенія эти начались только съ 1206 г., тогда какъ Генрихъ назначенъ былъ священникомъ туда же черезъ 2 года». Но въ указанномъ мѣстѣ (X, 15) говорится не о началѣ сношеній съ Латышами, а о крещеніи имерскихъ Латышей, при чемъ добавлено: «*praesertim cum iam tota Livonia et plures ex Letthgallis verbum Dei receperint*»; значитъ — раньше. Когда впервые начались сношенія Нѣмцевъ съ Латышами, у Генриха не сказано; вѣроятно, тотчасъ же послѣ прибытія сюда Нѣмцевъ.

2) Загѣчаніе Пабста: «*Scholaris = im Domstift unterrichtet?*» Конечно, въ монастырѣ: къ чему этотъ вопросъ? Самъ же Пабстъ переводитъ: «*Seine (Bischof's) Schüler*».

противниковъ латышскаго происхожденія Генриха¹⁾. Дѣйствительно, если бы онъ былъ Нѣмецъ, то для него всѣ туземные народы — одинаковые варвары. Посмотримъ же, какъ онъ относится къ нимъ:

Отношенія Генриха къ *Ливамъ*: «Livones, qui licet baptizati, tamen adhuc rebelles erant et increduli» (IX, 7); «gens enim Livonum quondam erat perfidissima» (X, 15); Livones quidam de Adya, iam dudum baptizati, perfidiae suae felle repleti» (XIV, 5); Livones quidam perfidi, qui erant adhuc filii sanguinarij, lacerantes ubera matris Ecclesiae» (XVI, 1); Livones... «genimina viperarum» (XVI, 4)... Пабстъ (X, § 15, прим. 6) говоритъ: «Der Chronist ist den Liven überhaupt gar nicht hold».

Точно также, рассказывая о многочисленныхъ походахъ Нѣмцевъ въ землю «infidelium et perfidorum» (XV, 1) *Эстоузъ*, Генрихъ съ удовольствіемъ останавливается на избиеніяхъ, которымъ подвергались они: «Russinus cum Letthis... intrantes provinciam Saccalanensem, invenerunt viros ac mulieres ac parvulos in domibus suis in omnibus villis ac locis, et occiderunt, quos invenerunt, a mane usque ad vesperam, tam mulieres quam parvulos eorum, et trecentos ex melioribus viris ac senioribus Saccalanensis provinciae, absque aliis innumerabilibus, donec fessae manus et brachia occidentium prae nimia interemptione plebis iam deficerent»... (XII, 6); «Erant autem suffocatorum promiscui sexus ex omnibus speluncis animae hominum fere mille. Et post hoc reversi sunt. Livones cum Teutonicis, Deum benedicentes, eo quod etiam superba Harrionensium corda ad fidem Christianam humiliavit»... (XXIII, 10; cnf. XII, 5; XIV, 5; XIV, 6; XV, 3; XV, 7; XVI, 8; XIX, 2; XIX, 3; XIX, 9; XXI, 3; XXIII, 7; XXIII, 10)...

Можно даже указать основаніе, почему Генрихъ такъ относится къ *Ливамъ* и *Эстамъ*, именно: «Erant enim Letthi ante fidem susceptam humiles et despecti, et multas injurias sustinentes a Livonibus et Estonibus» (XII, 6).

Къ *Латышамъ* Генрихъ относится совершенно иначе; достаточно сказать, что онъ нигдѣ не говоритъ ничего обиднаго для *Латышей*²⁾; по его словамъ, папскій легатъ, будто бы, особенно хвалилъ *Латышей*: «fidem eorum et constantiam commendans, eo quod sponte et absque ulla bellorum perturbatione fidem Christianam primo susceperint, et post modum nunquam more Livonum et Estonum, baptismi sacramenta violaverint, humilitatemque eorum et patientiam collaudavit, qui nomen Domini nostri Iezu Christi ad Estonos et ad alias gentes etiam laete portantes, multos de gente sua propter eandem fidem Christianam occisos, in martyrum (consortium) absque ullo dubio transmiserunt» (XXIX, 3)...

1) Лаппо-Данилевскій, Библиографъ 1888, № 5—6.

2) Единственное исключеніе XVIII, 5.

Симпатіи Генриха къ Латышамъ отмѣчаютъ и Пабстъ (XVIII, § 5, прим. 13) и Гильдебрандъ ¹⁾.

Можно, пожалуй, согласиться, что каждое изъ указанныхъ выше соображеній («de Lettis», близкое знакомство съ туземными языками и, наконецъ, симпатіи къ Латышамъ), въ отдѣльности взятое, быть можетъ, и не вполне доказываетъ латышское происхожденіе Генриха; но все это вмѣстѣ, взаимно дополняя и поясняя, все-таки даетъ нѣкоторое основаніе защитникамъ этого происхожденія.

Какія же основанія у сторонниковъ нѣмецкаго происхожденія Генриха? Никакихъ; они все только отрицаютъ, колеблются и ссылаются другъ на друга: Г. Кейслеръ, напр., ссылается на Пабста, г. Пабстъ — на г. Гильдебранда; но г. Гильдебрандъ говоритъ объ этомъ весьма уклончиво, г. Пабстъ еще колеблется, а г. Кейслеръ уже говоритъ категорически ²⁾...

Впрочемъ, я коснулся вопроса о происхожденіи Генриха единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать, что вопросъ этотъ остается въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ и 150 лѣтъ тому назадъ, т. е. во времена Gruber'a.

Гораздо важнѣе другой вопросъ: какъ нужно относиться къ Хроникѣ Генриха, насколько она достовѣрна и безпристрастна?

Вотъ къ какимъ результатамъ пришли изслѣдователи:

«*Ist der Verfasser kein politischer Kopf*», говоритъ *Hildebrand* ³⁾.

Pabst указываетъ на «*Vergesslichkeit*» Генриха: Chr. VII, § 5: «*quendam Livonem, Sauronem nomine*»; но Сауро уже названъ IV, 4; подобная же забывчивость въ IX, 2; XXII, 3; XXIII, 9.

Тотъ же *Pabst* замѣчаетъ, что Генрихъ иногда «*sehr übertreibt*» (напр., VII, § 3, прим. 4; XIX, 5; XXIV, 5).

Sievers называетъ Генриха прямо: «*einen nachweislichen Falsarius, der längst schon zum nationalitätslosen Ultramontanismus übergetreten*» ⁴⁾...

1) Hildebrand (Die Chron. H. v. Lettl., 50—51); онъ, однако, объясняетъ это, хотя и уклончиво, такъ: «*Manches, was in der Art unseres Schriftstellers über die allgemeine Zu- und Abneigung, hinauszugehen scheint, möchte sich durch die langjährige Wirksamkeit desselben als Priester der Letten erklären*» (169). Объясненіе натянутое.

2) Но почему же «*nunc eum (Henricum) Germanum sibi vindicant Lyvones hodierni*?» — спрашиваетъ Dr. Wilh. Arndt.—На это мы находимъ намекъ у *Sievers*'a: «*Vollends da es nicht verständlich, was uns veranlassen sollte, einen nachweislichen Falsarius, der längst schon zum nationalitätslosen Ultramontanismus übergetreten, uns zu vindiciren*». Изъ этихъ словъ можно заключить, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ изслѣдователей-нѣмцевъ задавались вопросомъ: стоитъ или не стоитъ отстаивать нѣмецкое происхожденіе Генриха? т. е. задавались вопросомъ, ничего общаго съ наукою не имѣющимъ.

2) Die Chr. Heinrichs v. Lettland, 53.

4) Die Lettenb. Antine etc., 23.

Г. Кейслеръ, питающій безграничное довѣріе къ Генриху, говоритъ (стр. 56), что у хрониста былъ документъ о соглашеніи епископа съ княземъ Герцике (1209 г.), но онъ имъ не достаточно воспользовался—«*доказательство того, какъ мало интересовался онъ этими отношеніями*»¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 146), даже г. Кейслеръ находитъ у Генриха «*небезпристрастное извѣстіе*»; а разъ (стр. 120) просто усомнился въ *спр-ности*²⁾ свѣдѣнія, сообщаемого Генрихомъ.

По словамъ Gruber'a³⁾, Генрихъ ничего не зналъ: «*de consiliis alioribus*». Въ доказательство этого можно привести слѣдующее указаніе: «*et siluit hac ratione ecclesia diebus paucis*», такъ заканчиваетъ Генрихъ XVII гл. своей хроники. Pabst замѣчаетъ: *Der zunehmenden Zwietracht unter den Landesherren gedenkt mit keiner Sylbe*. Конечно, потому, что не зналъ о томъ⁴⁾.

Вообще же, при чтеніи Хроники Генриха, надо всегда помнить слѣдующія слова Pabst'a (Vorwort, VIII): «*Zwar werden sich mancherlei Dinge, die für das Verständniss der Nachkömmlinge deutlicher niederschreiben der Chronist keinen Anlass hatte, er für seine Zeitgenossen zu thun mit oder ohne Absicht versäumte*»... Иначе и быть не могло: во-первыхъ, Хроника писана въ 1225 г., а Генрихъ едва-ли велъ дневникъ, слѣдовательно, многое писалъ по воспоминаніямъ; во-вторыхъ, Хроника писана по желанію епископа и отвезена легатомъ Вильгельмомъ моденскимъ въ Римъ⁵⁾, слѣдовательно, Генрихъ долженъ былъ писать только то, что было въ интересахъ епископа...

Заканчивая свои краткія замѣчанія о Генрихѣ и его Хроникѣ, не лишнимъ считаю привести слѣдующія, на мой взглядъ, вѣрныя замѣчанія г. Лаппо-Данилевскаго⁶⁾. «Весь характеръ лѣтописи указываетъ на *нравственное неразвитіе Генриха*. Въ немъ особенно ясно выразился тотъ партикуляризмъ и *узость релігиозныхъ убѣжденій*, которымъ болѣе или мѣнѣе отличался почти всякій средне-вѣковый католикъ. Такъ онъ не только *православную вѣру не считаетъ христіанской релігіей*, ибо всюду христіанами называетъ только католиковъ или туземцевъ, принявшихъ католическую вѣру, но даже и на крещеніе датскихъ проповѣдниковъ смотреть недружелюбно»...

1) Cnf. Hildebrand, 58, 69.

2) На этотъ разъ — совершенно напрасно.

3) Origines Livoniae, praefatio 10.

4) Г. Трусманъ. Введеніе христ. въ Лифляндіи, введеніе, стр. VII: «Какъ простой священникъ, не посвященный въ тайны закулисной политики высшихъ властей страны, и не имѣющій самъ достаточно возможности или способностей проникать во внутреннюю связь совершающихся предъ его глазами событій...»

5) Hildebrand, 19—20.

6) Биографич. свѣдѣнія о Генрихѣ Латышѣ (Библиографъ, № 5—6, 1888 г.).

Итакъ, Генрихъ, по моему мнѣнію, былъ Латышъ, воспитанный на средства епископа Альберта, къ которому хронистъ относился съ величайшею почтительностью. Оставаясь всю жизнь простымъ сельскимъ священникомъ, Генрихъ не могъ знать и правильно судить о политикѣ, тѣмъ болѣе, что самъ былъ, по замѣчанію Гильдебранда, «kein politischer Kopf». Писалъ о многомъ по слуху, о многомъ по воспоминаніямъ, при чемъ о многомъ «сознательно или безсознательно умолчалъ»; вообще же относился къ событіямъ не безпристрастно, а съ узкимъ взглядомъ средневѣкового фанатизированнаго католика.

V.

Характеристика еп. Альберта.

Г. Кейслеръ, вслѣдъ за Генрихомъ Латышемъ, слишкомъ ужъ высоко ставитъ нравственныя качества еписк. Альберта: авторъ, напр., не допускаетъ даже мысли о томъ, чтобы можно было признать «политику Альберта по отношенію къ русскимъ князьямъ измѣнчивою» (стр. 29), т. е. что онъ дѣйствовалъ сообразно обстоятельствамъ.

Однако, далеко не всѣ историки смотрятъ такъ на дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Приведу отзывъ о немъ Меркеля ¹⁾: «Alberts, des dritten Bischofs, Charakter. Befreiet von den gehässigen Fremdlingen, glaubten die Liven im Ernst, der drohenden Gefahr auf immer entkommen zu seyn: aber indess sie frohlockten, wurden ihnen unzerbrechliche Fesseln geschmiedet. Der Erzbischof Hartwig ertheilte das erledigte Bisthum seinem Verwandten, dem Bremischen Domherrn, Albert von Apeldern; und unter diesem *furchtbaren Manne* nahm das Unterjochungsgeschäft einen so festen, systematischen Gang, dass aller Widerstand fruchtlos wurde».

«Albert war einer von jenen Männern, die uns ungewiss lassen, ob wir ihre Talente mehr bewundern, oder den Gebrauch, den sie von ihnen machen, mehr verabscheuen sollen, und zu deren Geisteskraft sowohl, als zu deren *Bösartigkeit* die meisten Menschen nur aus niederer Ferne heraufstauen. Wahrscheinlich wäre er nie im Stande gewesen, zu erlangen, was Meinhard erschlich, oder den Enthusiasmus einzuflossen, mit dem Bertolds Tod Teutschland und den Norden erfüllte: aber wie Archimedes brauchte er gerade nur diesen Standpunkt, um die Welt zu erschüttern»...

Отдавая полную справедливость уму и энергіи еп. Альберта, Меркель продолжаетъ: «Die Hauptleidenschaft seiner Seele war *Herrschaftsucht*. Sie zu befriedigen, erlaubte er sich *Erpressungen, Grausamkeiten und jede*

1) Die Vorzeit Lieflands, von G. Merkel, I Band. Berlin, 1798, I, 336—339.

Hinterlist; und wenn seine schlaue Politik ihn bewog, ihre Aeusserungen zuweilen zu mildern, so war es nur, um desto sicherer zu gehen. Wo er daher befehlen konnte, gab er seiner Gewalt die grösste Ausdehnung; und wo er weichen musste, that er es mit so vieler Kunst, dass sein künftiges Vordringen nur desto unwiderstehlicher ward. «Man fühlet sich zur Bewunderung hingerissen, wenn man ihn handeln sieht. Beobachtet man die Mittel, die er anwendete, so fühlt man Widerwillen;— Entsetzen, wenn man seinen Zweck erwägt. Des grossen, des bewundernswürthen Alberts Ziel war die Vernichtung freier Völker, und der grösste Mann, den mein Vaterland vielleicht jemals sah, war der fürchterlichste Verderber desselben».

«Нicht Bekehrung der Liven war Alberts Zweck; er steckte sich ein anderes Ziel: er wollte einen Staat gründen, und ihn als unumschränkter Fürst regieren».

Хотя Меркель и сгустилъ нѣсколько свои краски, однако, нельзя не признать, что отзывъ его, въ основѣ, недалекъ отъ истины.

Что еп. Альбертъ прибѣгалъ и къ обману, и къ вѣроломству, лишь бы достигъ своей цѣли, — на это даже у Генриха можно найти нѣкоторыя указанія.

Такъ, еп. Альбертъ отправилъ въ Римъ одного изъ старшинъ ливскихъ (seniores), выдавъ его за короля Ливонскаго¹⁾ и увѣривъ папу, что «весь Ливонскій народъ обращенъ уже въ христіанство (1203 г.). Меркель²⁾ рассказываетъ объ этомъ такъ:

«Albert benutzte diese Ruhe, unter den Liven Selbst Uneinigkeiten zu erregen, und benahm sich dabei auf seine gewöhnliche arglistige Art. Er bededete einen Neubekehrten, jenen Sauro aus Thoraida, den Dietrich einst geheilt und getauft hatte, mit seinem Bekehrer nach Rom zu gehen. Hier wurde er dem Papste als der König von Liefland vorgestellt, und der stolze Hierarch, der von Kaisern den Fusskuss verlangte, und Königreiche verschenkte liess sich herab, den nordischen Wilden zu umarmen und mit Freundschaftsbezeugungen zu überhäufen. Er soll ihn in den Adelstand erhoben haben; wenigstens entliess er ihn sehr reichlich beschenkt».

Нельзя также не указать на слѣдующій случай вѣроломства еп. Альберта: ему удалось заманить къ себѣ на пирушку ливонскихъ старѣйшинъ; подъ угрозой отправить ихъ самихъ плѣнниками въ Германію, онъ принудилъ ихъ къ выдачѣ заложниками до тридцати мальчиковъ, дѣтей ихъ: «Episcopus tamen ob perfidiam Livonum расі eorum non confidens, quam

1) Генрихъ только одинъ разъ и именно по этому поводу (VII 5) говоритъ: «Сауро . . . qui quasi rex et senior Livonum fuerat»; но въ другихъ случаяхъ именуется его просто «senior»; напр., въ 1210 г. (уже по возвращеніи изъ Рима): «Venerunt seniores terrae Russinus, Sauro, Nudius et Darbelus cum ceteris».

2) Merkel, Die Vorzeit Lieflands, 355—356.

iam multoties ruperant, obsides ab Azone et Caupone et senioribus terrae exigit: qui *vocati a Teutonicis ad potationem omnes simul conveniunt, et in una includuntur domo*. At illi timentes, ne trans mare in Teutonium deducantur, pueros suos, qui de Duna et in Thoreida fuerunt meliores, Domino episcopo circiter triginta repraesentant: quos ille laetus accipit, et terram Domino committens, in Teuthoniam vadit»¹⁾).

У Гильдебранда⁴⁾ читаемъ: «Da die Beeinträchtigten sich klagend an den Pabst gewandt, hatte dieser den Bischof von solchen Eingriffen in fremdes Recht abgemahnt, ihn zur Nachsicht bei den ihm vom Orden zustehenden jährlichen Leistungen aufgefordert, zugleich aber den Abt und zwei Beamte von Dünamünde beauftragt, das Interesse der Brüder wahrzunehmen...

«Die Stellung Alberts zum römischen Stuhl war, wie wir sehen, eine ungünstigere geworden; die vielfachen Bedrückungen, die er, nach den Klagen des Ordens zu urtheilen, sicherlaubt haben dort lebhaften Unwillen erregt. Der Bischof erscheint als leichtfertiger, Verletzer eingegangener, von Rom ausdrücklich gebilligter Verträge, als steter Bedrücker Schwächerer. Es mochten derartige Härten seinen hochstrebenden und herrschlustigen Sinne nicht fernstehen»...

Не могу не привести здѣсь характеристику нѣмецкаго епископа, сдѣланную монахомъ-современникомъ еп. Альберта.

«Clericus quidam Parisiis ante paucos annos verbum terribile contra episcopos locutus est, dicens: Omnia credere possum, sed non possum credere, quod unquam *aliquis episcopus Alemanniae possit salvari*. Novicius: Quare magis indicavit episcopos Alemanniae, quam episcopos Galliae, Angliae, Lombardiae nel Tusciae? Monachus: Quia pene *omnes episcopi Alemanniae utrumque habent gladium, spiritualem videlicet et materiale; et quia de sanguine iudicant et bella exercent, magis eos sollicitos esse oportet de stipendiis militum, quam de salute animarum sibi commissarum*»¹⁾).

Умный цистерціанскій монахъ точно рисовалъ нравственный портретъ нѣмецкаго епископа, именно съ еп. Альберта!

VI.

Замѣчанія, касающіяся частныхъ вопросовъ.

На стр. 9 г. Кейсслеръ говоритъ: «Изъ всего ливонскаго племени только Ливы, жившіе по Двинѣ, платили дань князьямъ полоцкимъ. Такъ думаетъ г. Пабстъ, не приводя, однако, основаній своего мнѣнія». —

1) Chronic. IV, 4.

2) Hildebrand, Die Chronik Heinrichs von Lettland, 92—93.

3) Caesarii Heisterbacensis († 1240) monachi ordinis cisterciensis dialogus Miraculorum... Coloniae, Bonnae et Bruxellis, MDCCCLI, Dictinctio Secund., cap. XXVII.

Странно: въ доказательство своего положенія авторъ ссылагается на мнѣніе историка, который, въ данномъ случаѣ, не приводитъ основаній своего мнѣнія».

Стр. 10—11. «Оба укрѣпленія (Куконось и Герцике) стояли на правомъ берегу Двины, но не по близости имѣнія Штокмансгофъ, какъ полагали раньше, а къ юго-востоку отъ него въ теперешней, такъ называемой польской Лифляндіи, вблизи мѣстечка Царьградъ». — На основаніи этихъ словъ, можно подумать, что Куконось и Герцике лежатъ рядомъ, вблизи Царьграда; между тѣмъ, отъ Герцике до Куконоса около 80 верстъ. Нельзя также не замѣтить, что, кромѣ польскихъ писателей, *никто этой мѣстности теперь не называетъ «Польской Лифляндіей»*. Наконецъ, Царьградъ не мѣстечко, а имѣніе-мыза.

Стр. 15. «Относительно характера первоначальнаго русскаго владычества въ теперешнемъ Прибалтійскомъ краѣ, Генрихъ Летляндскій, *согласно съ современными ему русскими источниками (?)*, сообщаетъ слѣдующее: есть обычай у королей русскихъ, когда покоряютъ они какой народъ, не подчиняютъ его вѣрѣ христовой, а только облагаютъ его платежемъ дани и денегъ». — *Нидѣ въ современныхъ русскихъ источникахъ не говорится этого!*

Стр. 28. «Странное утвержденіе Арнольда Любекскаго (о томъ, что еп. Альбертъ отказалъ кн. Владимиру въ дани, которую платили Ливы) не находятъ себѣ никакого подкрѣпленія въ Хроникѣ Генриха Летляндскаго, *источникъ, славящемся полнотой и въ особенности, для внѣшнихъ сношеній, своей достоверностью*». — Мы видѣли (въ гл. IV), что этого далеко нельзя сказать. Авторъ слишкомъ ужъ довѣрчиво относится къ извѣстіямъ Генриха. Этимъ же объясняется и его высокое мнѣніе о дѣйствіяхъ еписк. Альберта: авторъ, вопреки очевидности, даже не допускаетъ и мысли *«признать политику Альберта по отношенію къ русскимъ князьямъ измѣнчивою»* (стр. 29, примѣч.).

Стр. 33. «Потерпѣвъ по дорогѣ неудачу—будучи ограблены литовцами (въ чемъ *врядъ-ли (?)* не принималъ такъ или иначе участія дружившій съ Литовцами князь Всеволодъ изъ Герцике, черезъ землю котораго они проходили) прибыли, однако, епископскіе послы въ Полоцкъ. *Изъ большому, конечно, удаленію* нашли они здѣсь нѣсколькихъ Ливовъ»... Во-первыхъ, авторъ подозрѣваетъ Всеволода въ ограбленіи пословъ рѣшительно безъ всякихъ основаній; во-вторыхъ, незвѣстно, почему это послы удивились, найдя Ливовъ въ Полоцкѣ: вѣдь, это же были данники полоцкаго князя!

Стр. 35. «Владимиръ замыслилъ *хитрость (dolus)*». — Напрасно авторъ повторяетъ слова Генриха безъ всякой оговорки: хронистъ, какъ уже было неоднократно сказано, вовсе не безпристрастный свидѣтель.

Стр. 38. «Ливы, которые все еще (въ 1206 г.) *бунтовали*»...—Противъ кого? противъ непрощенныхъ пришельцевъ, старавшихся поработить ихъ? Это не бунтъ, а естественное право защищать себя отъ насилія!

Стр. 43. «Князю Вячко ничего другого не оставалось, какъ сговориться мирнымъ путемъ съ мужественнымъ сосѣдомъ (еп. Альбертомъ), спрашивается только, *насколько было искренности со стороны Русскихъ при этомъ соглашеніи*».—Почему это авторъ ни разу не задался вопросомъ объ искренности со стороны Нѣмцевъ?

Стр. 43—44. «Скоро вышла ссора у кн. Вячко съ епископскимъ васаломъ, рыцаремъ Даниломъ въ Ленневарденѣ. Какъ видно изъ разсказа, причиной было то, что князь сдѣлалъ людямъ рыцаря много неприятностей и, несмотря на многократныя убѣжденія, не хотѣлъ перестать»... Было бы наивно ожидать, чтобы Генрихъ принялъ сторону русскаго князя!

Стр. 48. «Кого только изъ виновныхъ находили Нѣмцы, — (они) предавали лютой смерти и искоренили измѣнниковъ изъ своей (?) страны»...—Переводъ невѣренъ: «*Et exstirpaverunt traditores de finibus illis*» — значить: «и искоренили измѣнниковъ изъ тѣхъ краевъ»; у Нѣмцевъ же здѣсь не было никакой «своей страны».

Стр. 50. «Онъ (епископъ) напелъ гору оставленной и — какъ сообщается дальше, — вслѣдствіе нечистоты прежнихъ жителей, полною червей и змѣй». — Едва-ли это не фантазія Генриха?

Стр. 53. «Изъ уваженія къ имени Христову, они (Нѣмцы) умертвили лишь немногихъ; большинство отдались въ плѣнъ или обратились въ бѣгство; женщинъ и дѣтей щадили». — Въ *Auszug aus der Deutsch-Ordens Chronik* (Riga 1857, p. 14) сказано: «*und ferderrff darumb trent wyff und kyndt*» («и погубилъ здѣсь женщинъ и дѣтей»). — Хорошо «уваженіе къ Христову имени»!

Стр. 72—73. «Великій князь новгородскій и князь полоцкій (?)». — У Генриха: «*rex de Plescekowe*», т. е. псковскій, а не полоцкій: Pleskow, Plescekow = Псковъ; Ploskow, Ploscekow = Полоцкъ.

Стр. 77: «*Слѣдуетъ (?) думать*, что во время переговоровъ (1210 г.) этотъ вопросъ (объ отношеніяхъ Куконоса и Герцвге къ епископу) былъ обойденъ, и Нѣмцы добились такимъ образомъ молчаливаго признанія *status quo*». — На основаніи чего же «слѣдуетъ думать» такъ? Очевидно, у автора предвзятая мысль.

Стр. 77. «Зависимость кн. Всеволода *чисто номинальная* мало приносила пользы Полоцку». — Откуда узналъ авторъ, что эта зависимость была «чисто номинальная»?

Стр. 77—78. «Остается неяснымъ, въ чемъ заключалася *хитрость* Владимира». — Самъ авторъ заподозрѣваетъ (стр. 43) «искренность» Рус-

скихъ *безъ всякаго основанія*; на томъ же основаніи и Генрихъ часто злоупотребляетъ словомъ хитрость, когда рѣчь идетъ о Русскихъ (напр. X, 2; XI, 8; XVI, 2 и пр.).

Стр. 79. «Въ началѣ лѣта 1212 года къ епископу Альберту отправлено посольство Владимромъ и назначался день, когда имъ съѣхаться *въ Герцике*». — Слѣдовательно, Владимиръ, по прежнему, считаетъ Герцике подвластнымъ себѣ: нельзя допустить, чтобы онъ самъ назначилъ свиданіе съ епископомъ въ мѣстности, которая отъ него уже не зависѣла.

Стр. 82. «Ливы же, которые не хотѣли служить двумъ господамъ а именно Русскимъ и Нѣмцамъ, постоянно его (епископа) уговаривали, чтобы онъ избавилъ ихъ совсѣмъ отъ *ша Русскихъ*». — Авторъ забылъ, что раньше (стр. 27) самъ же говоритъ; «Можно сказать съ увѣренностью, что послѣдніе (туземцы) охотнѣе сносили *не слишкомъ для нихъ тяжелую русскую дань*, нежели нѣмецкое владычество»...

Стр. 83. «По поводу слова: «иногда» (quandoque), которое должно обозначать по крайней мѣрѣ два раза, Пабстъ замѣчаетъ» и пр. — Авторъ разбираетъ каждое слово Генриха точно современную дипломатическую ноту.

Стр. 84. «Можно бы думать, что упрашиванія Ливовъ избавить ихъ отъ дани сдѣлались особенно настойчивы во время переговоровъ епископа съ кн. Владимромъ; *но это не видно* изъ самаго характера ихъ разговоровъ». — А потому нѣтъ основанія и думать это.

Стр. 85. «Непостоянный и поддающійся легко влияніямъ характеръ князя Владимира чрезвычайно мѣшаетъ *тѣрной оцѣнкѣ* событій». — Еще болѣе мѣшаютъ этому предвзятые взгляды и то, что Генрихъ въ своей Хроникѣ «многое утаилъ умышленно или неумышленно».

Стр. 85. «Недовольный переговорами, князь Владимиръ прервалъ ихъ, потому что *справедливые* словесные доводы его не удовлетворили». — Доводы эти казались справедливыми Генриху, но такими-ль они были на самомъ дѣлѣ — это еще вопросъ!

Стр. 87. Важно прежде всего то, что кн. Владимиръ *отказывался получить дань съ Ливовъ*... Да отказывался-ли? А если отказывался, то на какихъ условіяхъ? (См. объ этомъ гл. II, стр. 25—27).

Стр. 86—87, прим. 1. «Tanquam patrem spiritualem. Чтобы это было *обычное обращеніе, этого утверждать нельзя*». — Напротивъ, можно: православные всегда называютъ духовныхъ лицъ *отцами*, а тѣ ихъ — *чадами*, дѣтьми.

Стр. 89. «Соловьеву показалась подозрительной ссылка на божеское внушеніе; но такой способъ объясненія не удивить того, кто болѣе знакомъ съ Хроникой Генриха». — Что хочеть сказать этимъ авторъ — не знаю.

Относительно же близкаго знакомства его съ Хроникой Генриха можно сказать, что авторъ, дѣйствительно, близко знакомъ, но только съ буквой, а не съ духомъ Хроникки.

Стр. 91. «Хронистъ замѣчаетъ, что онъ (Всеволодъ кн. Герцике) впоследствии участвовалъ однако въ замыслахъ Литовцевъ, нарушилъ обѣщанную вѣрность, и часто подстрекалъ язычниковъ противъ Нѣмцевъ въ Куконосѣ». — Вѣдь, надо же было найти какой-либо поводъ къ походу противъ Герцике. Если бы Всеволодъ былъ невиннѣе ягненка, то и тогда самостоятельность его была бы задушена еп. Альбертомъ, у котораго аппетитъ, послѣ захвата Куконоса, сильно разыгрался.

Стр. 106. «Такъ какъ нѣтъ доказательствъ, что Конрадъ или его потомство не владѣли своей частью Герцике, то слѣдуетъ признать, что родъ Uexküll по прежнему владѣлъ ею». — Довольно смѣлое заключеніе!..

Стр. 113. «Въ 1224 г. Нѣмцы предоставили Русскимъ получать дань съ земли Толова». — Нѣмцы не могли распорядиться тѣмъ, что имъ еще не принадлежало.

Стр. 121. «Относительно Леттовъ на р. Имерѣ мы узнаемъ, что они не были данниками Русскихъ и именно въ 1028 году подчинились Римской церкви». — Гіэрънъ (см. выше), однако, прямо говоритъ о ихъ зависимости отъ Псковичей и о томъ, что въ Имеру время-отъ-времени приходили православные священники.

Стр. 131, примѣч. «Видно изъ всего положенія дѣлъ, что восточное христіанство было принято ими (жителями Имеры) чисто внѣшнимъ образомъ». — Изъ чего, напр., видно это? А какъ принято было жителями Имеры западное христіанство?.. Русскіе всегда старались дѣйствовать на обращаемыхъ *verbis*, Нѣмцы — *verberibus*. (Ср. Chr. Liv. II, 5).

Стр. 136. «Когда Владимиръ (б. псковской) былъ епископскимъ фогтомъ въ Идумеѣ и Летляндіи, по поводу его притѣсненій, у него было враждебное столкновеніе съ мѣстнымъ духовенствомъ». — Столкновеніе было не «по поводу его притѣсненій», а по другой причинѣ: духовенство требовало отъ князя: «*ne neophytos nostros conturbando magis a fide Christi faceres deviare*»; притѣсненія — только предлогъ.

Стр. 144. «Слѣдовательно, тогда верховный владѣтель края (т. е. епископъ) бралъ на себя заботу о правильномъ, ежегодномъ вносѣ дани, и такимъ образомъ прямо ручался за ней». — Кто же долженъ считаться верховнымъ владѣтелемъ края: тотъ ли, кто платитъ дань, или же тотъ, кто ее получаетъ?

Стр. 144—145. «Нельзя указать ни русскихъ поселеній, ни укрѣпленій, которыя имѣли бы цѣлью обезпечить прочность дани, платимой Толовою. — Еще вопросъ, какого происхожденія «Кесь» (Zesis = Венденъ) —

латышскаго или *славянскаго*. О русскихъ поселеніяхъ въ Лифляндіи см. Трусмана — Введеніе христіанства въ Лифляндіи, стр. 177 (ср. Bunge Urk. 101, a; 518, Reg. 1238 b, III p. 1182).

Стр. 145. «Между тѣмъ Псковичи изъ одного соперничества съ западными пришельцами и изъ страха предъ ними *безъ особой надобности* (?) рѣшились взяться за миссіонерскую дѣятельность среди своихъ данниковъ-Леттовъ». — Едва-ли приведенную тираду можно считать серьезной.

Стр. 145—146. «Извѣстное сужденіе Генриха (XXVIII, 4) хотя вообще и *не безпристрастное, согласуется* въ данномъ случаѣ съ фактами». — И не безпристрастное, и въ то же время согласуется съ фактами — странно что-то!

Стр. 148. «Фактъ заключенія осенью 1224 г. «прочнаго» мира *не можетъ быть подвергнута сомнѣнію*; онъ подтверждается, *повидимому*, также свидѣтельствомъ папы Григорія III въ буллѣ отъ 17 янв. 1227 г.» — Боннель, однако, понимаетъ эту буллу иначе; да и самъ авторъ употребляетъ слово «*повидимому*». Дальнѣйшія основанія автора еще болѣе шатки. Мнѣ кажется, что этого «*прочнаго*» мира вовсе не было.

Стр. 149. «Хронистъ прибавляетъ, что легатъ долженъ былъ выслушивать подобныя *просьбы* (о мирѣ) отъ пословъ (русскихъ)». — Какъ же иначе могъ говорить Генрихъ? Вѣдь, Хроника написана по предложенію епископа, и легатъ взялъ ее съ собою въ Римъ¹⁾: это надо помнить.

Стр. 160. «Самое число убитыхъ значительно и *заставляетъ думать о вымогательствахъ и насиліяхъ* (русскихъ). — Авторъ вездѣ склоненъ видѣть хитрость и насилія Русскихъ, въ «*кровавыхъ же дѣлахъ*» Нѣмцевъ онъ видитъ «*значительную долю законности*»; между тѣмъ, здѣсь гораздо естественнѣе предположить о насиліяхъ именно со стороны Нѣмцевъ.

Стр. 164. «Я кончаю на этомъ, *не отдаваясь въ область гаданій*». — Какъ мы видѣли, «*гаданій*» у автора не мало.

Стр. 166. «Юрьевъ, по правописанію древнѣйшихъ лѣтописей собственно «*Гургевъ*». — Гургевъ — Гюргевъ — Юрьевъ одно и то же.

Стр. 168, прим. 1. «Оденпе означаетъ на древне-русскомъ языкѣ: «*Медвѣжья Голова*». — Можно подумать, что Оденпе—древне-русское слово.

Стр. 177. «Мстиславъ двинулся на Варбалу и взялъ дань, которая, *надо полагать*, была взята здѣсь Русскими въ первый разъ. — На основаніи чего же «*надо полагать*»?

Стр. 180. «*Теперь только (1216 г.) поднимаются Русскіе съ цѣлью помѣшати разростанію нѣмецкаго владычества*». — Самъ же авторъ раньше (на стр. 178, — 1212 г.) говоритъ, что «*враждебное столкновеніе сильнаго*

1) Hildebrand, Die Chronik Heinrichs von Lettland, 20.

войска Мстислава новгородскаго съ Нѣмцами *не произошло*, повидимому, *благодаря только случаю*.

Стр. 181. «Епископъ и орденъ) *застряли* ихъ (Угаунцевъ), что они свободны отъ Русскихъ». — Значить, жители были въ зависимости, — иначе, зачѣмъ нужно было *застрять* ихъ, что они свободны.

Стр. 193. «Альберту удалось подвинуть на крестовый походъ въ восточный *языческій край*». — Это было въ 1219 году; между тѣмъ Альбертъ еще въ 1203 году увѣрилъ папу, что «весь ливонскій народъ» окрестенъ; кромѣ того, по увѣренію нашего автора: жители Имеры *добровольно* подчинились и были крещены въ 1214 г. (стр. 131); жители Толовы (въ 1214 г.) тоже *добровольно* подчиняются Нѣмцамъ и переходятъ въ латинскую церковь (стр. 146); жители Сакалы снова принимаютъ христіанство (стр. 178); Угаунцы также приняли крещеніе отъ латинянъ (стр. 80) — и, все-таки, въ концѣ-концовъ, — *край языческій!*

Стр. 195. «Вѣра въ успѣхъ и объясняетъ то, что они (Нѣмцы) дважды *отклонили мирныя предложенія Русскихъ*». — Раньше авторъ говоритъ (на стр. 184): «Верховные владѣтели страны (епископъ и орденъ), хотя и были готовы къ войнѣ съ Русскими, *хотѣли, однако, по возможности избѣжать ея*». — А когда возможность эта представилась, они и забыли о миролюбіи, которое навязываетъ имъ нашъ авторъ.

Стр. 211. «Лифляндскій хронистъ *рѣзко порицаетъ* жителей Дерпта и князя Вячко». — Что-жъ тутъ удивительнаго? Вѣдь хронистъ нигдѣ не обмолвился добрымъ словомъ о Русскихъ.

Стр. 215. «На общемъ совѣтѣ *христіанъ* было принято рѣшеніе въ противоположность *кроткому образу дѣйствій* въ раньше бывшихъ случаяхъ взятія укрѣпленій, который не внушилъ достаточно страха, на этотъ разъ поступить съ осажденными самымъ суровымъ образомъ...» — Во-первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что авторъ, вслѣдъ за Генрихомъ, вездѣ (см. напр. стр. 201, 202, 210) *христіанъ противопоставляетъ Русскимъ*. Неужели авторъ серьезно не считаетъ послѣднихъ христіанами? Во-вторыхъ, относительно *кроткаго образа дѣйствія* (Нѣмцевъ) можно указать на слѣдующіе два факта: 1) на взятіе Нѣмцами Герцике, когда они «*und verderff darumb trent wuff und kundt*» (и погубилъ здѣсь женщинъ и дѣтей); 2) на взятіе Феллина въ 1223 году, когда «всѣ Русскіе, которые нашлись въ укрѣпленіи, *были потынены*». — Неужели авторъ эти дѣйствія считаетъ кроткими?

Стр. 217, прим. «Если и упоминаются эстонскія женщины (въ числѣ убитыхъ), то, *наотрн*, онѣ принимали участіе въ сопротивленіи. Что женщинъ и дѣтей обыкновенно щадили, продолжаетъ авторъ, это *ясно* изъ разсматриваемаго въ концѣ этого отрывка». — Во-первыхъ, «изъ разска-

зывается въ концѣ этого отрывка» — это вовсе не ясно; во-вторыхъ, если бы это было и «ясно изъ отрывка», то фактъ, приведенный выше (взятіе Герцике) говоритъ совсѣмъ другое; утвержденіе же самого автора, что эти женщины «наотрн» принимали участіе въ сопротивленіи», показываетъ только склонность автора объять звѣрскіе поступки Нѣмцевъ.

Стр. 220—221. «Имѣется еще русское свидѣтельство изъ нѣсколько позднѣйшаго времени, которое говоритъ также за то, что *Новгородцы отказались отъ Эстонскаго края*. Авторъ ссылается на Новгород. 1 лѣтопись. — Какъ было уже сказано (въ гл. II), это мѣсто лѣтописи вовсе не заключаетъ въ себѣ отказа Новгородцевъ отъ Эстонскаго края. Да и самъ авторъ (на стр. 150-й), повидимому, совсѣмъ иначе толкуетъ это мѣсто лѣтописи: «Ярославъ Всеволодовичъ новгородскій только-что вернулся на новгородскій столъ; вожаки враждебной ему партіи ушли во Псковъ и, когда онъ хотѣлъ пріѣхать туда же, Псковичи его не пустили. Тогда *подъ предлогомъ войны противъ Нѣмцевъ* онъ привелъ изъ Переяславля свою дружину» и т. д.

Стр. 222—224. «Не столько превосходству въ военномъ искусствѣ надъ Русскими, не столько самой храбрости, сколько цѣлесообразно направленной и упорной энергіи, которую питало религиозное одушевленіе крестныхъ воиновъ, обязаны Нѣмцы тѣмъ, что имъ удалось устранить русское вліяніе изъ теперешняго балтійскаго края. И *только подъ нѣмецкимъ владычествомъ* суждено было кореннымъ обитателямъ этого края не только обратиться въ христіанство — правда на первыхъ порахъ *большую частію путемъ принужденія*, — но и перейти въ упорядоченныя государственныя формы быта, которыя прежде всего, положивъ конецъ царившей въ краѣ непрерывной войнѣ, *обезопасили ихъ жизнь и обезпечили собственность*, впоследствии же сдѣлали возможнымъ ихъ культурное перевоспитаніе въ духъ христіанства. *Русскимъ* были чужды такого рода культурныя стремленія...»

Подобныя же сужденія высказываются и другими прибалтійскими историками: напр. Richter («Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben», 44), Seraphim (Geschichte Liv-, Est-und Kurlands... I, 17 etc.). Оставляя въ сторонѣ «военное искусство и храбрость» Нѣмцевъ, я останавлиюсь только на ихъ цивилизаторской дѣятельности въ Прибалтійскомъ краѣ. Едва-ли Нѣмцамъ слѣдуетъ особенно кичиться этою дѣятельностію: если они и достигли кое-какихъ результатовъ въ этомъ отношеніи, то нельзя не обратить вниманія на то, *какою цѣною* достигнуто все это.

У Russov'a¹⁾ читаемъ: «Unde so herlick alse de vam Adel in Lyfflandt sind priuilegeret gewesen, so elendigen entgegen weren de armen Buren in dissen Lande mit Gerichte unde Gerichticheit vorgesehen unde vorsorget, Wentе ein armer Buhr hefft nicht mehr Recht gehat, also syn Juncker edder de Voget men süluest gewolt hefft, unde de arme Man dorste sick by keyner hogen Auericheit keinerley gewalt unde unbillicheit haluen beklagen. Unde wenn ein Buhr mit synem Wyfe starff, unde lett Kinder na, sint de Kinder also geuormüdert worden, dat de Herschop alles wat de Oldern nagelaten hadden, tho sick genamen hefft, unde de Kinder müsten nacket unde blodt by des Junckeren Fүerstede liggen gahn, edder in den steden bedelen, unde eres Vederlicken godes gantz entberен. Unde alles wat ein armer Buhr vormochte, des was he nicht mechtig, sondern de Herschop, Unde dar sick ein Buhr ein weinich vorbraken hadde, ys he wedder alle barmherticheit unde Minschlicken affect, van synem Junckern edder Landtvagede, de men hyr de Landknechte nömet, naket upfgetagen, unde synes Olders haluen unuorschet, mit langen scharpen Roden gequestet worden, unde kein Buhr konde disser Tyrannye anich syn, ydt was den sake dat he Ryke was, unde sick alle tydt mit einer stadtlicken Geschencke lösen könde. Ock worden etlicke vam Adel gefunden, de ere arme Buren und Underdanen gegen Hunde und Winde vorbütet unde vormesselt hebben. *Solcke unde dergelyken anermodt unbillicheit und Tyrannye hefft de arme Burschop ane yenige ynsehendt der Auericheit hyr im Lande, van dem Adel unde Landknechten lyden unde dүlden möten...*»

«Въ нѣсколько лѣтъ, говорить проф. Д. И. Иловайскій²⁾, земля Ливовъ была покорена совершенно; но, вслѣдствіе жестокаго³⁾ характера борьбы, этотъ довольно зажиточный край подвергся страшному опустошенію и обнищанію. Голодъ и моровое повѣтріе докончили дѣло опустошенія, начатаго Нѣмцами. Въ послѣдующіе вѣка обнищавшее, рѣдкое населеніе Ливовъ слилось съ латышскимъ племенемъ; такъ что въ наше время можно найти только разсѣянные кое-гдѣ, ничтожные остатки этого нѣкогда значительнаго народа, давашаго свое имя почти всему Прибалтійскому краю...»

«Этотъ исчезающій народецъ (Ливы), говорить Риттихъ⁴⁾, живеть по Балтійскому морю, отъ мыса Люзерорта до мыса Домеснеса и далѣе по берегу на 12 верстъ. Всего у нихъ 130 дворовъ (14 деревень, въ которыхъ живеть до 2540 человекъ).

1) *Scriptores regum Livonicarum* II, 28, et passim; ср. Соловьева *Исторія Россіи* III, прим. 257.

2) *Исторія Россіи* II, 129; ср. *ibid.* 134, 137, 148.

3) О жестокости Нѣмцевъ см. *Chron. Livoniae* XI, 4; XIV, 5; XVI, 8; XVIII, 7; XXV, 2; XXVIII, 5, 6...

4) *Матеріалы для этнографіи Россіи. Прибалтійскій край* (СПб., 1873), стр. 22.

По свидѣтельству того же Риттиха, «Эсты до сихъ поръ называютъ Нѣмцевъ *пришельцами, унетателями*»¹⁾. Да и какъ иначе могутъ туземцы смотрѣть на Нѣмцевъ, которые, по замѣчанію Карамзина²⁾: «съ мечемъ искали спасенія душъ въ убійствѣ людей». Кажется, однако, о спасеніи-то душъ менѣе всего думали Нѣмцы.

Какъ, вообще, поступали нѣмецкіе проповѣдники, видно изъ слѣдующаго свидѣтельства современника:

«Barvusen and predigere
Waren im deme selben here.
Da sach man den ersten brant
Den brante eines predigeres hant
Und eines barvusen darnach»...³⁾.

Русскимъ, дѣйствительно, чужды были *такою рода* культурныя стремленія. Но что имъ не чужды были культурныя стремленія вообще, достаточно указать на исторію Литвы. Приведу свидѣтельство Ярошевича⁴⁾:

1) Въ «Христіанскомъ Читеніи», за 1887 г., помѣщена статья г. Е. В. «Культурно-религіозныя движенія въ Лифляндіи». Авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Нѣмцы въ пѣсняхъ иначе не называются, какъ грабителями, разбойниками, порожденіемъ діавола». Въ одной эстонской пѣснѣ говорится такъ:

«Думать надо создагъ чортъ вась
Или змѣй старинный:
Вы всегда объаты были
Злобою змѣиной...»

Пѣсня эта оканчивается слѣдующими знаменательными словами:

«Даніилъ російскій, сильный,
Помоги намъ, просимъ!
Пусть мы снова вольны будемъ,
Снова рабство сбросимъ...»

«По нашему мнѣнію, продолжаетъ г. Е. В., такія и еще болѣе рѣзко выраженныя чувства и желанія существовали во все время нѣмецкаго господства...»

Приведу еще выдержки, въ переводѣ, изъ латышскихъ пѣсней:

«Изъ крестовъ скована Русская земля,
А эта (т. е. латышская) обезсилена господами;
Черезъ кресты восходитъ солнце,
А черезъ господъ заходитъ...»
«Рига, Рига! красива, красива она!
Но кто ее сдѣлалъ красивою?
Тяжелая неволя Лифляндцевъ,
Ихъ подкованные кони...»

(«Памятники Латышскаго народнаго творчества». Собралъ и издалъ И. Я. Спрогисъ. Вильна, 1868 г., стр. 294—295).

2) Карамзинъ III, 85.

3) Reischronik, т. 4235—39 (Рассказывается о походѣ, въ 1255 г., противъ Жемонтовъ: «Босоногіе (т. е. францискане) и проповѣдники (доминикане) были въ томъ же самомъ войскѣ; вотъ увидѣлъ первый пожаръ: его зажгла рука проповѣдника, а потомъ (и рука) босоногаго».

4) Jaroszewicz — Obraz Litwy 1, str. 174—175.

«Oprócz handlu, który oddawna zbliżając oba narody, wcześniej Litwinów z mową ruską; oprócz religii obżądку грецкого, która... od XIII już wieku znaczne pastępy czyniąc w Litwie, przez swych duchownych i liturgią słowiańską, również oswajała Litwinów z ruszczyzną; bardziej jeszcze przyczyniły się do tego politiczne stosunki Litwy z ludniejszą i *daleko oświeceńszą* bo chrześcijańską Rusią... Taką to drogą, nie tylko *wyższą* podówczas *cywilizacya Rusi* wpływ swój nie z jednego względu, wywierać musiało na Litwie, ale i język ruski, zwłaszcza w wyższej klassie mieszkańców do tyła z czasem wziął górę przed mową rodzinną, że się stał nareszcie językiem i dworu i sądu...»

Только стечение крайне неблагоприятныхъ условий (нашествіе Нѣмцевъ съ одной стороны, Татаръ — съ другой) лишило Русскихъ возможности достигъ такихъ же благоприятныхъ результатовъ и въ Ливонскомъ краѣ, какихъ достигли они въ краѣ Литовскомъ.

Но и здѣсь, въ Ливонскомъ краѣ, сохранились слѣды культурнаго вліянія Русскихъ.

Извѣстный ученый Прейсъ¹⁾ идетъ еще далѣе: «Въ нарѣчїи прусской Литвы, пишетъ онъ, открывается немалое число словъ безспорно русскаго происхожденія, которыя всѣ указываютъ на то, что въ тѣхъ мѣстахъ Пруссїи, которыя нынѣ заключаютъ въ себѣ населеніе литовское, христіанство имѣло своихъ послѣдователей до пришествія еще Нѣмцевъ... Натурально, что позднѣйшія историческія обстоятельства привели въ забвеніе многія слова сего разряда. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, сохранившіяся въ теченіе столькихъ столѣтій: *gaweti* — говѣть; это слово нынѣ устарѣло, вмѣсто него употребляется *rasnikaju* — постничаю; удержалось однако же сложное: *uzgawenes* — заговины; *kumas* — кумъ; *bažnuczia* — церковь, напоминаетъ *божницу* рус. лѣтописей; *bažijus* — божусь. Съ христіанствомъ пришли названія дней недѣльныхъ: *czetwergas* — четвергъ, *petnuczia* — пятница, *subbata* — суббота, *segrada* — середа. Эти слова имѣютъ всѣ признаки русскаго діалекта; слово: *uttarnikas* — вторникъ — еще интереснѣе: оно совершенно Западно-Русское. Сюда же принадлежитъ слово: *pedele* — недѣля (въ значеніи седмицы, иногда и воскресенія), откуда и *panedelis* — понедѣльникъ. Тѣмъ же путемъ зашли въ литовскій языкъ: *gromata* (письмо) — грамота, *knygos* — книги. Названія нѣкоторыхъ праздниковъ: *wankrikstis* — перев. съ рус. — водокреши, *welykos* (Пасха) — Великъ день, *werbu diena* (Вербный день) — Вербное воскресенье... Вмѣстѣ съ исчисленными выше, перешли вѣроятно изъ русскаго же языка: *kodylas* — кадило, *weczere* — вечеря, св. причастіе, *gojus* — рай, *swadba* —

1) Журналъ Мин. Народ. Просв., май 1840 г.

свадьба, wenczawoti — вѣнчать, obgozas — образъ, griekas — грѣхъ, sudna diena — судный день и т. д. Любопытны нѣкоторыя слова, указывающія на юридическія и политическія отношенія: bajogas — бояринъ, suditi — судить, sudas — судъ, temniczia — темница, ugedas — урядъ, lucus — поличное, въ «Рус. Правдѣ»: лице, tijunas — тiунъ, atmonas — атаманъ. Извѣстно, что въ древнемъ рус. яз. *обрубъ, обруба* значило: округъ, область, и въ прусско-литов. arigabba — имѣть то же значеніе. Сюда же вѣроятно принадлежитъ слово: sebrgas (половинникъ), которое находится въ эстонскомъ, и sōbbel (участникъ) sōbbina — предпринимать что-либо изъ половины, рус. *сябры*, донинѣ извѣстные въ провинціяхъ (въ западно-русскомъ оно существуетъ, какъ видно изъ Сборника Муханова, стр. 133); imēnia — имѣніе. Всѣ эти слова заимствованы очевидно изъ русскаго яз. Вотъ еще нѣкоторыя имена: bubnas — бубень, kažemekas — сыромятникъ (кожемяка), kisselus — кисель, muilas — мыло, ragams — паромъ, soragas — сапогъ, swetlyczia — свѣтлица, zerkolas — зеркало, boczka — бочка, darpaku — до проку, до остатка, до конца...»

Перехожу теперь къ слѣдамъ русскаго вліянія собственно у туземцевъ Прибалтійскаго края:

Г. Трусманъ¹⁾ говоритъ: «Можно съ большою справедливостью утверждать, что значительная часть туземцевъ края гораздо лучше была знакома съ христіанствомъ въ формѣ православія, чѣмъ въ формѣ католичества, хотя бы у насъ и не доставало прямыхъ историческихъ данныхъ для этого утвержденія. Что же касается вопроса, принимали-ли они православіе, то онъ можетъ быть рѣшенъ съ большимъ правдоподобіемъ, когда дѣло идетъ о народностяхъ, которыя почти непрерывно находились въ данническихъ отношеніяхъ къ Русскимъ... Латыши повидимому первоначально познакомились съ православіемъ отъ своихъ сосѣдей Кривичей, ибо доселѣ у нихъ Русскій называется Kgeews, а русская или православная вѣра kgeewu-tiziba; слѣды первоначальнаго знакомства ихъ съ православіемъ мы усматриваемъ въ слѣд. словахъ: bajniza — церковь, kristihtes — креститься, kristiit — крестить, krusts — крестъ, krista tehws — крестный отецъ, kristi mahte — крестная мать, krista kuhm — кумъ, krustu met — метать крестъ (т. е. творить крестное знаменіе), krusaine — крещеніе, kruti kutja — вареная пшеница съ горохомъ, употребляется въ рождественскій сочельникъ, pops — священникъ, kristigs (zilweeks) — христіанинъ, gaweht — поститься (говѣть), gawena laiks — постное время, klanihtees — кланяться, seemas swehtki — зимнія святки (Рождество), wasaras swehtki — лѣтній праздникъ (Троица), leel deena — великій день (Пасха). — Гораздо

1) «Введеніе христіанства въ Лифляндію», Г. Трусмана (СПБ. 1884), стр. 171—177; ср. «Исторія Ливоніи» (Е. Чешихина). (Рига, 1884 г.), стр. 56—66.

менѣе вліянія Русскихъ можно находить въ яз. Эстовъ. Повидимому, заимствованными отъ Русскихъ представляются слѣд. слова: *gistima* — креститься, *gist* — крестъ, *gistipimene* — христіанинъ, *porp* — священникъ, *kell* — колоколъ, *kirik* — церковь, *raast* — постъ... Подведя итогъ всему сказанному, мы, гов. г. Трусманъ, должны согласиться съ мнѣніемъ ученаго Гутцейта¹⁾, формулированнымъ такъ: «достоверно (*geschichtlich*), что исповѣдники греческой вѣры были первыми провозвѣстниками и распространителями христіанства въ Лифлянді; недостоверно (*ungeschichtlich*), что они имѣли въ виду обращеніе всѣхъ туземцевъ въ христіанство (*Verchristigung*)...» «Русскіе — продолжаетъ Г. Трусманъ — не только появлялись въ городахъ для торговыхъ операцій, но поселялись въ Лифлянді цѣлыми деревнями. Такъ, въ самой Лифлянді уже въ 1211 г. упоминается большая русская деревня *Wendeculla* (*Heinr. XV, 3*). Около первой половины XIII в. въ Війкѣ, Эвельской епархіи, упоминается русское село *Wendecole* вмѣстѣ съ другимъ *Quevele*, лучше которыхъ едва-ли можно было найти во всей провинціи (*U. V. n. 101, a*)... Затѣмъ въ 1286 г. упоминается въ Эстоніи русская деревня *Wendeverge* (*U. V. n. 518*)... Въ 1368 г. на леальской границѣ въ Эстоніи упоминается пунктъ *Russen-Grave* (*ib. n. Reg. 1238 b*), свидѣтельствующій о пребываніи тамъ Русскихъ. Въ 1382 г. упоминается русская деревня (*Russen dorp*), которая имѣла тогда 26 гаконовъ земли, принадлежавшей рыцарю Іоанну Тизенгаузену...»

Самъ Г. Кейслеръ, разбирая соч. Астафа фонъ-Транзее (*Transehe*)²⁾ говоритъ: «Упомянемъ только объ одномъ, повидимому неважномъ, но въ культурно-историческомъ отношеніи имѣющемъ громадное значеніе, вопросѣ. На стр. 369 авторъ статьи (*Transehe*), говоря о степени образованности Латышей, высказываетъ такое мнѣніе: «Наименованіе дней недѣли несомнѣнно возникло въ болѣе позднее время». Я, говоритъ Кейслеръ, долженъ на это замѣтить слѣдующее: какъ латышскія, такъ и эстонскія наименованія дней недѣли, хотя въ литературѣ на это и нѣтъ указаній³⁾, возникли несомнѣнно подъ русскимъ вліяніемъ. Въ западной церкви недѣля начинается съ воскресенья, которое называется *dominica* или *feria prima*, понедѣльникъ — *feria secunda*, вторникъ — *feria tertia* и т. д. Восточная же церковь начинаетъ счетъ дней недѣли съ понедѣльника, вслѣдствіе чего понедѣльникъ, вторникъ, среда по-русски, равно какъ и

1) *Mittheil. aus d. livl. Gesch. B. XI, p. 378.*

2) *Die Eingeborenen Alt-Livlands im XIII-Jahrhundert (Baltische Monatschrift, 1896).* Краткій рефератъ объ этой статьѣ помѣщенъ г. Фр. Кейслеромъ въ *St. Petersburg. Zeitung, 1896, № 212.*

3) Указанія, какъ мы видѣли, были.

по-латышски и по-эстонски, означаютъ — первый день, второй, третій день недѣли и т. д. Этого наблюденія достаточно для того, чтобы доказать, что до появленія нѣмецкихъ миссіонеровъ, Русскіе, жившіе здѣсь по сосѣдству, уже и тогда имѣли на туземцевъ, жившихъ въ то время въ предѣлахъ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинцій, до нѣкоторой степени, свое культурное вліяніе, на которое до настоящаго времени еще не было обращено вниманія. Сверхъ вышеуказаннаго, слѣдуетъ привести еще два примѣра: два важныхъ въ культурномъ отношеніи латышскихъ слова «церковь» и «грѣхъ» были позаимствованы изъ русскаго яз. еще до возникновенія миссіонерской дѣятельности Нѣмцевъ...¹⁾.

На X Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ, проф. А. А. Кочубинскій прочелъ рефератъ: «Территорія доисторической Литвы», въ которомъ, между прочимъ, указалъ на значеніе языка вообще, какъ на архивъ свѣдѣній для этихъ доисторическихъ и раннихъ историческихъ, и при этомъ, для иллюстраціи, сослался на христіанскую терминологию въ языкѣ Латышей, изъ которой видно, что проповѣдь христіанства пошла отъ востока, отъ древней Руси, ранѣе XIII вѣка²⁾.

Въ то же время И. Д. Крюгеръ сдѣлалъ сообщеніе: «О вліяніи Русскихъ на общественный бытъ Латышей по даннымъ языка». Пользуясь этими данными, референтъ устанавливаетъ вліяніе Русскихъ на Латышей въ древнѣйшую эпоху: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ отношеніи родового быта и зачатковъ образованія у Латышей княжеской власти и 3) въ судебномъ отношеніи...

Внимательно прочитавъ сочиненіе автора, я нахожу, что заглавіе труда его не точно передаетъ содержаніе; точнѣе было бы озаглавить такъ: «Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи, по Хроникѣ Генриха Латыша». Но тогда необходимо устранивъ поставленный г. Кейсслеромъ эпиграфъ: «*carissima veritas!*».

Нельзя не отмѣтить нѣсколько неудачныхъ выраженій.

Стр. 29, прим. «Хотя этотъ недостатокъ, который, кстати, какъ непосредственно вслѣдъ за этимъ явствуется, имѣлъ и свою хорошую сторону, указывается» и пр.

1) Sitzungsberichte der Gesellschaft am d. J. 1891 (Riga, 1892), 119.

2) Рефератъ напечатанъ въ Журн. Мин. Нар. Пр., январь 1897 г. Здѣсь приведены нѣкоторые христіанскіе термины въ яз. Латышей; русское начало этихъ терминовъ несомнѣнно (большая часть ихъ приведена выше). «Къ христіанскимъ терминамъ присоединимъ, говоритъ проф. А. А. Кочубинскій, бытовые, экономическіе, социальныя, и мы ясно видимъ, что Латыши давно принадлежали русскому востоку, какъ его давнія духовныя дѣти, прямо входили въ сферу культурнаго вліянія древней Руси...»

Стр. 29—30. «Скорѣе даже прямое опроверженіе того, что утверждаетъ Арнольдъ, можно найти у лифляндскаго хрониста въ одномъ позднѣйшемъ отрывкѣ, о значеніи котораго, впрочемъ чисто относительно, будетъ говорить въ другомъ мѣстѣ».

Стр. 83. «Пабстъ замѣчаетъ: «Должно быть однако не каждый разъ, когда Ливы не платили, такъ что случилось, что полоцкій князь и ничего не получалъ».

Стр. 111. «Что касается дальнѣйшихъ извѣстій о Герцике, останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе два обстоятельства. И дагѣ: «Принятое въ 1239 г. рѣшеніе отстроить Герцике, повидимому не было приведено въ исполненіе, потому что, какъ оказывается, лишь въ XIV ст. мы опять встрѣчаемъ «castrum» Герцике».

Стр. 225. «Въ своемъ недавно явившемся фундаментальномъ сочиненіи».

Неудачные обороты встрѣчаются также на стр. 36 (переводъ изъ Хроники), 73, 84, 98, 134, 172 и др.

Карта, приложенная къ сочиненію г. Кейслера, составлена имъ на основаніи картъ гг. Меркеля и Биленштейна, съ нѣкоторыми поправками.

Несмотря на то, что во многомъ нельзя согласиться съ авторомъ, я, тѣмъ не менѣе, долженъ признать его трудолюбіе и любовь къ дѣлу, а также полное знакомство съ новѣйшими, по крайней мѣрѣ нѣмецкими, сочиненіями по тому вопросу, которому онъ посвятилъ свое изслѣдованіе. Нельзя не отмѣтить также рѣшимости автора издать свое сочиненіе по-русски. Дѣятельность автора была бы несравненно плодотворнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы онъ отрѣшился отъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ взглядовъ. Признаю, однако, трудъ г. Кейслера заслуживающимъ Уваровской преміи.

